

05
с-24

22890

СВѢТОЧЪ

— ■ И ■ —

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

Подъ редакціей
А. В. Круглова.

Годъ IV.

Февраль.



1910 г.

Контора журнала напоминает подписавшимся въ разсрочку, что второй взносъ (2 руб.) нужно прислать къ 1-му марта. Несдѣлавшимъ второго взноса къ 1-му марта — 3-я книга журнала будетъ задержана высылкой.

СОДЕРЖАНІЕ.



„СВѢТОЧЪ“.

I — „Я НЕ СКАЖУ, ЧТО МНѢ УЕДИНЕНЬЯ“... — Стихотв. — А. В. Круглова	3
II — ТУРЦІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. — Окончаніе. — А. В. Кичина	4
III — ПРОПАЛОЕ БОЛОТО. — Сказъ. — VI — X. — А. Н. Догановичъ	10
IV — СТИХОТВОРЕНІЯ. — I — II. — А. А. Коринфскаго	39
V — МОЯ МУЗА. — Стихотворенія. — Ф. И. Чернова	40
VI — АНТОНЪ ГОРЕМЫКА ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ. — Свящ. М. И. Менстрова	42
VII — „ЗАТВОРИВШИСЬ ВЪ ТѢСНОЙ КЕЛЬѢ“. — Стихотв. — А. В. Круглова	49
VIII — ВСТРѢЧА. — Разсказъ. — И. В. Попова-Пермскаго	50
IX — БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. — VIII. — ЦАРИЦА САВСКАЯ. — А. Н. Никитиной	58
X — ЦАРИЦА САВСКАЯ. — Иллюстр. на отд. листѣ	61
XI — СУДЪ СОЛОМОНА. — Иллюстр. на отд. листѣ	65
XII — ЭКСКУРСІЯ ВЪ ОБЛАСТЬ НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ. — Д-ра мед. В. К. Недзвецкаго	69
XIII — ЖИВАЯ СМЕРТЬ. — Повѣсть. — I — III. — В. Г. Рязанцева	77
XIV — ПЕРЕЖИТОЕ. — Воспоминанія. — Часть 3-я. Глава II — III. — А. В. Круглова	101
XV — „ТЫ НЕ ГОРДИСЬ ПРЕДЪ НЕИМУЩИМЪ“. — Стих. — Н. Н. Барина	111
XVI — СОВРЕМЕННОЕ ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ И ЕГО РОЛЬ ВЪ БУДУЩЕЙ ВОЙНѢ. — III. — Полковника генер. штаба М. А. Дормана	112
XVII — ВЪ ТУРЕЦКОЙ КОФЕЙНѢ. — Иллюстр. на отдѣльн. листѣ	125
XVIII — ШОПЕНГАУЕРЪ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ. — Окончаніе. — П. И. Бѣляева	127
XIX — „ѢДЕТЬ ПО ПОЛЮ КОЛЯСКА“. — Стих. — Б. В. Каховскаго	141
XX — СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ КОВАЛЕНСКІЙ. — Изъ воспоминаній М. Г. Сулимы	142

СВѢТОЧЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

иллюстрированный литературно-научный

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. В. Круглова.

Годъ IV.

Февраль.



1910 г.

Редакція „СВѢТОЧА“ и „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“
Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, д. гр. Олсуфьевой.

Въ журналѣ принимали и принимаютъ участіе, кромѣ **А. В. Круглова** и **А. Н. Догановичъ**, слѣд. ученые, писатели и художники: **Н. А. Акимовъ**, **П. А. Ахсаковъ**, **Л. Д. Александровъ**, **Л. Н. Афанасьевъ**, **Н. Н. Бариновъ (Знбе)**, проф. **А. Ф. Басовъ**, **О. П. Бахмутская**, д-ръ философи **М. В. Безобразова**, **С. М. Битюковъ**, **М. С. Бѣлкинъ**, **П. И. Бѣляевъ**, **Л. Н. Бельковичъ**, **Д. П. Варлыгинъ**, профес. дух. академіи **Д. И. Введенскій**, **С. В. Витимскій**, **С. М. Власьевъ**, **И. И. Вологодскій**, **И. Н. Глухаревъ**, **К. П. Говоровъ**, **Л. Д. Гончаревскій**, **Н. А. Гребечкой**, свящ. **А. М. Державинъ**, **В. С. Добржинецкій**, прив.-доцентъ моск. унив. д-ръ медиц. **С. М. Доброхотовъ**, **А. П. Доброхотовъ**, полк. генер. штаба **М. А. Дорманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій**, **А. В. Жиркевичъ**, **И. И. Житницкій**, **В. И. Ивановъ**, **О. В. Иванова**, **В. Я. Ивановъ-Енотаевскій**, **Н. П. Ивинская**, **Б. В. Каховскій**, **И. В. Каховскій**, **Е. Н. Клетнова**, **К. Г. Конаржевскій**, **А. А. Коринфскій**, **М. А. Козыревъ**, прис. пов. **Н. Д. Кузнецовъ**, **Р. П. Кумовъ**, **В. П. Лебедевъ**, **К. С. Лебедевъ**, **Е. Н. Ловецкая**, **М. В. Лысковскій**, **К. П. Медвѣдскій**, **В. Л. Маяковъ**, свящ. **М. И. Менстровъ**, **П. П. Мироносицкій**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій**, **Н. А. Мучникъ**, докторъ медиц. **В. К. Недзвецкій**, **А. Н. Никитина**, **Н. Н. Оглоблинъ**, **М. И. Орѣшниковъ**, свящ. **М. И. Пеньковскій**, **Е. А. Полушкина**, **И. В. Поповъ-Пермскій**, **Я. Я. Полферовъ**, **Е. Н. Поселянинъ**, **Д. М. Ратгаузъ**, **Б. И. Радинъ**, **П. И. Радицъ**, **П. А. Россіевъ**, **И. В. Роцинъ**, **В. Ф. Рыжковъ**, **В. Г. Рязанцевъ**, **И. А. Савченко**, **Л. А. Самарина**, **Е. И. Свѣтова**, **В. А. Скрипицынъ**, **А. В. Скрипицынъ**, **К. И. Смирновъ**, **Н. П. Столпянскій**, **М. Г. Сулима**, проф. моск. универс. **И. Т. Тарасовъ**, профессоръ **А. А. Тихомировъ**, **С. Т. Тураганъ**, **А. А. Федоровъ-Давыдовъ**, **С. Н. Хазовъ**, **Ф. И. Черновъ**, **А. А. Чумакъ**, **Ф. М. Чеботаревъ**, **С. Н. Шубинскій**, **И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Бенлемишевъ**, **И. Е. Полушкинъ**, **А. И. Рунина-Коцугъ**, **А. И. Сооловъ**, **П. Ф. Яковлевъ** и др.

Къ свѣдѣнію авторовъ.

1) Принятія статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Авторы, несогласные на это, благоволятъ оговорить свои требованія при посылкѣ статей. Необозначающимъ размѣра гонорара, таковой назначается по усмотрѣнію редакціи. Гонораръ выдается по воскресеньямъ отъ 4-хъ до 5 часовъ. Расчетъ по журналу производится чрезъ 10 дней по выходѣ книжки. По почтѣ гонораръ высылается 15 ч. кажд. мѣсяца.

2) На отвѣтъ должна прилагаться почтовая марка. Рукописи обратно высылаются только заказной бандеролью, для чего должны быть присланы марки въ соответствующемъ количествѣ. Стихи и замѣтки менѣ листа не возвращаются.

3) Рукописи сохраняются 3 мѣсяца, послѣ чего уничтожаются. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Черазборчивыя рукописи НЕ ЧИТАЮТСЯ. ПРОСЯТЪ ПИСАТЬ НА ОДНОЙ СТОРОНѢ ЛИСТА. Личныя объясненія въ редакціи съ редакторомъ только по воскресеньямъ отъ 4 до 5 ч. дня; съ секретаремъ редакціи въ остальн. дни отъ 3 до 4 ч. дня.



* * *

не скажу, что мнѣ уединенья
И тишины его не жаль...
Какъ злой недугъ, гнететъ меня печаль:
Зачѣмъ принесъ я въ жертву вдохновенье,
И звуки чистые молитвъ
Я промѣнялъ на клики битвъ!

Зачѣмъ... зачѣмъ! Но могъ ли я молчать,
Когда безумцы къ шовѣрцу
На службу шли? Какъ могъ сказать я сердцу:
Замри, не смѣй за родину страдать!
Оборвались мои молитвы,
И вышелъ я на поле битвы!

Для родины я лирѣ измѣнилъ,
Принесъ я въ жертву вдохновенье...
Исполненъ долгъ! Но все жъ уединенья,—
Гдѣ мирно я пѣвцомъ свободнымъ жилъ,—
Невольно жаль; о немъ тоскуя,
Въ его тиши мечтой гошу я.

А. Кругловъ.





ТУРЧАНКИ.

ТУРЦІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

III *).

Центръ константинопольской книжной торговли находится на большомъ базарѣ, въ Стамбулѣ. Здѣсь въ этомъ базарѣ, представляющемъ собою какой-то лабиринтъ съ кривыми, слабо освѣщенными корридорами, — есть отдѣльный рядъ— „саххафъ-чаршисы“, т. е. книжный рядъ. Но читатель совер-

шенно ошибется, если вообразить, что здѣсь находится рядъ книжныхъ магазиновъ, хотя сколько нибудь похожихъ на европейскіе книжные магазины. Куда! это даже и не наши маленькія лавочки, въ родѣ лавочки букиниста какого-нибудь въ Александровскомъ рынкѣ... Турецкія книжныя лавки—это какіе-то крохотные чулапчики, что-то въ родѣ нашихъ шкапиковъ и ларей со старыми книгами. Въ этихъ крошечныхъ лавочкахъ, по словамъ г. Смирнова, торговцы въ собственномъ смыслѣ „сидятъ“, забравшись на прилавокъ съ ногами, а иногда даже и лежатъ, заслоня собою свои товары, такъ что не вдругъ разберешь, что продается въ лавкѣ—книги или что другое.

Мало этого:—собственно книжныхъ лавокъ и книжныхъ торговцевъ—въ турецкой столицѣ очень немного; потому что торговля книгами большею частью соединяется съ какой нибудь другой торговлей. Персіяне и именно табачные торговцы—вотъ кто занимается книжною торговлей. И при этомъ табакъ (тумбеки) скорѣе главный, чѣмъ второстепенный товаръ въ лавкѣ. Тумбеки въ мѣшкахъ лежитъ на самомъ видномъ мѣстѣ, а книги спрятаны во внутрь лавочки. Турецкіе книгопродавцы не имѣютъ обыкновенія издавать каталоговъ,—и эти послѣдніе, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, издаются нѣкоторыми типографіями. При этомъ надо замѣтить, что каждая типографія печатаетъ лишь только каталогъ своихъ собственныхъ книгъ... Но впрочемъ о типографіяхъ нѣсколько словъ ниже,—а теперь окончимъ рѣчь о „книгопродавцахъ тумбекчи“.

*) См. «Свѣточъ», Янв. 1910 г., стр. 104.

Отличаясь проницательствомъ, плутовствомъ и склонностью къ эксплуатаціи покупателя,—турецкіе книгопродавцы—не отличаются особеннымъ образованіемъ. Впрочемъ это слишкомъ мягко: образованія то не имѣется и у многихъ нашихъ книжныхъ торговцевъ; нѣтъ, точнѣе будетъ если мы скажемъ, что константинопольскіе книгопродавцы круглые невѣжды. Они не только незнакомы съ турецкой литературой, которая, замѣтите, очень бѣдна, но они перѣдко даже не знаютъ, что именно есть въ ихъ лавочкѣ: ни дать, ни взять наши книжные торговцы въ провинціальныхъ толкучихъ рынкахъ. Часто напр. г. Смирновъ спрашивалъ каку-нибудь книгу. Торговецъ отвѣчалъ отрицательно. Когда же покупатель начиналъ самъ пересматривать весь товаръ, то находилъ именно требуемое. Но это еще все ничего въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, какой приводитъ г. Смирновъ въ своемъ очеркѣ. Этотъ фактъ мы приведемъ здѣсь, какъ образчикъ полного невѣжества турецкихъ Kitabджи. „Однажды я прохожу черезъ книжный рядъ довольно поздно, часу въ пятомъ пополудни. Лавки были большею частію уже закрыты. Немногіе изъ запоздавшихъ торговцевъ лѣниво поднимались съ своихъ сидѣній и замыкали створы своихъ лавокъ, откидываемые кверху и книзу. Вдругъ кто-то дергаетъ меня за полу и кричитъ: „штъ! гяль! антыкваръ, антыка!“ (Слышь поди сюда! Рѣдкость есть, рѣдкость!). Я хотя и не былъ расположенъ въ этотъ день возиться съ книгопродавцами, но долженъ былъ остановиться, уступивъ настойчивому приглашенію. Kitabджи влѣзъ на прилавокъ, отперъ снова лавку, откинулъ нижній створъ ея и досталъ коробочку. Затѣмъ онъ засучилъ рукава своего „джубѣ“, точно будто приготовляясь къ какой то операціи; открылъ коробочку, вынулъ изъ нея осторожно, двумя пальцами, маленькій старій глобусикъ, и прицеливая языкомъ, поднесъ мнѣ его почти къ самому носу. Я сдѣлалъ серьезную мину, спросилъ, что онъ хочетъ за эту „рѣдкость“.— Ики лира, 2 лиры, около 14 рублей, отвѣчалъ онъ. Тутъ я уже не выдержалъ и расхохотался. Kitabджи видно былъ озадаченъ этимъ; выпучилъ на меня глаза и спросилъ, поинзивъ топъ: „а скажи пожалуйста, что это за вещь такая?“ Я ему пояснилъ, что это глобусъ, который и новый въ европейскомъ магазинѣ стоитъ не болѣе пяти пиастровъ. Kitabджи сконфузился и принялся обратнымъ порядкомъ укладывать свою антыку“. А вѣдь между тѣмъ—этотъ kitabджи—изъ софтовъ! Вотъ вамъ и турецкіе студенты!

Заговоривъ о рѣдкостяхъ, къ слову уже коснулись и старыхъ книгъ. Надо замѣтить,—старыя книги, которыхъ вообще и больше въ книжныхъ лавочкахъ,—цѣнятся гораздо дороже, чѣмъ новыя. Это потому, что прежде и печать и бумага и сама редакція—все было лучше. Въ настоящее время—все это небрежно и плохо. Ни правительственные типографіи (въ Гюльханѣ), ни частныя печатни не могутъ похвалиться ни шрифтомъ, ни умѣlostью рабочихъ. Турецкія типографіи—это скорѣе какія-то грязныя кузницы уѣздныхъ русскихъ

городовъ; напечатанныя листы—валяются по полу, буквы слѣбныя, сверстка безобразная, пагинація—перепутанная. Опечатокъ—бездна,—ну да это что! Опечатки не могутъ быть поставлены въ грѣхъ турецкимъ печатнямъ, если и русскія типографіи до сихъ поръ не могутъ печатать безъ ошибокъ.

Но кто издастъ новыя сочиненія? — авторы, и книгопродавцы. Такъ наприимѣръ,—исторія Джавдэ-паша куплена букшистомъ, который и есть единственный собственникъ этого, болѣе другихъ распространеннаго изданія.— Но неужели въ Турціи не существуетъ кромѣ книгъ, газетъ и журналовъ? Есть же вѣдь журналистика? Да, журналистика существуетъ, но только въ одномъ родѣ: журналовъ въ Турціи не издается, а издаются лишь только газеты и сатирическіе листки. Изъ крушыхъ газетъ болѣе другихъ выдаются четыре: „Джердею-Хавадисъ“ (Череда событій), „Вакигъ“ (Время), „Басиретъ“ (Наблюденіе) и „Шаркъ“ (Востокъ). Изъ всѣхъ этихъ газетъ—самая популярная—Басиретъ („Череда событій“—официальный органъ — очень безцвѣтный; другія двѣ также не пользуются особеннымъ вниманіемъ публики), можетъ быть названа турецкимъ Times'омъ. Эта газета распространена какъ никакая другая, вы увидите ее вездѣ: и на пароходѣ, и въ кофейной, и въ школахъ... Это — душа стамбульскаго грамотнаго люда. Слѣдующими словами Смирновъ характеризуетъ эту газетку, „Басиретъ“ характеризуется главною цѣлью, которую она преслѣдуетъ—распространеніе среди турокъ цивилизаціи и правильныхъ quasi—современныхъ взглядовъ на жизнь, разумѣется, сообразно съ тѣмъ, какъ понимаютъ цивилизацію и прогрессъ османскіе публицисты. „Басиретъ“ не прочь порою и полиберальничать. Какъ-то она была закрыта за то, что перепечатала изъ „Levant Herald“ замѣтку о дефицитѣ оттоманскаго государственнаго казначейства.

О сатиристическихъ листкахъ—говорить много не стоитъ. Турецкая сатира,—это фраза какъ-то дико звучитъ въ ухахъ! И дѣйствительно,—сатиристическіе листки—главнымъ образомъ занимаютъ тѣмъ, что смѣются и глумятся надъ женскою модою, сравнивая наприимѣръ женскій турнюръ съ „малаховымъ курганомъ“. Положимъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи это и остроумно, но вѣдь ни какъ же не сатира—осмѣяніе турнюровъ. Во всей болтовнѣ сатирическихъ листковъ—трудно разобрать хотя какое нибудь направленіе. Конечно,—есть что осмѣивать въ Турціи — есть, какъ ни гдѣ болѣе въ другомъ мѣстѣ, но съ одной стороны ни публика, ни писатели не доросли (и, вѣроятно, никогда не доростутъ) до серьезной сатиры, а съ другой стороны въ Турціи и невозможна болѣе серьезная сатира, потому что тамошняя цензура наивна до крайности. Г. Смирнову удалось познакомиться съ нѣкоторыми запрещенными вещами (онѣ дорого продаются тайкомъ китабджи) и онъ положительно недоумѣваетъ, отчего эти вещи не пропущены. „Насколько мнѣ довелось познакомиться съ запрещенной турецкой литературой (говоритъ г. Смирновъ)—можно смѣло утверждать, что подобное запрещеніе у турокъ

есть одно изъ тысячи тѣхъ обезьянствъ, къ которымъ они прибѣгаютъ въ послѣднее время, силясь, во чтобы то ни стало, казаться похожими на европейцевъ“.

IV.

Тиджоретъ — т. е. коммерческій судъ, на которомъ пришлось побывать г. Смирнову и даже принять активное участие,—помѣщается возлѣ мечети Ая-Суфья, въ томъ же домѣ, гдѣ министерство народнаго просвѣщенія. На другомъ судѣ—автору не пришлось быть, но и изъ очерка коммерческаго суда можно вывести кое-что объ общественно-государственномъ благоустройствѣ Турціи.

Зала Тиджорета смахиваетъ по своему виду не то на казарму, не то на какую то мастерскую. Эта — огромная комната, раздѣлена перегородкой на двѣ части. Огромная печь по срединѣ,—съ трубою въ нѣсколько сажень, которая проходитъ по всей комнатѣ. Сидѣній для публики нѣтъ (и то хорошо, что она можетъ присутствовать). „Судъ“ помѣщается на возвышеніи, а для переговоровъ и составленія рѣшеній удаляется въ маленькую комнату. Полъ въ залѣ устланъ циновками.

„Судъ“ садится на свое мѣсто. Архиваріусъ приноситъ узелъ и, словно въ тряпкахъ, роется въ бумагахъ, ища нужныя. Читается затѣмъ „суть“ дѣла. Говоритъ сначала петець, потомъ противная сторона. Послѣ этого „судъ“ удаляется для совѣщанія. Но, говоря строго, этого совѣщанія вовсе не бываетъ. Рѣшаетъ одинъ предсѣдатель, который и пишетъ на ярлычкѣ свое рѣшеніе. Остальные соглашаются. Съ ярлычка рѣшеніе переносится въ протокольную книгу. Ни о какихъ справочныхъ документахъ, или о ссылкахъ на статьи закона—не бываетъ. „Но объявленіи приговора, говоритъ г. Смирновъ, мы всѣ сдѣлали себѣ папирсы и закурили. И мы такъ и остались въ совѣщательной комнатѣ: по мнѣнію судей — совершенно бесполезно было ходить взадъ и впередъ и только лишь причинять себѣ безпокойство—соблюденіемъ формальности гласнаго суда“. Такое отсутствіе необходимыхъ формальныхъ приемовъ не очень то хорошо отзывается на результатахъ суда. Чтобы ни говорили, но соблюденіе тѣхъ или другихъ формальностей уже необходимо потому, что это соблюденіе гарантируетъ и защищаетъ истину. Между тѣмъ при турецкой бесформальности ловкость правительственнаго депутата легко можетъ дать то или другое направленіе приговору. Такъ оно и бываетъ. Впрочемъ турки халатны вездѣ, а не только на судѣ. Халатность, и притомъ до безобразія,—въѣлась въ турецкую натуру... И дѣйствительно,—турки ведутъ себя очень ужъ свободно“, чисто по домашнему и тамъ гдѣ бы можно было ожидать нѣкоторой дисциплины, нѣкотораго подчиненія своей распушенности—требованіямъ благоразумія и той цивилизаціи, которую такъ восхваляютъ въ туркахъ ихъ друзья. Мы уже видѣли ихъ халатность на судѣ

Также халатно ведутъ себя и офицеры, и солдаты, и сановники. Встрѣтить офицера на распашку, выставившаго на показъ рубашку и несущаго въ рукахъ саблю—можно чуть не на каждомъ шагу. „Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, когда мы входили въ Босфоръ (разсказываетъ г. Смирновъ), это то, что часовой на одной изъ батарей пролива, положивъ ружье на землю, преспокойно усѣлся, снялъ сапогъ и долго, долго оставался въ такомъ положеніи, поправляя безъ всякаго стѣсненія какія-то принадлежности своего туалета“. Но всего интереснѣе слѣдующій разсказъ, слышанный также нашимъ соотечественникомъ. Было какое-то засѣданіе высшихъ сановниковъ. Во время преній вдругъ въ залу входитъ портной. Одинъ изъ сановниковъ встаетъ съ мѣста, снимаетъ свой старый сюртукъ, примѣриваетъ новый, отдаетъ его портному обратно, — и, надѣвъ старый, снова садится на свое мѣсто. Какъ вамъ нравится это, читатель?!

V.

Турки чрезвычайно падки ко всевозможнымъ зрѣлищамъ. Они готовы даже съ удовольствіемъ смотрѣть на обыкновенную уличную драку. Двое, напримѣръ, дерутся, а толпа, вмѣсто того чтобы разнять дерущихся аплодируетъ побѣдителю и кричитъ: вуръ, вуръ, вуръ (бей, бей, бей). Но изъ всѣхъ увеселительныхъ зрѣлищъ турки особенно любятъ иллюминаціи. Константинопольскія улицы—довольно узки, а потому иллюминируются минареты мечетей. Однажды г. Смирновъ—засвѣтло еще проходилъ черезъ площадь. Смотритъ: міриады разноцвѣтныхъ турчанокъ стекаются къ оградѣ и усаживаются по обѣ стороны рядами на землѣ. На заданный имъ вопросъ, что это значитъ, — ему отвѣчали: а это стекаются турчанки смотрѣть на иллюминацію.

Впрочемъ турчанки любятъ наряды и моду еще болѣе чѣмъ иллюминаціи и другія зрѣлища. Вообще по словамъ г. Смирнова—въ турчанкахъ замѣтно болѣе человѣчности и задатковъ къ общительности съ гяурами, чѣмъ въ туркахъ. Но замкнутость положенія не позволяетъ развиваться этой хорошей сторонѣ женскаго характера и повліять благотворно на общество. Турки озлобленно смотрятъ на эту готовность къ примиренію, на эту индифферентность,—также какъ и на стремленіе женщинъ рядиться по европейски и пользоваться свободой. Почти всѣ газеты, какъ мы уже говорили въ главѣ третьей, нападаютъ на женскія моды. Впрочемъ если женщинамъ и позволяютъ носить одежду по европейской модѣ,—то это только въ стѣнахъ дома, — но въ обществѣ онѣ обязаны появляться въ своихъ „фередже“, которыя по покрою схожи нѣсколько съ рясами нашихъ священниковъ. „Такимъ образомъ туалетъ, который европейкамъ нуженъ тогда, когда онѣ являются въ обществѣ,—у турчанокъ служить какимъ-то домашнимъ маскарадомъ. Тутъ иногда дѣло доходитъ даже до шаловливости: не только султанскія гаремницы, но и выс-

шія аристократки — одѣваются дома въ самыя крайнія дельте и нерѣдко въ мужскія одежды.

Но главнымъ образомъ турки возстаютъ на попытки женщинъ держать себя хотя сколько-нибудь по европейски внѣ дома. Эти попытки видятъ они и въ томъ, что съ нѣкотораго времени дамы стали являться на гулянья безъ яшмаковъ (вуалей). Однако, несмотря на нападки,—эти „вольности“ продолжаютъ. Женщины не только являются безъ вуалей, но и осмѣливаются, пользуясь темнотою, кататься однѣ на лодкахъ,— пѣть громко пѣсни и обмѣниваться разговорами съ гурами.

На этомъ мы кончаемъ передачу очерка г-на Смирнова,— и въ видѣ заключенія — позволимъ себѣ привести тѣ слова, которыми заканчиваетъ свою статью и самъ авторъ. „Невольно становится грустно, слушая разныя бредни насчетъ возрожденія Турціи и цивилизаціи османовъ; грустно не относительно самихъ турокъ, обреченныхъ погибнуть подъ безвыходнымъ нравственнымъ гнетомъ растлѣвающего ихъ мусульманскаго міросозерцанія, а за европейцевъ, которые кощунственнымъ образомъ приносятъ высоко-гуманныя христіанскія убѣжденія въ жертву своимъ барышническимъ расчетамъ и силятся поддержать политическое существованіе народа, религіозно - нравственные принципы котораго обязываютъ его къ вѣчной враждѣ и къ отрицанію мирнаго общенія со всѣми не мусульманами. И къ чему было трогать турокъ? Они бы спокойно, какъ и множество другихъ варваровъ вымерли сами собою. Нѣтъ, европейскіе друзья стали толковать о прогрессѣ. Турки говорятъ: „да у насъ нѣтъ денегъ“. „Ничего, мы дадимъ въ долгъ!“ И научили турокъ жить въ долгъ. И что же выигралъ изъ этого цивилизованный міръ! Турки нисколько не измѣнились къ лучшему, не сдѣлались образованнѣе, — не сблизились, не полюбили европейцевъ. Вся турецкая цивилизація состоитъ въ томъ, что они подобрали въ арабскомъ словарѣ слова: цивилизація, гуманность и др. учились болтать по французски и переняли французское франтовство. Самыя поверхностныя, самыя отрывочныя формы европейской культуры, перенесенныя на почву Турціи—являются каррикатами“.

И такую-то страну, которой никогда не встать на ряду съ другими цивилизованными землями,—поддерживаетъ Англія, поддерживааетъ до того, что являлась какъ бы сообщницей въ турецкихъ безобразіяхъ. Да, сообщницей потому что безъ поддержки Англіи, Турція не только бы не смѣла, но и не могла физически вести борьбу“.

Кто окажется правъ: авторъ ли приведенныхъ строкъ, такъ сурово отзывающійся о туркахъ и съ такимъ сомнѣніемъ относящійся къ прогрессу Турціи или вѣрящіе въ этотъ прогрессъ и оптимистически смотрящіе на будущее Турціи ея европейскіе друзья? Отвѣтъ дастъ время, и оно не за горами.



ПРОПАЛОЕ БОЛОТО.

(С К А З Ь.)

VI *).



Истинно богадѣльня оказалась лучшимъ зданіемъ во всемъ селѣ.

Въ одной половинѣ помѣщались старики, въ другой—старухи. И тамъ и тутъ стояло много коекъ. Вездѣ было чисто прибрано. На русскихъ печахъ и лежанкахъ находились ревматики. Одни сидѣли, другіе лежали. Среди прирѣваемыхъ толпились ребятишки; между ними были и Аринины внучата.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросила я.

— Помогаемъ слѣпой бабушкѣ Лукерьѣ!—бойко отозвалась Соня.

— И ты, Петя, тоже помогаешь?

— Я забавляю бабушку,—серьезно отвѣтилъ мальчикъ.

— Чѣмъ?

— Въ камушки играю.

— Охъ, мои золотые!—сказала Лукерья:—Что бы я безъ васъ дѣлала? Кто бы вывелъ меня на улочку? Аль прорѣху зашилъ... поговорилъ со старой?... Одной-то мнѣ и не одѣться бы и не умыться...

— Подай испить!—попросила Соню бабка съ печи.

Дѣвочка быстро исполнила ея желаніе.

*) См. «Свѣточъ» Январь, 1910 г. стр. 6.

Затѣмъ она снарядила слѣбую Лукерью и онѣ вышли на улицу.

Явился Устинъ, разговоривая на ходу съ красивой дѣвушкой, одѣтой во все черное.

Я догадалась, что то была Груша.

Она низко поклонилась мнѣ и направилась къ постели одной древней старухи, которую принялась убирать, а потомъ принесла ей жидкой кашицы и стала кормить.

— Развѣ вы состоите при богадѣльнѣ?—спросила я ее.

— Нѣтъ, прихожу только помогать стряпухѣ, а то ей не управиться одной-то съ обѣдомъ,—отозвалась Груша.

— А какъ же твой дѣдъ съ парнишкой?—задалъ вопросъ Крапшнъ.

— Накормила ихъ пораньше, они послѣ завалились спать на печь. Я и отлучилась сюда.

Въ избу вошла другая женщина, Мавра, которая также принялась ухаживать за старухой, лежавшей безъ движенія. Мавра посадила ее на постели, поправила на ней одежду, пригладила волосы, перевязала платокъ на головѣ, послѣ чего тоже принялась ее кормить.

Трогательно было смотрѣть, съ какимъ терпѣніемъ исполняли свое дѣло добровольныя сестры милосердія.

— Какіе здѣсь порядки-то заведены особенные!—съ удивленіемъ воскликнула Устинъ.

— Ничего нѣтъ особеннаго,—просто возразила Груша:—Наши вѣдь старушки,—мы за ними и ходить должны. Когда потомъ сами состаримся, то и насъ поберегутъ другіе.

— Все таки кто это у васъ завелъ такъ?—спросила я.

— Батюшка Сергій,—отозвалась Мавра:—Онѣ и чреды установилъ... Всѣмъ намъ и даже дѣтямъ велить наблюдать старыхъ и недужныхъ, какъ здѣсь, такъ и въ больничкѣ... Кому есть время—тотъ и идетъ...

— Мы вѣкъ должны Бога молить за о. Сергія!—воскликнула старуха, вязавшая у окна чулокъ.

— Не трудно дѣтямъ?

— Какое тамъ трудно! Они раньше нашего спроворятъ... Видѣли Сою Мартынову? Ее страхъ какъ всѣ старухи любятъ.

— Золотая дѣвченка!—вставила опять старуха у окна.

У стола дѣвочка-подростокъ починяла чью-то синюю холстинковую юбку.

— Гдѣ же у васъ прочія призрѣваемыя?—спросила я у Груши.

— Разбрелись, которая куда... Авдотья пошла доглядывать за Кондратовыми ребятишками... У нихъ своей-то бабки для этого нѣтъ... Матрена—бъ больничкѣ... Остальныя не знаю гдѣ... Вотъ, къ обѣду соберутся, можно будетъ у всѣхъ узнать, если любопытно.

Я похвалила чистоту и порядки.

— У насъ строго за этимъ наблюдаютъ.

— Кто?

— Батюшка... Учитель... Да и Абрамовна тоже... отозвалась Груша.

— Какая Абрамовна?

— Изъ больнички.

— Кто же она такая?

— Она вдова... Вышла за богатаго сына лавочника, да только одинъ годъ съ мужемъ-то и прожила, какъ онъ простудился, да и умеръ... Сильно горевала Наташа по своему милому Яшенькѣ и дала зарокъ не выходить больше ни за кого... Вскорости умеръ у нея и свекоръ... Больше Абрамовыхъ-то никого не осталось и все богатство перешло къ Натальѣ... Вотъ она думала, гадала, совѣтовалась и съ батюшкой, и съ учителемъ, да и придумали устроить эту самую больничку. Тутъ и Митричъ тоже помогъ.

— Чѣмъ?

— Онъ обучилъ Наташу и другихъ сестеръ травы распознавать, да кости при вывихѣхъ расправлять... Вообще всякой своей премудрости... Онѣ тамъ и навькли ко всему... Теперь больничка-то ужъ третій годъ существуетъ и большую пользу приноситъ... Дай Богъ здоровья Натальѣ: она и домикъ-то подъ нея пожертвовала.

— А много всѣхъ сестеръ?

— Это помощницъ-то?... Всего двѣ незамужницы... Вѣковушами у насъ ихъ зовутъ. Всѣ вмѣстѣ тамъ и трудятся... Ровно бы какъ по обѣту, для Бога.

Старуха доѣла каніку и задремала.

Груша бережно уложила ее на подушку и прикрыла одѣяломъ.

— Сосни, милая бабушка, Аграфена, сосни!—ласково сказала она.—Въ мою сторону она добавила:—Божьей старушкѣ вѣдь уже близко ста лѣтъ! Прежде она такая разговорчивая была. А вотъ уже съ полгода какъ замолчала и стала со-всѣмъ, какъ малое дитя: спитъ да ѣсть... Видно ужъ конецъ близко. Не всякому Богъ такой-то долгій вѣкъ даетъ!

Я направилась въ другую половину дома, гдѣ оказалось также чисто и хорошо, какъ и у старухъ. И тутъ находились ребятишки.

Устинъ уже разговаривалъ съ однимъ старикомъ.

— Худая ваша сторона,—критиковалъ онъ:—ни табачкомъ, ни водочкой разжиться нельзя.

— А на что намъ это баловство, коли мы его не уважаемъ?—отозвался дѣдъ.

— Старовѣры вы, что ли?

— Нѣтъ, не старовѣры... Ихъ у насъ тутъ и близко не слышать...

— Кто же?

— Православные хресьяне, какъ есть!

— Сказывай!—недовѣрчиво отозвался парень:—Нѣшто крещеному народу можно обойтись безъ вина?... А у васъ во всемъ селѣ какъ есть ни одной казенки нѣтъ! Нѣшто это порядокъ?

— Эка невидаль!... Зато у васъ ихъ много.

— Въ нашемъ селѣ ихъ цѣлыхъ двѣ.

— То-то и есть... Попадобится намъ, такъ отъ васъ же и привеземъ.

— А если вдругъ западобится?

— Не безпокойся, безъ этого добра не останемся! У нашего учителя всегда можно достать.

— Эва, кто у васъ виномъ-то торгуетъ? Будто это и неладно!

— Да онъ не торгуетъ, а такъ даетъ, кому необходимо.

— И мнѣ дастъ?

— По што?

— Выпить... Гораздъ душа стосковалась.

Кругомъ засмѣялись.

— Нѣтъ, молодчикъ, тогда къ учителю лучше и не ходи: по этой причинѣ онъ не дастъ,—замѣтилъ дѣдъ съ сосѣдней койки.

Въ окно доносился лязгъ пилы и стукъ топора: трое прирѣваемыхъ заготовляли на зиму дрова, большіе костры которыхъ уже тянулись вдоль всего забора.

У меня возникло предположеніе, что пропаловцы должны быть трезвенниками, о чемъ я и спросила старика, бесѣдовавшего съ Крапичнымъ.

— Нѣтъ,—отозвался онъ:—мы зароконъ не давали. А не пьемъ такъ, сами по себѣ... И батюшка насъ въ этомъ укрѣпляетъ.

Крапинъ въ раздуми покрутилъ головой на свою мысль и упрямо возобновилъ свое требованіе:

— А ежели теперича я привыкъ и безъ вина мнѣ нудно... Вотъ хоть бы только горло-то промочить.

— Тогда иди въ больницу къ Натальѣ Абрамовой, можетъ, она тебѣ и дастъ.

— Чумные!—негодующимъ тономъ воскликнулъ Устинъ:— Да пѣшто это лѣкарство какое?

— А то нѣтъ? Разумѣется, лѣкарство!... Когда человѣку нужно, то оно большую пользу приноситъ.

— Видно вы смѣтаетесь надо мной,—обидчиво промолвилъ парень.

Вошла Мавра съ чашкой шей, отъ которыхъ валыль паръ и поставила ихъ передъ старикомъ, неподвижно сидѣвшимъ на лавкѣ съ окутанными ногами.

На мой вопросъ: что у него, баба отвѣтила:

— Дѣдушкѣ Антипу въ лѣсу бревномъ ноги отдавило, съ той поры онъ и не владѣетъ ими.

— Годовъ съ пятокъ тому назадъ ужъ это будетъ,—пояснилъ старикъ.

Я выразила желаніе взглянуть на больничку.

— Эй, Саша!—позвала Мавра небольшую дѣвочку:—Проводи-ка ихъ къ вѣковушамъ!

Ко мнѣ подбѣжала шустрая дѣвочка лѣтъ девяти.

— Пойдемте!—крикнула она, устремляясь къ двери.

Мы послѣдовали за Сашей.

VII.

Больничка паходилась недалеко отъ богадѣльни.

Она помѣщалась въ обшчповенной крестьянской избѣ, раздѣленной сѣнями на двѣ половины.

На крыльцѣ стояла высокая сухощавая женщина строгаго вида, одѣтая въ черное, и вытряхивала тканый половичекъ.

— Тетенька Марья, къ вамъ идутъ!—закричала Саша при нашемъ приближеніи.

Женщина отложила въ сторону половичекъ, поправила платокъ на головѣ и встрѣтила насъ низкимъ поклономъ:

— Милости просимъ!

Вся ея выдержанная фигура и выработанный тонъ производили очень пріятное впечатлѣніе.

Марья отворила передъ нами дверь въ сѣни, а изъ нихъ въ чистую избу со многими кроватями, на одной изъ которыхъ лежалъ молодой бородатый мужикъ. Другая черничка читала ему вслухъ Евангеліе.

Марья сдѣлала намъ знакъ и мы остановились у дверей.

Вскорѣ черничка докончила главу, убрала книгу въ ящикъ наугольника и положила земной поклонъ передъ образомъ Спасителя.

То же сдѣлала и Марья. Перекрестился и больной.

Загѣмъ чтица низко поклонилась намъ и ласково пригласила сѣсть.

Мы отказались.

— Зачѣмъ тревожить больного? Мы пришли только взглянуть,—сказала я.

— Одинъ ты тутъ всего и есть?—спросилъ Устинъ.

— Одинъ,—отозвался больной.

— Въ иную-то пору случается полна изба недужныхъ,—пояснила сидѣлка,—а теперь кромѣ Калиника и нѣтъ больше никого.

— Какихъ же больныхъ кладете вы сюда?—поинтересовалась я.

— Всякихъ, какихъ придется... Мы не разбираемъ и никому не отказываемъ.

— Вредно вѣдь мѣшать заразныхъ съ другими.

— Что дѣлать: помѣщеніе не дозволяетъ... А только мы все съ молитвой и ничего, никакого вреда не бываетъ.

— Что у тебя?—спросилъ Устинъ Калиника.

— Ногу сломалъ.

— Кто же тебя пользуетъ?

— Онѣ все.

Больной указалъ головою на сестеръ.

— Раиса у насъ настоящая костоправка,—промолвила Марья.

— Тутъ немного мудрости надо,—скромно отозвалась та.—Нащупаешь переломъ, косточку къ косточкѣ подведешь, соединишь ихъ и завяжешь туго-на-туго. Кость-то и сросется.

— Но вѣдь ногу необходимо при этомъ положить въ лубки,—замѣтила я.

— Такъ мы и дѣлаемъ... Вотъ взгляните.

Раиса откинула уголь одѣяла.

Переломленная нога дѣйствительно неподвижно покои-

лась въ лубкахъ, туго стянутая чистыми холщевыми бинтами.

Я похвалила.

На лицѣ чернички появилась довольная улыбка.

— Кто же васъ научилъ этому?—задала я вопросъ.

— Костоправъ у насъ коняжникъ Андронъ,—отозвалась Ранса.—Ну и учитель въ книжкахъ тоже много вычиталь.. Вотъ отовсюду понемножку и узнавала.

Я поблагодарила Рансу и попросила Марью показать другую половину избы.

Она провела насъ туда.

Здѣсь лежала впучка Меркулыча.

— Питъ!—попросила тотчасъ же дѣвочка.

— Тебя только что пошла тетя Наталья,—отозвалась черничка.

— Еще!—повторила большая дѣвочка.

Марья подала ей клюквеннаго морса, который та выпила съ жадностью.

— Что у нея?—освѣдомилась я.

— Не знаемъ еще что такое, только вторые сутки ровно всю огнемъ палить. Питье-то будто на каменку попадаетъ, такъ сразу и высыхаетъ.

— Чѣмъ же вы ее лечите?

— Абрамовна готовить ей разное снадобье.

— Какое?

— Травы такія варить... Взгляните, если любопытно.

Она отворила дверь въ чистую кухню съ большой русской печью и плитою въ очагѣ. Надъ послѣдней склонилась стройная и молодая женщнна, мѣная ложкою въ кастрюлѣ варившіяся травы, которыя распространяли вокругъ прятный аромат.

Наталья повернула къ намъ миловидное лицо.

Мы поздоровались съ нею.

— Добрый день, добрый день,—ласково произнесла она, накрывая кастрюлю и отодвигая ее въ сторону. Садитесь, будьте гостями дорогими,—добавила она съ тою притвливостію и радушіемъ, которыя свойственны лишь особенно мягкимъ и женственнымъ патурамъ.

Отъ одного этого простого обращенія какъ-то сразу сдѣлалось тепло и свѣтло на сердцѣ.

Мы сѣли на лавку.

— Какъ у васъ хорошо!—невольно воскликнула я.

— Мы всегда рады, кому у насъ понравится.

Ея лицо расцвѣло отъ улыбки.

— Отчего вы всѣ такія блѣдныя?—задала я вопросъ.

— Отъ заботъ. Когда больныхъ-то полна изба, такъ рукъ не хватаетъ, со стороны помощи просимъ... Истомимся такъ, что еле ноги волочимъ! Спасибо, что добротки помогаютъ. Теперь то мы оправились уже, а въ великомъ посту прямо какъ тѣни блуждали.

— Ты то по мужу еще тоскуешь,—сказала Марья.

Наталья махнула рукой.

— Полно тебѣ... Просто еще съ непривычки,—отвѣтила она.—Вонъ вы съ Раисой какіе строгіе посты на себя накладываете, да еще по покойникамъ читать успѣваете...

— Ну, что-жъ? Намъ такъ полагается, потому что мы вѣковуши, Христовы невѣсты, а ты—вдова. Не судилъ намъ Богъ доли, значитъ и не надо... Мы на то пошли.

— Вы еще такъ молоды... Могли бы еще быть счастливы въ семейной жизни,—замѣтила я Абрамовой.

— Не захотѣла сама,—отозвалась вдова:—къ нашимъ вѣковушамъ пристала... Только не думайте, что мы несчастны... Можетъ, мы еще счастливѣе другихъ живемъ. Страшно подумать сколько вокругъ всякаго горя: болѣзней, смерти, разнаго несчастія... Жутко даже на сердцѣ станеть! Легче одной вѣкъ скоротать, чѣмъ терять близкихъ. По крайней мѣрѣ ни за кого душа не болитъ. За то если кому облегченіе принесешь, или отъ смерти отстоишь, такъ столько радости испытаешь, на сердцѣ-то будто какъ въ Пасху свѣтло сдѣлается!.. А вы жалѣете, что я отъ семейнаго счастья отказалась! Такъ-то мнѣ лучше и легче живется: радости гораздо больше, а горести меньше. Да часто въ хлопотахъ-то себя забываешь, будто тебя и нѣтъ совсѣмъ. Моя семья теперь—больные, имъ и все свое время отдаю. За то не замѣчаешь, какъ и проходитъ оно, никогда не скучаешь. Да и грѣха меньше.

Устинъ порывался что-то спросить у Натальи, и я догадывалась о чемъ, но слова не шли съ его языка.

Абрамова замѣтила его движеніе и остановила на немъ вопросительный взоръ.

Царень съезжился и процѣдилъ сквозь зубы, нехотя:

— Монастырь у васъ тутъ, что ли, какой?

— Нѣтъ... Какой же тутъ монастырь?... Никакихъ обѣтовъ мы не давали. Просто согласились вмѣстѣ потрудиться

Христа ради на пользу ближняго доколѣ хватитъ силъ... Вотъ и все тутъ!

— Скажите, чѣмъ вы лечите, вотъ хотя бы внучку Меркулыча?

— Это отъ жару-то?... Да прочистили ей нутро огуречнымъ разсоломъ, къ ночи напоимъ ее липовымъ цвѣтомъ, окутаемъ ее хорошенько и пусть пропотѣеть... А тамъ будетъ видно, что еще ей понадобится... Можетъ быть завтра же ей и полегчаетъ... У ребятъ это часто случается: обѣдятся чего попало, да и свалятся.

— А что вы варите въ кастрюлѣ?

— Это для одной женщины на селѣ!. Она животомъ гораздъ мается, такъ я пользую ее отваромъ изъ ромашки... Очень помогаетъ.

— А Калинику что даете?

— Настой изъ шапошной травы, чтобы кости сросались поскорѣе.

— Я не слыхала такой травы... Какая же она видомъ?

— Мы называемъ ее по нашему, по здѣшнему... Какъ она у васъ тамъ называется, я и не знаю... Она такими большими бѣлыми шапками цвѣтетъ.

— Это папоротникъ?

— Нѣтъ,—вмѣшалась Марья:—Папоротникъ мы знаемъ: онъ высоко отъ земли вздымается, а шапошникъ—низкорослый и безъ желтизны... Есть и еще такой же цвѣтъ, на него похояйтъ, тотъ съ мелкими листочками... Надо умѣть ихъ распознавать... У насъ вотъ Митричъ, да Андронъ ужъ доподлинно всякую траву знаютъ.

— У нихъ знахарство въ роду: и отцы и дѣды ихъ лечили народъ и сыновей съ малолѣтства къ тому же приучили,—прибавила Наталья.

— А вы у нихъ всему научились?

— Не только у нихъ, а и у батюшки, учителя тоже опять... А тѣ въ книгахъ вычитали...

Заплакала больная дѣвочка.

Марья поспѣшила къ ней.

Мы простились и ушли изъ больнички.

VIII.

Поравнявшись съ прекраснымъ школьнымъ зданіемъ, мы услышали несшееся оттуда громкое и внятное чтеніе Евангелія на славянскомъ языкѣ.

Заинтересованные, мы остановились подь окномъ.

Старуха съ сосѣдной завалинки, сказала намъ:

— Коли любопытствуете, то зайдите къ Дмитрію Ивановичу... Онъ не препятствуетъ... Кто хочешь—приходи и слушай, только не мѣшай дѣлу.

Я воспользовалась представившейся возможностью видѣть школу и направилась въ нее.

Устинъ послѣдовалъ за мною.

Въ свѣтлой большой комнатѣ находилось нѣсколько маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Они стояли съ книжками въ рукахъ, слѣдя за чтеніемъ, котораго изрѣдка поправлялъ учитель, пожилой симпатичны^й человекъ съ сѣдоватыми волосами и бородой.

Я удивилась, какъ хорошо читалъ по славянски ребенокъ въ столь юномъ возрастѣ. У насъ дѣти гораздо старшіе читали несравненно хуже его.

При концѣ одного стиха, учитель поднялъ вверхъ руку и коротко произнесъ:

— Оаддѣвъ!

Чтеніе тотчасъ перехватилъ другой дѣтскій голосокъ, но оно полилось столь же выразительно и толково.

На насъ никто не обращалъ вниманія.

Учитель спросилъ у мальчика переводъ прочитаннаго.

Тотъ немедленно далъ вполне удовлетворительное объясненіе.

Учитель указалъ на самую маленькую дѣвочку:

— Гладцова!

Зазвѣлъ высокій серебристый голосокъ съ дѣтскимъ смягченіемъ буквы *р*. Гладцова читала только медленно парнишекъ, но не уступала имъ въ другихъ отношеніяхъ.

Меня поразило столь необычное явленіе: подобной работки и сознательности въ глухомъ и дикомъ краю.

Дѣвочка снова уступила свое мѣсто мальчику.

Должно быть Устину показалось скучно въ школѣ: онъ зѣвнулъ, прикрывая ротъ рукою и тихонько выскользнулъ за дверь.

— И будетъ едино стадо и Единъ Пастырь!—на распѣвъ возгласилъ чтець при окончаніи главы.

— На сегодня и довольно,—произнесъ учитель.

Дѣти свернули книжки, убрали ихъ въ наугольный шкапикъ и, положивъ земной поклонъ передъ образомъ Спасителя, простились съ учителемъ и покинули классъ.

Я подошла къ учителю и, поздоровавшись, назвала себя.

— Душевно радъ, что вы избѣгли счастливо смертельной опасности,—искреннимъ тономъ произнесъ Дмитрій Ивановичъ, пожимая мою руку и приглашая садиться.

— Развѣ у васъ нѣтъ каникулъ?—спросила я его.

— Какъ нѣтъ?... Есть... У меня осталось лишь младшее отдѣленіе... Старшіе ученики давно всѣ на работахъ.

Я похвалила сознательное чтеніе дѣтей.

— Это потому, что церковно-славянская грамота у насъ вообще занимаетъ первое мѣсто... Ей больше всего посвящается времени какъ въ школѣ, такъ и дома, гдѣ въ обычаѣ читать священныя книги и пѣть молитвы... Прочимъ же наукамъ отводится лишь второстепенное мѣсто.

— Почему же это такъ?

— Можетъ быть потому, что при тяжелыхъ условіяхъ здѣшней жизни, при упорной борьбѣ съ болотомъ, чело-вѣкъ особенно чувствуетъ свое ничтожество и ищетъ помощи свыше... Туда несется крикъ его души... Нашъ народъ настроенъ религіозно... Это чувство виѣдряется въ него съ дѣтства и укрѣпляется съ возрастомъ. И откровенно вамъ сказать, что люди здѣсь особенные, не такіе, какъ въ другихъ мѣстахъ.

— Я замѣтила уже это,—подтвердила я и передала ему свои впечатлѣнія отъ больницы и богадѣльни.

— Понстишѣ сострадательныя души, наши больничныя сестры!—воскликнулъ онъ растроганнымъ тономъ:—Работаютъ вполне по евангельски! Къ нимъ относятся эти слова: блаженъ, кто душу свою положитъ за ближнихъ своихъ... Самая молодая то сестра, Наталья Абрамова: презрѣла богатство, счастье, покой и подняла на свои плечи тяжелое бремя людскихъ скорбей и недуговъ. Въ прошломъ году она едва не умерла, заразившись горячкой отъ одной больной, за которой ухаживала. Долго проболѣла... Мы всѣ чуть не плакали по ней... А сколько молитвъ то вознесли! Богъ смилостивился... и, ради слезъ и стоновъ больныхъ, вернулъ ее къ жизни...

— Вѣдь она не одна... Есть и другія сестры.

— Да, но она—главная душа дѣла. Безъ нея не было ни больнички, ни правильной помощи. Наши вѣковуши и раньше ходили по больнымъ, но дѣло помощи не было организовано... Приспособила же ихъ настоящимъ образомъ къ лѣченію и уходу именно Абрамова... Житейское горе при-

несло большую пользу ея душѣ: оно размягчило ея сердце и обогатило его сострадательной любовью къ ближнему... Хорошо, если она устоитъ противъ соблазна и всю жизнь останется вѣрной избранному пути.

Учитель поникъ головой и задумался.

— А ваша молодежь, возвращающаяся изъ военной службы, развѣ не вноситъ сюда деморализаціи?—спросила я.

— Изъ военной службы?—переспросилъ Дмитрій Ивановичъ, выходя изъ задумчивости и пронизывая меня пытливымъ взоромъ.

— Да.

— Мы этой повинности не отбываемъ и солдатъ у насъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?... А качальщикъ Вахинъ?... Я сама его видѣла!

— А, про него то я и забылъ... Одинъ только всего такой солдатъ и есть, да и то не нашъ, а отъ васъ пришелъ, съ твердаго берега, какъ говорятъ у насъ про материкъ.

— Что вы!... Но онъ говорилъ, что онъ здѣшній, былъ на войнѣ, а въ его отсутствіе здѣсь умерла его жена.

— Ну, пусть, коли такъ. Всѣ они потомъ такъ говорятъ!

Учитель добродушно улыбнулся и махнулъ рукой.

— Значить это неправда?... Скажите же: въ чемъ дѣло?

— Если хотите знать истину, то извольте: онъ дальній... и дѣйствительно солдатомъ попалъ на войну... Тамъ его искалѣчили и отправили домой... Радовался несчастный, что въ кругу родной семьи хоть остатокъ дней своихъ скоротаетъ... Но не ласково встрѣтила его жена, сама четверть съ ребятишками, да еще съ престарѣлыми родителями... Въ лицѣ мужа она не только лишилась кормильца семьи, но самъ онъ ложился еще тяжелой обузой на ея спину... Бросилась баба туда-сюда за помощью, всюду ей отказали... Хотѣла въ богадѣльню его пристроить, и тамъ потерпѣла неудачу... Не далъ ничего и міръ... Какъ тутъ быть?... Подумала, погадала—не выходитъ ничего... Озлобилась, да и выгнала мужа—калъку на всѣ четыре стороны... Иди, молъ, куда хочешь и забудь про то, что мы съ голодными дѣтьми и на свѣтѣ существуемъ!... Вотъ онъ теперь и говоритъ всѣмъ, что у него умерла жена... Да, для него она умерла... Обидно ему... Какъ собаку выгнала воцъ изъ своего дома... И никто не заступился за него... Вскинулъ бѣднякъ на плечи котомку, помолился на свой храмъ, поклонился родительскимъ

могиламъ, заплакалъ, да и отправился странствовать... Рассчитывалъ пробраться въ Вознесенскій монастырь, да въ лѣсу сбился съ дороги и попалъ въ наше болото. Также, какъ и вы—едва не утонулъ, да нашъ мужичекъ вытащилъ его и привелъ сюда... Тутъ его обогрѣли, приласкали и пріютили... Понравилось ему, онъ и остался у насъ навсегда... Съ тѣхъ поръ такъ и живетъ тутъ... Да какъ: еще самъ просилъ, какъ милости, чтобы позволили ему здѣсь остаться-то!... Теперь сами видите: какой онъ солдатъ.

— Понимаю,—отозвалась я:—Но мнѣ все-таки не ясно: почему же ваша-то молодежь не отбываетъ воинской повинности?

— Да видите-ли: по болоту наше село зовется Пропалымъ... Ну—пропалое оно и есть, то есть пропавшее, потому что это все равно. Вѣдь никто про насъ не знаетъ, потому что дорогъ сюда не существуетъ и никто насъ никогда не найдетъ...

— Значить вы прячетесь?

— И да, и нѣтъ... потому что мы и сами къ вамъ попасть не можемъ по незнанію путей... Даже если бы этого и хотѣли... Правда, есть какія-то дороги, но онѣ извѣстны лишь очень немногимъ старикамъ... Всѣ же мы во власти ихъ... Я самъ попалъ сюда случайно. Меня и задержали... Сначала-то было я не хотѣлъ тутъ оставаться... А потомъ, какъ узналъ народъ здѣшній поближе, понравился онъ мнѣ... Я и согласился... Къ тому же я былъ совершенно одинокъ... Такъ развѣ не все равно гдѣ мнѣ было оставаться? А здѣсь я видѣлъ, что принесу большую пользу, потому что школы совсѣмъ тутъ не было. Учили же старики, каждый по своему. У меня явилось желаніе потрудиться для нихъ. Я и остался. И не раскаиваюсь, потому что въ эти десять лѣтъ, что я здѣсь,—дѣйствительно много успѣлъ устроить и наладить... Продолжать будетъ имъ уже легко... Я подготовилъ себѣ дѣятельныхъ и знающихъ помощниковъ. И знаете, что я вамъ откровенно скажу: теперь меня хоть бы погнали отсюда, такъ я уже не уйду, потому что такъ сильно сроднился со здѣшнимъ населеніемъ... Хорошій народъ, неспорченный!

Признаніе учителя поразило меня. Въ умѣ невольно возникло страшное подозрѣніе...

— А насъ здѣсь не задержатъ?—съ тревогою спросила я.

— Не знаю,—откровенно отвѣтилъ Дмитрій Ивановичъ.

— Какъ?... Но я этого не хочу!

Я не могла примириться съ мыслью о плѣнѣ и энергично запротестовала.

— Что это за насиліе?... Зачѣмъ это они дѣлаютъ?

— Боятся, что откроютъ ихъ мѣсто жительства... А они не хотятъ этого, вотъ почему и задерживаютъ постороннихъ.

— Я ни за что не могу здѣсь остаться, какъ хотите!... Научите: кого я должна просить, чтобы насъ отпустили?

— Здѣшній міръ... Это всецѣло отъ него зависитъ... Впрочемъ, можно попросить еще и священника, чтобы онъ походатайствовалъ за васъ передъ міромъ... О. Сергій добрый, и здѣсь пользуется большимъ авторитетомъ.

— Сведите меня къ нему!

— Теперь не время: о. Сергій ушелъ въ баню, потомъ сядетъ обѣдать, а затѣмъ отправится въ церковь... Сегодня у него много исповѣдниковъ... А завтра, послѣ обѣдни, вы съ нимъ и переговорите... Да чего вы такъ безпокоитесь? Васъ-то, можетъ быть еще и не задержать,—произнесъ онъ тономъ успокоенія.—Не всѣхъ вѣдь задерживаютъ... Кто не внушаетъ имъ подозрѣній, да не пужень, какъ я, напри- мѣръ, того и отпускаютъ... Кстати, я что то припоминаю... Кажется, это изъ вашего села попала къ намъ тетка Аксинья Дугина?

— У насъ была такая,—подтвердила я:—тихая помѣшанная... Все про какой-то земной рай толковала до самой смерти... Въ шутку поэтому ее такъ и прозвали—райской.

— Царство ей небесное... Съ недѣлю оставалась тутъ она у насъ и такъ ей понравилось, что она назвала наше житье райскимъ. Такъ и говорила: я, словно въ раю побывала.

Я сообразила теперь въ чемъ дѣло.

— Такъ вотъ что приняли у насъ за помѣшательство!...

— Да, ей, очевидно, не повѣрили... А такъ какъ она долго пропадала въ лѣсу, то и подумали, что она со страха лишилась разсудка... Вотъ такъ же какъ и Аксинью, можетъ быть отпустить и васъ,—ободряюще закончилъ Дмитрій Ивановичъ.

Съ, улыбки донесся шумъ.

— Вотъ и наши съ работъ возвращаются къ своимъ дворамъ,—произнесъ учитель, выглянувъ въ окно.

Я простилась съ нимъ и ушла.

IX.

Пустынная дотолѣ улица вдругъ ожила. Съ разныхъ концовъ съѣзжался народъ на повозкахъ и верхами на лошадяхъ. Всюду скрипѣли отворявшіеся ворота... Воздухъ оглашали стукъ колесъ, громкое ржаніе лошадей, говоръ и крики людей.

Хозяева привезли съ собою травы и свѣжаго, душистаго сѣна.

— Вася! Вынь подворотню-то!—кричала женщина въ глубину своего двора.

Бѣлокурый мальчуганъ быстро исполнилъ приказаніе матери и телѣга съ грохотомъ вкатилась во дворъ по бревенчатому настилу.

Возлѣ другой повозки стояла толпа народа, о чемъ-то громко спорившаго и волновавшагося.

Устинъ быстро шмыгаль по улицѣ, присматриваясь къ сытымъ и рослымъ мѣстнымъ лошадямъ.

— Что ты смотришь?—спросила я его.

— А поглянь-кось кони-то какіе добрые!... Этакихъ нѣтъ ни у нашего земскаго пачальника, ни у поца!—воскликнулъ онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

— Тебѣ-то что до этого?

— Завиствуетъ парень!—замѣтилъ одинъ мужикъ.

— По неволѣ, братъ, позавидуешь!—отозвался Крапинъ: У насъ ши у кого такихъ нѣтъ... Въ болотѣ живете, а какая скотинка у васъ важнецкая!... Вѣрно отъ моху-то она лучше нежели отъ овса тучиѣтъ?

— Попробуй свою покормить мохомъ,—авось такъ же разжирѣтъ,—отпарироваль шутку мужикъ.

Устинъ направился далѣе.

На нашемъ дворѣ крупный и коренастый рыжебородый мужикъ каталь своихъ дѣтей въ пустой телѣгѣ, чѣмъ приводилъ въ восторгъ маленькаго Петю.

— Еще, тятя... Еще покатай!—просилъ малышъ.

— Ну, будетъ съ васъ!—съ улыбкою заявилъ отецъ:—Побаловаль и полно! Надо дать лошадушкѣ покой... Она потрудилась тоже.

Дѣти, какъ бы понявъ доводы отца, послушно слезли съ телѣги и мужикъ принялся распрягать коня.

Я подошла познакомиться съ хозяиномъ.

Онъ привѣтливо поклонился и радушно промолвилъ:

— Слышалъ про васъ, гости дорогіе! Добро поживайте на здоровье! Милости просимъ!

— Спасибо вамъ за пріютъ и ласку,—сказала я.

— Не на чѣмъ... Не обезсудьте: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

Крестьянинъ мнѣ чрезвычайно понравился. Въ Папчаровѣ народъ былъ несравненно грубѣе здѣшняго.

Освободившаяся отъ упряжи лошадь громко и весело заржала.

— Радъ дому, Гнѣдко?—замѣтилъ хозяинъ, потрепавъ по спинѣ своего любимца.

— Гнѣдко, догоняй меня!—крикнула Соня стрѣлой помчавшись вокругъ просторнаго двора.

Лошадь понеслась за нею и, догнавъ вскорѣ, дотронулась мордой до плеча дѣвочки.

— Поймалъ, поймалъ!—весело закричалъ Петя.

— Ну теперь я догоню тебя!—предложила Соня.

Гнѣдой полетѣлъ впередъ, а дѣвочка за нимъ. Она никогда не догнала бы лошади, бѣгавшей быстрѣе ее, если бы не прибѣгла къ хитрости. Соня бросилась къ колодну, на перерѣзъ лошади и, встрѣтившись съ нею, хлопнула ее по шеѣ.

Петя забилъ въ ладоши и засмѣялся.

— Вотъ и поймала тебя Соня! Поймала!..

Вернувшійся Устинъ съ нескрываемымъ удивленіемъ наблюдалъ эту сцену.

— Будетъ вамъ, ребятишки, замучили коня, — сказалъ отецъ и прибавилъ: — А ну-ка, Гнѣдко, покатайся теперь по землѣ!

Лошадь тотчасъ принялась валяться съ боку на бокъ.

— И что это у васъ за диковиные кони: прямо человѣческую рѣчь понимаютъ!

— Животина, чать, не безъ ума тоже, — отозвался мужикъ.

— Отчего же наша-то скотина не такая?

— Можетъ быть оттого, что вы ее кнутами, да возжами забиваете и всяко строжите... А у насъ вѣдь не такъ: мы пріучаемъ ее голоса слушаться... Она и научается разбирать, что къ чему говорится.

— Насмотрѣлся я на вашихъ коней: цѣны имъ нѣтъ! — съ нескрываемымъ восторгомъ воскликнулъ паренъ.

— Хвалятъ тебя, Гнѣдой, поблагодари!

Лошадь мотнула головой Устину.

— Ну и конь!..

Крапинъ хлопнулъ себя по бокамъ и разсмѣялся.

— Теперь ступай домой, отдыхай,—сказалъ хозяинъ.

Гнѣдой опустилъ голову и медленно отправился подъ навѣсъ.

На крыльцѣ появилась молодая баба и крикнула:

— Мартынъ, обѣдъ собрагъ!.. Идите всѣ обѣдать!..

Мы двинулись въ избу, гдѣ кромѣ Арины, находились и ея младшіе дѣти: сынъ—Давидъ и дочь—Саша. Помогая матери по хозяйству, они на перебой передавали, что успѣли сдѣлать во время своего отсутствія изъ дома.

Мартынъ принялся мыть руки надъ умывальникомъ, а потомъ уступилъ намъ свое мѣсто. Отеревъ руки чистымъ полотенцемъ, всѣ помолились на образъ и сѣли за столъ. Меня помѣстили рядомъ съ хозяиномъ, а Устина ниже Давида.

Обѣдъ проходилъ въ строгомъ молчаніи, съ соблюденіемъ деревенскаго этикета, обязательнаго и для ребятишекъ.

Краснощекая Саша подавала вкусныя постныя блюда и убирала пустую посуду.

Устинъ началъ было какой-то разговоръ. Но его никто не поддержалъ и онъ оборвался самъ собою.

Какую-то незначительную шалость дѣтей отецъ прекратилъ строгимъ взглядомъ.

Вообще здѣсь чувствовалась строгая нравственная дисциплина и ощущались прочные семейные устои.

Послѣ сытнаго обѣда снова всѣ помолились Богу и поблагодарили хозяевъ.

Мартынъ съ Петей отправились соснуть.

Ихъ примѣру послѣдовала и бабка Арина.

Авдотья пошла убирать баню; Саша начала перемывать посуду, а Давидъ съ Соней занялись уборкой къ празднику избы.

Устинъ исчезъ.

Я вышла посидѣть на завалинкѣ передъ домомъ.

На улицѣ воцарилась прежняя тишина. Съ узелками и вѣниками подъ мышками люди шли въ бани, возвращались оттуда распаренные, съ красными и довольными лицами.

Крапинъ шмыгалъ по селу, перебѣгая изъ одной избы въ другую. Очевидно, онъ успѣлъ уже вездѣ завязать знакомства.

Немного погодя онъ присоединился къ Митричу, направлявшемуся въ мою сторону.

Поравнявшись со мною, старикъ вытащилъ изъ кармана пузырькъ съ лѣкарствомъ и, подавая его мнѣ, произнесъ:

— Выпей-ка въ послѣдній разочекъ... Больше уже и не потребуется... Паренекъ-то ужъ принялъ.

— Да, замѣсто водочки, — промолвилъ Устинъ съ ироніей:— видно у нихъ тутъ вся и утѣха только въ этомъ зельѣ!

Онъ съ сердцемъ плюнулъ въ сторону.

Я выпила настой и поблагодарила дѣда.

— Теперь трясовица тебя не коснется, — повторилъ пастьухъ. — Вотъ только еще до завтрашней вечерней зари посмотри... Коли не тряхнетъ ни разочку, то значить тутъ ей и капуть!

Въ калитку выглянула Авдотья и пригласила меня въ баню.

— Развѣ и вы идете?—спросила я.

— Нѣтъ... Бабы у насъ всегда послѣ мужиковъ ходятъ,—отозвалась она.

— Такъ я пойду съ вами.

— Какъ желаете... А то мы вамъ, какъ гостѣй — первой предложили. Гостямъ почетъ надо оказывать... Тогда иди ты, молодецъ, съ нашими мужиками,—сказала она Устину.

— Съ нашимъ удовольствіемъ!—отозвался Крапникъ, исчеза въ калиткѣ слѣдомъ за Авдотьей.

Митричъ покачалъ головою и улыбнулся.

— Занятный парень!

— А что?

— Всѣхъ нашихъ лошадей оглядѣлъ... Будто ревизоръ какой!... И копыта и зубы даже... И все ахалъ, да охалъ... Въ какой говоритъ школѣ ваша скотина разнымъ премудростямъ обучалась? Вѣрно, говоритъ, вы слово такое знаете?.. А чего дивиться-то? Походилъ бы съ наше, да училъ-бы любовью да лаской, такъ и у него выросъ бы скотъ такимъ же умнымъ да казистымъ... Никакой и диковины въ этомъ нѣтъ совсѣмъ.

— Присядь, Митричъ,—предложила я.

— Не досугъ... Тоже въ баню къ Парфецу спѣшу... А опосля надо итти въ церковь на исповѣдь.

— Многіе у васъ говѣютъ въ Петровки?

— А то какже?.. Почитай всѣ... Батюшка велитъ намъ говѣть кажный постъ. Въ Великомъ-то мы, старики, и дважды говѣемъ.

— Но тутъ и народу не было... Работы у васъ... И въ церковь не ходили.

— Коли не досугъ, то можно и за работой тоже вѣдь о Богѣ помнить, да псалмы пѣть... Развѣ это не тотъ же храмъ Божій?

Митричъ указалъ на небо.

— И всегда у васъ такъ?

— Нѣтъ, какъ можно!.. Только когда по нуждѣ развѣ, а то нельзя безъ церкви... На той недѣлѣ было посвободнѣе такъ и церковь полна народа была... А теперь видишь какое дѣло: и радъ бы попасть въ нее, да нельзя. На дальнѣй костьбища народъ отлучался. Вотъ и вся причина... Но все же, хотя и за работой и молитвы поютъ, потомъ священнику въ грѣхѣ каются... Богъ-то милостивъ, простить... Нужды-то наши, крестьянскія Ему вѣдомы.

Онъ вздохнулъ и помолчалъ немного.

— Ну, прощенія просимъ,—промолвилъ онъ, кланаясь мнѣ.

— Легкаго пару!—пожелала я.

Онъ поблагодарилъ и ушелъ.

Я продолжала наблюдать безшумное движеніе на улицѣ.

Немного погода оно приняло опредѣленное направленіе—къ церкви.

Женщины шли одѣтыя въ темную скромную одежду, такъ же простъ былъ и мужской костюмъ. Шли всѣ степенно, не исключая и ребятишекъ, какъ бы въ полномъ сознаніи важности предстоящаго момента. У многихъ лица были еще красны послѣ бани. Стремясь къ чистотѣ духовной, люди соблюдали и чистоту физическую.

Я не замѣтила какъ прошло время и Авдотья снова явилась звать меня въ баню.

Мушны уже благодушествовали за чаемъ съ домашнимъ ситнымъ клѣбомъ. Мокрые волосы у мушны прилипли ко лбу, а распаренные тѣла сохранили еще запахъ свѣжихъ березовыхъ вѣшниковъ.

— Мнѣ налейте еще стаканчикъ,—попросилъ Устинъ:—нутро горитъ. Чай льешь словно бы на каменку.

Мартынь, не спѣша, допилъ со своего блюдечка, поставилъ въ рядъ пустые стаканы и, разомъ наливъ всѣ, роздалъ по принадлежности.

Женщины снарядили ребятишекъ и мы всѣ вмѣстѣ двинулись въ баню. Вымывъ прежде всего дѣтей, Арина отпустила ихъ домой, послѣ чего женщины начали париться сами.

Я удивлялась ихъ необыкновенной выносливости къ жару.

Наше мытье заняло не мало времени.

Когда мы вернулись домой, Давидъ подалъ на столъ только что вскипѣвшій самоваръ.

Настала наша очередь улажиться чаепитіемъ.

Вскорѣ ударили къ вечернѣ. Хозяева начали собираться въ церковь. Но прежде стали кланяться другъ другу въ ноги, прося себѣ прощенія. Мартынъ первый подалъ примѣръ домашнимъ.

— Не обидѣлъ ли кого дѣломъ или словомъ?.. Простите меня, грѣшнаго и окаяннаго!

— Богъ проститъ,—отвѣчали мы по очередно.

Я чувствовала усталость и рѣшила остаться дома.

Устинъ предпочелъ завалиться спать.

Арина попросила меня досматривать за Петей и послѣднюю отправила слѣдомъ за домочадцами.

Долго тянулась вечерня съ исповѣданіемъ, и затѣмъ всеобщая.

Поздно вернулись домой хозяева, серьезно настроенные и молчаливые.

Въ этотъ вечеръ мы легли спать безъ обычнаго ужина.

X.

На слѣдующій день всѣ поднялись очень рано.

Хозяйка спѣшила до обѣдни управиться со стиральной. По случаю розговень Арина варила мясные щи, распространявшіе по избѣ вкусный запахъ. Авдотья раскатывала на столѣ тѣсто для широговъ и ватрушекъ. Саша убирала скотину. Мушны возились на дворѣ.

Когда раздался первый ударъ колокола, то все по хозяйству оказалось уже справленнымъ и изба тщательно выметенной. Намытая съ вечера, теперь она блестѣла чистотой и выглядѣла очень уютной. Въ красномъ углу горѣла лампадка, освѣщая образа въ фольговыхъ ризахъ.

Хозяева нарядились въ хорошую русскую одежду.

— Мы живемъ среди болотъ, намъ не откуда моды перенимать,—отвѣтила Авдотья на мое замѣчаніе.

Саша надѣла голубой шерстяной сарафанъ съ кисейной рубашкой и передникомъ, массу разноцвѣтныхъ бусъ на шею и заплела въ косу ленты.

На Авдотѣ былъ вишневыи шерстяной сарафанъ, а бабка одѣлась во все черное.

Праздничная одежда мужчинъ состояла изъ плисовыхъ шароваръ, кумачевыхъ рубашекъ и суконныхъ поддевокъ.

— Это лучше всякихъ модъ! — похвалила я нарядъ хозяевъ.

Они остались этимъ довольны.

— Такъ-то вѣдь намъ сподручнѣе.

Вслѣдъ за взрослыми отправились въ церковь и ребяташки съ бабкою.

Я собралась также. Захотѣлъ уйти и Устинъ, который не могъ надивиться, что домъ оставляютъ не запертымъ.

— Нѣшто вы не боитесь за коней? — спросилъ онъ: — А какъ ихъ да сведуть со двора?

Онъ опасливо озирался назадъ.

— Свои сельчане не тронуть, а пришлаго люда у насъ не бываетъ,—отозвался Мартынъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Устинъ недовѣрчиво покачалъ головой.

Улица пестрѣла народомъ, шедшимъ въ церковь и разодѣтымъ также по праздничному.

На паперти стояли двое нищихъ, какъ мнѣ показалось пожилой мужикъ осанистый и дородный, степеннаго вида и молодая женщина.

— Эва, какіе у васъ дюжіе да ражіе нищіе! — замѣтилъ Устинъ.

— Нищихъ у насъ совѣмъ и не водится, потому что мы помогаемъ другъ другу, изъ бѣды выручаемъ. И это не нищіе, а подь эпитимією... Ихъ батюшка еще передъ всенощной поставилъ вчера, а теперь снова передъ обѣдней тоже.

Крaпшнъ возмущился:

— Да какой же послѣ того у васъ попъ?!.. Нѣшто онъ можетъ такъ съ народомъ поступать?

Я поспѣшила вмѣшаться, чтобы успокоить расходившагося парня и объяснила, что по церковному уставу, священникъ имѣетъ полное право наложить подобную эпитимію.

— Отчего же у насъ-то этого не дѣлаютъ?—возразилъ онъ недовѣрчиво.

— Священникъ не хочетъ... А захочетъ, такъ и сдѣлаетъ.

— Ну, нѣтъ... Дудки!.. У насъ никто и не встанетъ на такой позоръ! Вишь, что выдумалъ: бородатыхъ мужиковъ, ровно школьничковъ наказывать!.. И дураки же вы послѣ этого, что слушаетесь его!

— Мы не смѣемъ супротивничать ему. Вѣдь сатана отецъ

всякаго супротивства, за что Богъ его и изъ рая-то выгнать,—отвѣтилъ Мартынъ.—Кромѣ того у насъ такой договоръ съ о. Сергіемъ: если мы не будемъ слушать его, то онъ откажется служить въ храмѣ Божіемъ.

— А лучше пусть и не служитъ... Вамъ другого назначать. Эка невидаль какая!.. Мы давно написали-бы на него жалобу архіерею!

— А намъ гораздъ любъ о. Сергій... Онъ рѣдкостный священникъ... Такого-то не скоро и найдешь еще... Мы и подчиняемся ему вольной-волюшкой.

Мы подошли къ церкви и стали подниматься на ступеньки притвора.

Мужикъ, а за нимъ и баба кланялись намъ каждому порознь, вслухъ исповѣдуя свои грѣхи:

— Оклеветалъ по злобѣ Грушу Городскую,—простите, православные меня, окаяннаго!

— Богъ проститъ тебя, батюшка, Илья Сидоровичъ!—отвѣчали ему наши также съ поклонами.

— Я ушелъ-бы отсюда,—сказалъ Устинъ Ильѣ.

Но тотъ отвѣшивалъ поклонъ уже слѣдующему прохожему.

— Подралась со свекровью, — каялась женщина: — простите меня грѣшную!

По ея лицу текли обильныя слезы, которыя она не успѣвала отирать.

— Богъ проститъ тебя, Василиса Панкратьевна! — тѣмъ же серьезнымъ тономъ отвѣчали наши хозяева.

— Ажно смотрѣть-то на васъ зазорно:—не утерпѣвъ, снова замѣтилъ Устинъ:—Какой же это грѣхъ, коли только сдачи дала старой сычевкѣ? Вѣрно было за что?

Его замѣчанія пропустили безъ возраженій.

Заинтересованный Крапинъ остался въ притворѣ наблюдать невиданное зрѣлище.

Я прошла въ церковь. Учитель читалъ часы.

Храмъ быстро наполнялся народомъ и къ началу обѣдни стало тѣсно.

Я помѣстилась у стѣны и осматривала какъ церковь, такъ и богомольцевъ. Послѣдніе стояли необыкновенно чинно и благоговѣйно крестились. Не было перебѣганья съ мѣста на мѣсто, какъ у насъ, ни разговоровъ, ни улыбокъ. Покупая свѣчи въ притворѣ, входившіе въ храмъ кланялись на обѣ стороны, ставили свѣчи и занимали опредѣленное мѣсто.

Я разглядѣла въ толпѣ недавнихъ знакомцевъ—богадѣльщиковъ мужчинъ и женщинъ, а также и обѣихъ вѣковушъ изъ больницы.

Давидъ прошелъ на клиросъ къ пѣвчимъ.

Изъ алтаря появился о. Сергій. Это былъ сѣдовласый священникъ средняго роста съ пріятнымъ, но нѣсколько строгимъ лицомъ самаго обыкновеннаго типа.

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!—сдѣлалъ онъ вступительный возгласъ.

Служба началась истовая и торжественная, несмотря на отсутствіе діакона.

Мое удивленіе возбудилъ мѣстный хоръ, регентировать которымъ учитель. Такой срепетовки и выдержанности я никакъ не ожидала встрѣтить въ столь глухомъ мѣстѣ. Простыя молитвы пѣлись обиходомъ всей церковью, а концертные нумера исполнялись пѣвчими. Создавалось высокое свѣтлое настроеніе... Меня подхватило и увлекло волной этого искренняго чувства и я, незамѣтно для себя самой, присоединила свой голосъ къ народному хору.

Служба тянулась долго, но видимо, никто не замѣчалъ, какъ проходило время, потому что здѣсь именно всѣ молились, вмѣстѣ съ усердно молившимся священникомъ.

Вынесли и Святые Дары.

Велико было мое изумленіе, когда въ числѣ причастниковъ я увидѣла обоихъ людей, находившихся подъ эпитиміей. Такъ же какъ и другіе, они были уже одѣты по праздничному и лица ихъ сіяли внутреннимъ довольствомъ.

Я поняла, что они выполнили свои эпитиміи до конца какъ слѣдовало и теперь съ легкимъ сердцемъ приступали къ Святымъ Дарамъ.

Послѣ обѣдни былъ еще длинный молебенъ св. первоапостоламъ Петру и Павлу.

По окончаніи его къ священнику подошелъ Илья Сидоровъ со своимъ взрослымъ сыномъ и сталъ усердно приглашать батюшку на именинный широгъ.

— Поздравляю именинника, сказалъ батюшка: — Непременно приду, только раньше схожу со Святой Чашей причастить свѣжими Дарамъ больныхъ да старыхъ.

Давъ Сидоровымъ благословеніе, онъ ласково улыбнулся имъ и направился въ алтарь.

Но я перехватила его на дорогѣ.

— Знаю, знаю, — сказалъ онъ: — вы — Мартынова гостья!

Мнѣ говорилъ про васъ учитель... Вотъ потомъ приходите ко мнѣ... Побесѣдуемъ... Коли не застанете меня, дождитесь въ церковной оградѣ... Я вернусь сюда со Святыми Дарами.

Ласковое обращеніе священника и его дружелюбный тонъ вызывали къ нему невольное довѣріе и расположеніе. Вообще онъ произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе.

Я вышла изъ церкви въ числѣ послѣднихъ.

Погода стояла чисто праздничная: ясная и теплая. Солнце золотило яркими лучами село, отчего избы казались еще лучше, а народъ выглядѣлъ еще краше.

Всѣ спѣшили къ своимъ дворамъ. Въ окна виднѣлись уже кинѣвнїе на столахъ самовары.

Въ мартыновской избѣ тоже шло угощеніе.

Устинъ ѣлъ горячій пирогъ съ кашей, запивая его чаемъ.

Мнѣ тоже предложили того и другого.

Я объяснила причину своего запозданія.

Дальше пили и ѣли всѣ опять молча.

Въ моемъ умѣ сложилось опредѣленіе, что здѣсь люди не ѣдятъ, а трапезуютъ.

Какъ бы отвѣтомъ на мою мысль послѣ сытной закуски явилось предложеніе Мартына:

— Возблагодаримъ теперь Господа за хлѣбъ-соль!

Онъ всталъ передъ образами и загѣлъ обиходомъ молитву Господню, которую тотчасъ же подхватили всѣ домочадцы.

Затѣмъ прогѣли еще нѣсколько молитвъ и псаломъ «Живый въ помощи Вышняго».

Давидъ съ Сашей твердо знали мотивъ, разучивъ концертъ Боргнянскаго, вѣроятно, еще въ школѣ. Прочіе же мѣстами детонировали.

Давидъ безъ стѣсненія поправлялъ ихъ словно на урокъ, и даже повторялъ инныя мѣста по нѣсколько разъ.

Петя не спускалъ пристальнаго взгляда съ лица дяди и вытягивалъ за нимъ мелодію.

Всѣ пѣли съ воодушевленіемъ.

Мнѣ пора было идти къ священнику. Я тихо вышла за дверь и направилась къ церкви.

Изъ всѣхъ домовъ также несло духовное пѣніе. Очевидно подобное праздничное времяпрепровожденіе было здѣсь обычнымъ.

Передъ нѣкоторыми избами сидѣли старики на завалинкахъ.

Устинъ негодующій метался по селу, словно кошка на пожарѣ.

— Глянько-сь!.. Это у нихъ праздникомъ Божьимъ называется! А горла промочить негдѣ!.. У насъ объ эту пору ужъ сколько пьяныхъ по селу валяется!

Онъ промчался мимо.

Вскорѣ на улицѣ появилась какая-то странная процессія изъ стариковъ и старухъ. Ихъ вели, везли въ телѣжкахъ, или несли на рукахъ.

— Куда это вы ихъ отправляете? — поинтересовалась я.

Одинъ мужикъ мигъ отвѣтилъ:

— По домамъ на праздники разбираемъ... У кого, значитъ, родня осталась, такъ чтобы всѣмъ вмѣстѣ провести этотъ день. Не то наши старички на насъ обижаются.

— Но вы везете свою старушку въ телѣжкѣ, значитъ она ходить не можетъ?

— Не можетъ, вѣрно, не владеетъ ни руками, ни ногами... Но рассудокъ-то не потеряла, пошмауетъ все какъ есть и радуется, какъ за ней придешь...

— Что же она дѣлаетъ у васъ?

— Да ничего. Проспитъ цѣлый день до вечера. А тамъ слова свезешь ее въ богадѣльню.

Я отправилась дальше и вскорѣ розыскала домъ священника, ничѣмъ не отличавшійся отъ другихъ избъ. Только вмѣсто завалинки передъ нимъ стояла деревянная скамейка, на которой сидѣлъ старикъ сторожъ.

Я спросила про о. Сергія.

— Онъ только что прошелъ въ церковь, — отвѣтилъ сторожъ.

Я поспѣшила туда и встрѣтила священника спускавшимся съ лѣстницы наперти.

— А, вотъ и вы! — встрѣтилъ онъ меня восклицаніемъ: — Теперь мы можемъ съ вами побесѣдовать. Сядемте вотъ на этой скамеечкѣ... Я не буду уже возвращаться домой, а отсюда прямо пройду къ Сидоровымъ.

Мы приблизились къ березкѣ, молодая зелень которой словно кружево вырисовывалась на небесной лазури и опустились на скамейку подъ деревомъ.

Я высказала священнику свои опасенія и просила его содѣйствовать моему освобожденію.

— Да, да... Такъ, такъ... — говорилъ онъ, покачивая головою: — Я это хорошо понимаю и замолвлю за васъ передъ міромъ... А что они задерживаютъ пришлыхъ, — это правда.

— Какая цѣль такого насилія?.. Зачѣмъ они это дѣлаютъ?!.. — горячо воскликнула я.

— Боятся, что ихъ выдадутъ... Найдутъ... А они не хотятъ этого...

— Да Богъ съ ними совсѣмъ!.. Намъ только бы самимъ-то выбраться отсюда!

— Вотъ вы такъ говорите и вамъ они, пожалуй, повѣрятъ... Но вашему парню—врядъ ли!

— Да и Устинь... Что ему надо?.. У него тамъ семья... Есть невѣста.

— Все это такъ... Но... Впрочемъ, я скажу имъ, скажу отъ себя,—произнесъ успокоительно о. Сергій.

— Настойте, батюшка!.. Вы пользуетесь здѣсь большимъ авторитетомъ.

— Постараюсь... Всѣ усилія приложу и будемъ надѣяться, что васъ отпустятъ.

— А многихъ задерживаютъ?

— Ну... Многихъ-то тутъ и не бываетъ... Правда вотъ учитель, да я и еще кое-кто... Такъ вѣдь это за долгіе годы.

Я заинтересовалась исторіей священника.

— Все случилось очень просто: въ родъ васъ же попалъ въ трясищу. Они вытащили меня и привели къ себѣ... Церковь у нихъ пустовала уже нѣсколько лѣтъ за смертью предшественника — іеромонаха... Стали просить меня остаться у нихъ... Я былъ уже заштатный и совершенно одинокій... Но все же сначала-то не желалъ остаться въ болотѣ... Они все задерживаютъ меня подъ разными предлогами, да кланяются, умоляютъ не покидать ихъ... Вѣрите-ли, со слезами просили!.. Присмотрѣлся я къ здѣшнему народу... Поправился онъ мнѣ... Стало мнѣ жалъ ихъ. Воистину, что овцы безъ пастыря!.. Сколько однихъ крестинъ, да свадебъ совершилъ, да погребенныхъ отпѣлъ!.. Взяло меня раздумье: хорошо ли будетъ съ моей стороны бросить ихъ?.. Поборолъ колебанія и выразилъ имъ согласіе остаться, но только выговорилъ нѣкоторыя условія, на что они всѣ согласились... И вотъ съ тѣхъ поръ живу съ ними, да какъ? Душа въ душу, что называется!.. На паству свою не нарадуюсь!.. Привязался я къ нимъ такъ, что если бы теперь и получили возможность покинуть ихъ, такъ самъ не уйду никуда! И они меня полюбили... Словно бы мы съ ними цѣлый вѣкъ вмѣстѣ прожили... Стоить мнѣ только сказать имъ: «Отказываюсь править службы, за ваше непослупаніе!» Такъ Боже мой, что тутъ произойдетъ!.. Падутъ мнѣ въ ноги и завопятъ такъ, что даже камешное сердце тронуть!.. Хорошій народъ, говорю! А главное у нихъ развита религіозность.

— Значить вы не сноситеcь съ консисторіей?

— Нѣтъ!

— И благочинному не подчинены?

О. Сергій махнулъ рукой.

— Однимъ словомъ: никого нѣтъ падо мною!

— Забыли, что-ли, про васъ?

— Въ міру, поди, меня давно сочли умершимъ, или погибшимъ... Мало ли народу тонеть въ Пропаломъ болотѣ?

— Но скажите: какими же законами вы тутъ управляетесь?

— Здѣсь у насъ одинъ законъ: св. Евангеліе... Все, что согласно съ нимъ—то и хорошо; а что несогласно—то дурно. Вотъ и все. Скажите по совѣсти: замѣтили ли вы тутъ что либо худое?

— Пока еще нѣтъ... Я вѣдь здѣсь такъ недавно... Все село ваше походить на какой-то монастырь.. Отовсюду несутся церковныя пѣспопѣнія...

— Вотъ видите!.. Здѣсь такъ именно и понимаютъ, что міръ есть тотъ же монастырь, но только безъ обѣтовъ и не лишенный семейныхъ чистыхъ радостей... Семья же христіанская—это школа для воспитанія новаго поколѣнія. Поэтому взрослые строги къ себѣ и сдержанны при дѣтяхъ, которыхъ стараются учить не словами только, а и личнымъ примѣромъ... Есть у насъ и поистинѣ добродѣтельныя души...

— Абрамова?—подказала я.

— Да, и она... Отъ какого богатаго жениха въ прошломъ году отказалась... А все отчего? Оттого что здѣсь создалось доброе настроеніе... Люди думаютъ о спасеніи своей души, Бога помнятъ... Вы недолго здѣсь пожили, а на многое насмотрѣлись... Остались бы подольше,—не то бы еще увидѣли!

Я призналась, что не только меня, но даже Устина поразили обиходъ здѣшней жизни.

Въ заключеніе я заинтересовалась узнать: какъ отозвалось у нихъ наше смутное время?.. И слыхали-ли они про него?

— А вы полагаете, что нѣтъ?.. Какъ бы не такъ!.. Одинъ старичекъ ходилъ зачѣмъ-то отъ насъ въ городъ и, вмѣстѣ съ газетами, принесъ цѣлый пукъ прокламацій... Кто-то ему въ карманъ насоваль... Вотъ мы ихъ и читали, и разсуждали по этому поводу... Съ учителемъ объясняли все нашимъ мужичкамъ...

— Какъ же къ этому отнеслось ваше населеніе?

— Охали и горевали... Говорили, что это за грѣхи наши Богъ наслалъ такое смятеніе на родину... Наложили на себя добровольный постъ съ покаяніемъ, служили молебны и много-много пролили горькихъ слезъ!.. Здѣсь очень любятъ свое отечество и дороги ихъ сердцу устои земли родной... Съ какимъ трепетнымъ интересомъ слѣдятъ они за жизнью государства и какъ радуются всякому его успѣху!..

— Почему же они тогда скрываются и не хотятъ присоединиться къ нему?

О. Сергій махнулъ рукой.

— Э, тутъ совсѣмъ дѣло иное: они боятся грѣха отъ присоединенія къ міру... Повѣрите-ли: одинъ старый дѣдъ, Андронъ, болоту-то онъ земно поклонился за то, что оно въ смуту спасло его родное село отъ грѣха... Какъ живому существу поклонился!... Ты, говоритъ, родимое болотушко, укрыло насъ своими дебрями да пучинами отъ вражьихъ нашествій и отъ пагубы духовной! Защита наша бездонная, вѣчное спасибо тебѣ до гроба!.. Неправда ли, какъ это трогательно?.. Совсѣмъ они у меня, какъ дѣти!.. И легенда такая тутъ сложилась: когда они прогнѣвять Бога своими грѣхами, то болото усохнетъ, явится торная дорога, которая соединитъ ихъ съ материкомъ и міръ откроетъ убѣжище. Тогда наступитъ конецъ теперешней хорошей чистой жизни и ихъ поработитъ грѣхъ... Вотъ и поймите, почему они всячески ограждаютъ себя отъ вторженія къ нимъ міра.. Вѣдь ваши-то порядки имъ знакомы и очень не любы почему они и не хотятъ ихъ перенять.

— Значитъ вы готовите протестантовъ?—задала я вопросъ.

— Изъ чего же это вы выводите?

— А вотъ когда дѣйствительно міръ-то придетъ къ нимъ и захочетъ взять ихъ на законномъ основаніи, то встрѣтитъ фанатичный отпоръ.

— Ну, нѣтъ!.. Вы не знаете!.. Этого никогда не случится! Вы не поняли духа здѣшняго народа!.. Развѣ не видѣли Ильи Сидорова сегодня на паперти?.. Бородатый мужикъ, отецъ большого семейства, человѣкъ съ достаткомъ и вдругъ— послушно стоитъ на паперти и гнетъ спину предъ послѣднимъ захудалымъ мужиченкой, прося отпущенія своего грѣха... Развѣ такая школа смиренія и покорности готовится къ своеволію и бунтарству? А?

Я принуждена была согласиться съ нимъ.

— То-то же!.. Нашъ народъ будетъ плакать, страдать и

молиться, но никогда не подниметь вооруженной руки на свою защиту. Скорѣе онъ можетъ сдѣлаться жертвой всякихъ несправедливостей, нежели измѣнить своимъ убѣжденіямъ, впитаннымъ съ молокомъ матери... Вотъ каковъ здѣшній народъ... Однако я заговорился съ вами, а меня ждуть у Сидоровыхъ,—спохватившись, произнесъ о. Сергій.

Онъ поднялся со скамьи.

Я напомнила ему еще разъ о моей просьбѣ.

— Да ужъ не забуду замолвить за васъ!.. Обѣщаль, такъ и исполню!

— Но когда же я узнаю о рѣшеніи?

— Вѣроятно, сегодня же они собьютъ сходъ и вырѣшатъ этотъ важный для нихъ вопросъ.

— Тогда не стану больше васъ задерживать батюшка, — сказала я.

Мы простились и разстались.

Анна Догановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)





СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Еще родной земли не кончилась страда,
Еще густѣеть мракъ надъ нивой трудовой...
Не время никнуть намъ побѣдной головою!
Богъ-помощь, мирные подвижники труда!..

Заря, встаетъ заря, гоня глухую ночь;
Свободныя—ей шлютъ привѣтъ свой звонкій птицы;
Заколосилась рожь... Серпы готовьте, жницы!
Прочь—тяжкой думы гнетъ! Нужды оковы—прочь!..

Кто устали не зналъ, кто силы не щадить,
Кто бодро крестъ несетъ завѣтными путями—
Тому не страшень мракъ,—желанными лучами
Тому всѣхъ раньше свѣтъ даль жизни озарить.

Пройдетъ, какъ страшный сонъ, безумныхъ дней страда,
Свободнѣй всѣ вздохнуть въ годину урожая...
Смѣлѣй гляди впередъ, страна моя родная!
О, будь благословенъ твой каждый день труда!..

II.

Свѣточн мысли, надеждъ маяки!
Если бъ вы намъ въ нашей тьмѣ не свѣтили,
Всю бы мы вѣру свою схоронили,
Всю бы любовь мы свою погасили
Въ морѣ безумной тоски!..

Спутники правды, каратели зла,
Думъ благородныхъ и смѣлыхъ пророки!
Какъ бы мы были безъ васъ одиноки,
Какъ бы печали въ насъ были глубоки,
Жизнь—какъ была-бъ тяжела!..

Вѣрою сердца мы только живемъ,
Правды исканіемъ путь озаряемъ;
Пусть мы порою во мракъ блуждаемъ,—
Вѣримъ—вы есть, съ нами—вы, и мы знаемъ:
Къ Свѣту изъ мрака дойдемъ!..

Аполлонъ Коринфскій.

МОЯ МУЗА.



Ф. И. Черновъ.



I.

не кую мой стихъ, о, нѣтъ!
Рожденный чувствомъ музыкальнымъ,
Онъ въ ткани легкiя одѣтъ,
Украшенъ трауромъ печальнымъ.

Мой стихъ къ борьбѣ не позоветъ,
Не кликнетъ мести кличъ сурово;
Враждою сердце не зажжетъ
Его прощающее слово.

Мой стихъ далекъ отъ суеты,
Отъ шума улицъ, озлобленья.
Мой стихъ—любовь, мой стихъ—мечты,
О дняхъ минувшихъ—сожалѣнье.

Я создаю его въ тиши—
Не въ мукѣ гнѣвной и мятежной.
Мой стихъ для родственной души—
Печальной, женственной и нѣжной.

II.

Всѣми лучами звѣздъ золотыхъ
Смотритъ Былое въ душу мою.
Въ сердцѣ ищу я звуковъ живыхъ,
Что бы пропѣть о немъ пѣсню свою.

Что бы въ той пѣснѣ мерцали огни
Синяго неба безсмертныхъ очей;
Что бы сердца согрѣвали они
Нѣжною лаской утраченныхъ дней.

Что бь утомившись безъ пѣсенъ идти
Сѣрымъ путемъ настоящаго дня,
Каждое сердце могло бы найти—
Пѣсни, и свѣтъ и тепло у меня.

III.

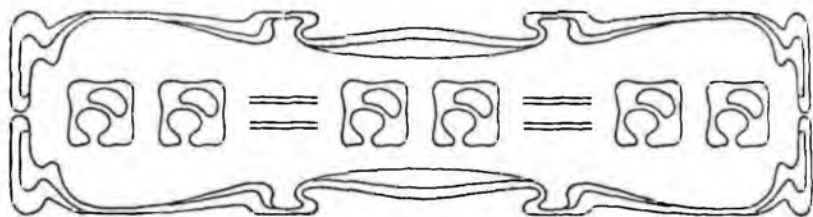
Я буду жить голубыми просвѣтами:
Я знаю—жизнь такъ окутана тучами.
Я буду жить только счастья примѣтами,
Только мгновеньями счастья летучими...

Встрѣчу я смерть безъ рыданья безумнаго,—
Съ тихой улыбкой, съ очами закрытыми...
Скроюсь изъ міра страстей многошумнаго,
Нѣжно сольюся съ тѣнями забытыми...

Только одно я лелѣю желаніе,—
Что бь въ этомъ мірѣ вражды и мученія,
Словно какъ отблескъ былого сіянія,
Пѣсня осталась моя—въ утѣшеніе.

Ф. Черновъ.





АНТОНЪ ГОРЕМЫКА

ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ВОСПИТА-
ТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ.



ень 19 Февраля 1861 года такъ великъ и такъ сла-
вень съ сознаниіи всего русскаго народа, что возда-
вать хвалу его памяти представляется нужнымъ
и даже почти невозможнымъ, потому что нѣтъ
такой хвалы, которая достойна была бы его ве-
личія. Не только въ историческихъ лѣтописяхъ
Россіи, но и въ лѣтописяхъ всего цивилизован-
наго міра этотъ день, по громадности совершенной имъ мирной
побѣды, не имѣетъ себѣ подобнаго. Этотъ день былъ новою эрою для
нашего отечества, съ него начинается наша новая исторія, которой
онъ положилъ начало не только фактически, какъ день крупнаго
государственнаго переворота, но и принципиально, такъ какъ въ этотъ
день въ основу нашей государственной жизни были безповоротно и
навсегда вложены новые принципы-свободы и равенства человѣческихъ
правъ всѣхъ гражданъ. Съ 19-го Февраля 1861 года эти принципы
стали плотью и кровью русскаго народа, и тому прошлому, которое въ
нашемъ сознаниіи нагружается мало по малу, въ туманѣ забвенія, нѣтъ
уже возврата никогда...

Все, чѣмъ мы живемъ и пользуемся теперь, всѣ тѣ формы, въ
которыя вылилась современная общественная и государственная жизнь,—
все это получило начало и руководящую нить въ реформѣ незабвеннаго
Императора Освободителя Александра Николаевича 19 Февраля 1861 г.
Отъ этой освободительной реформы, какъ радіусы отъ центра, исходятъ
и всѣ остальные, преобразовавшія внутреннюю жизнь нашей страны
до полной неузнаваемости въ сравненіи съ ея прошлою жизнью.

Мы живомъ и пользуемся плодами этой реформы, и это возлагаетъ на насъ извѣстныя обязанности, кои должны быть для насъ священны. Прежде всего надо помянуть благодарнымъ словомъ тѣхъ художниковъ русскаго слова, которые воспитали насъ въ свѣтлыхъ образахъ правды и справедливости.

Въ числу такихъ художниковъ слова, произведенія которыхъ возбуждаютъ въ насъ состраданіе ко всякому угнетенному, воспитываютъ въ насъ лучшія человѣческія чувства, надо отнести покойнаго русскаго писателя Григоровича. (Умеръ 22-го Декабря 1899 г.).

Съ именемъ Дмитрія Васильевича Григоровича въ русской литературѣ связано то значеніе, что онъ одинъ изъ первыхъ своими произведеніями обратилъ вниманіе русскаго общества на жизнь народа, притомъ, главнымъ образомъ на отрицательныя стороны народной жизни.

Въ этомъ заключается его отличие отъ другого писателя—Тургенева. Между тѣмъ какъ Тургеневъ въ большинствѣ своихъ разсказовъ изъ народной жизни описываетъ лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ представителей народа, рисуетъ его жизнь главнымъ образомъ съ ея болѣе свѣтлыхъ сторонъ, Григоровичъ въ своихъ произведеніяхъ показываетъ намъ страданія народа, его темныя стороны, пороки. Правда, большинство его героевъ изъ народа (въ особенности герои произведеній, написанныхъ въ первую половину жизни) своего рода идеалисты—но это идеалисты страдающіе. Далѣе, Григоровичъ не останавливается на одномъ описаніи картинъ народнаго страданія—онъ доискивается причины этого страданія и видитъ ихъ въ безиравіи крестьянскаго класса, въ его угнетенности, полной зависимости отъ произвола помещиковъ.

Съ легкой руки, такъ сказать, Григоровича мужикъ (его положеніе, его психологія, страданія) сталъ властителемъ думъ. Формально исторію этого движенія можно начинать съ появленія въ Январской книжкѣ журнала „Современникъ“ (1847 г.) повѣсти Д. В. Григоровича „Деревня“ и, быстро послѣдовавшей за ней, другой повѣсти того же автора—„Антошъ Горемыка“. Отношенія къ мужику стали сложными, очень сложными.

„Прежде было проще: въ народѣ видѣли, главнымъ образомъ, просто-народѣ, нѣчто стадное, само по себѣ склонное къ буйству и неистовству, но великолѣпно покорное при наличности хорошихъ руководителей. И все было ясно и понятно. По міросозерцанію всѣхъ плававшихъ на поверхности жизни, народъ находился тамъ гдѣ-то внизу, чуть-чуть не въ преисподней, молчалъ и работалъ, работалъ и молчалъ, распахивая десятину за десятиной, выкорчивывая лѣса муромскіе и брянскіе, размножаясь съ быстротой низшаго организма, пестуя государство и русскую культуру и безъ задержки уплачивая всѣ протори и убытки русской исторіи. Хорошо, должно быть, жилось ему въ обществѣ лѣшихъ, домо-

выхъ, русалокъ, и онъ обыкновенно оставался за сценой“... („Литер. движ. XIX в. въ Россіи. Очеркъ Е. А. Соловьева). Но вотъ оказалось, что онъ страдаетъ, страдаетъ невыносимо. Это не то, что было ново, но какъ-то никто не догадывался сказать этого раньше такъ громко и рѣшительно, какъ сказалъ Григоровичъ своею повѣстью „Антонъ Горемыка“.

Въ этой повѣсти Григоровичъ рассказываетъ о томъ, какъ погибаетъ изъ за злобы помѣщичьяго управляющаго работящій бѣднякъ. Здѣсь Григоровичъ уже глубже, чѣмъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ изъ крестьянскаго быта, касается причинъ матеріальнаго и духовнаго убожества крестьянской массы.

Антонъ, обѣднѣвшій мужикъ, живетъ на краю села въ старой, полуразвалившейся избѣ. Съ нимъ, кромѣ жены, живутъ еще мальчикъ и дѣвочка, дѣти его брата, отданнаго по желанію управляющаго въ солдаты. Этотъ управляющій и довель до такой бѣдности Антона, бывшаго раньше зажиточнымъ мужикомъ.

Въ тотъ день, когда начинается дѣйствіе повѣсти, управляющій посылаетъ за Антономъ и требуетъ отъ него уплаты подушныхъ; когда же Антонъ заявляетъ, что платить ему нечѣмъ и проситъ повременить, онъ приказываетъ ему отправиться на ярмарку въ сосѣдній городъ и продать тамъ лошадь, послѣднюю скотину Антона.—На слѣдующій день Антонъ отправляется на ярмарку. Тутъ попадаетъ онъ въ руки конокрадовъ, которые уводятъ съ постоялаго двора его „пѣгашку“. Въ отчаяніи отправляется бѣднякъ искать по окрестностямъ пропавшую лошадь. Между тѣмъ, на постояломъ дворѣ мужики разговариваютъ объ его несчастіи; къ нимъ случайно заходитъ землякъ Антона и рассказываетъ исторію его обѣднѣнія.

Помѣщикъ, къ вотчинѣ котораго принадлежитъ Антонъ, живетъ постоянно въ деревнѣ. Всѣ дѣла по управленію имѣніемъ онъ передалъ управляющему, человѣку жестокому и хитрому. Послѣдній выжимаетъ всѣ соки изъ мужиковъ, обманываетъ барина и копить деньги.

Его притѣсненія становятся, наконецъ, нестерпимыми для мужиковъ, и они рѣшаютъ написать обо всемъ барину. Собирается сходъ, и Антону, какъ единственному грамотному, поручается составленіе письма. Письмо однако, не доходитъ до барина: его перехватываетъ и отсылаетъ управляющему его братъ, служащій камердинеромъ у барина. Управляющій собираетъ сходъ, и застрашенные мужики головой выдаютъ Антона, указывая на него, какъ на главнаго виновника всего дѣла. Съ тѣхъ поръ начинается систематическое преслѣдованіе Антона: управляющій отнимаетъ у него сперва землю и замѣняетъ ее негодной, затѣмъ онъ совсѣмъ отнимаетъ ее у него; Антона самого онъ держитъ постоянно на барщинѣ, брата его отдаетъ не въ очередь въ рекруты,—однимъ

словомъ, постоянными преслѣдованіями доводитъ Антона до его настоящаго положенія.

Между тѣмъ, Антонъ, отправившись на поиски за пропавшей „пѣгашкой“, безуспѣшно блуждаетъ по окрестностямъ и подѣ конецъ попадаетъ въ компанію бродягъ, ограбившихъ предъ тѣмъ проѣзжаго купца. Въ качествѣ ихъ сообщника, его задерживаютъ въ сосѣдней ворчмѣ и въ колодахъ отправляютъ изъ роднаго села въ острогъ.

Вотъ все содержаніе повѣсти. Здѣсь нужно кстати замѣтить о томъ; что повѣсть Григоровича „Антонъ-Горемыка“ появилась въ печати и перепечатывается до настоящаго времени въ значительно смягченномъ видѣ. „Она кончалась у меня,—говоритъ самъ Григоровичъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“,—тѣмъ, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, зажигаютъ его домъ и бросаютъ его въ огонь. А Никитенко (цензоръ), не сказавъ никому ни слова, сочинилъ конецъ, въ которомъ управляющій остается неприкосновеннымъ, а вооружившіеся крестьяне, предъ тѣмъ, чтобы быть отправленными на поселеніе, каются въ своихъ дѣйствіяхъ и просятъ у міра прощенія“.

Какъ это ни странно; но цензура въ данномъ случаѣ, вопреки своимъ намѣреніямъ, не только не ослабила впечатлѣнія, произведеннаго повѣстью, а наоборотъ, усилила его, и усилила въ смыслѣ благоприятномъ для крѣпостнаго народа. Что крестьяне, выводимые изъ терпѣнія злоупотребленіями помѣщиковъ и управляющихъ, убивали и сожигали ихъ, это ни для кого не было тайной въ сороковыхъ годахъ. Подобныя преступленія не только свидѣтельствовали о невыносимомъ положеніи крѣпостныхъ, рѣшавшихся на такія страшныя преступленія, но и служили доводами противъ дарованія крестьянамъ свободы. „Антонъ-Горемыка“ въ первоначальномъ видѣ далъ бы въ руки крѣпостникамъ лишній аргументъ для подтвержденія ихъ мысли о томъ, какъ опасно давать такимъ безчеловѣчнымъ людямъ свободу. Сентиментальный конецъ, придѣланный къ повѣсти цензоромъ, только усилилъ чувство жалости къ несчастному Антону и безспорно увеличилъ количество слезъ, вызванныхъ его горемычною судьбой.

Антонъ—добрый работающій мужикъ, готовый помочь ближнему, любящій своихъ пріемышей, какъ своихъ собственныхъ дѣтей.

— Больно жаль мнѣ его, говоритъ про него его землякъ, пуще брата... мужикъ-то такой добрый, славный, смиренный... Бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить, простыня-мужикъ... Черезъ простоту свою и доброту и пострадалъ болѣе...

При всей его добротѣ, онъ до того измученъ притѣсненіями управляющаго, что на него какъ бы находить какое-то отупѣніе: онъ не способенъ разобрать, что попадется въ руки плутамъ и т. д.

Приказчикъ Никита Федоровичъ—это одинъ изъ типовъ крѣпостныхъ тирановъ.

Онъ имѣеть много сходства съ типами, выведенными Тургеневымъ въ нѣкоторыхъ изъ его разсказовъ („Контора“, „Бурмистръ“). Никита Федоровичъ попалъ въ управляющіе только потому, что старый баринъ женилъ его на своей любовницѣ. Получивъ такимъ образомъ въ руки власть, онъ пользуется ею во всю. Онъ знаетъ только свой карманъ и обманываетъ какъ мужиковъ, такъ и барина. Въ крестьянахъ онъ не видитъ людей.

Также не симпатична и его жена. У нихъ есть сынъ Ванюша, лѣтъ 5-ти. Отецъ по нѣскольку разъ въ день спрашивалъ своего ребенка, какія онъ деньги больше любитъ: бумажки или серебро. И когда Ваня отвѣчалъ, что бумажки, отецъ продолжалъ: ну, а отчего бы ты взялъ скорѣе бумажки? — Легче носить—каждый разъ отвѣчалъ ребенокъ. Этотъ же отецъ научаетъ малютку лакомиться сахаромъ тайкомъ отъ матери. Иной разъ между отцомъ и сыномъ происходила такая бесѣда:

— А нуткась, бурмистръ, спрашивалъ отецъ, хочешь ли быть Троскинскимъ управляющимъ?

— Бацу—отвѣчалъ ребенокъ.

— Ха, ха, ха. Ну, а чтобы эы тогда сталъ дѣлать?

— А вотъ... вотъ... высѣкъ бы Михалку Кузнецова...

— Ха, ха, ха, ай да бурмистръ... ну, а за что бы ты его высѣкъ?

— У него вишь бабка свинчатка есть... Онъ мнѣ ее не даетъ...

Отецъ былъ въ восторгѣ отъ остроумія своего сыночка и велъ его къ матери, что бы и ее потѣшить такимъ остроуміемъ. Мать, въ свою очередь, не уступала родителю въ тѣлстворномъ влияніи на сына. Такъ, она однажды, напрямѣръ, послала Ваню слѣдить тайкомъ за отцомъ, не дастъ ли ему денегъ мельникъ, зачѣмъ-то пришедшій и бесѣдующій съ управляющимъ наединѣ, а въ награду за шпионство мать обѣщала сыну сахару. Ваня мастерски выполнилъ свою задачу и получилъ обѣщанную награду. (Соч. Григоровича т. I. 226 с.).

Какъ видите, въ повѣсти „Антонъ Горемыка“ ярко обрисована угнетенность, безправіе народа.

Авторъ указываетъ—на несправедливость и произволъ власть имущихъ, въ данномъ случаѣ, управляющаго, какъ на главный источникъ страданія и бѣдность народной массы. Безправіе, незащищенность отъ притѣсненія помѣщика, являются причинами какъ тяжкаго матеріальнаго положенія народа, такъ и его духовной темноты, неразвитости. Тѣ, темныя стороны народа, которыя выступаютъ въ повѣсти—способность въ бѣдѣ свалить вину на другого, холодная скуность, пьянство, мошенничество и т. д.—всѣ эти отрицательныя стороны развились на почвѣ крѣпостнаго строя, какъ послѣдствія этого строя.

Конечно, повѣсть „Антонъ Горемыка“ не можетъ быть признана образцовымъ произведеніемъ съ художественной точки зрѣнія; это было замѣчено уже при ея появленіи.

Но тѣмъ не менѣе, она произвела на современное общество громадное впечатлѣніе. Это объясняется важностью и живымъ интересомъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касается въ нихъ авторъ.

И, дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное „Антономъ Горемыкою“ на современниковъ было великое.

„Повѣсть Григоровича измучила меня: читая ее, я все думалъ, что присутствую при экзекуціи. Страшно.. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушашаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину“.

Таковы признанія Бѣлинскаго въ письмѣ къ В. Боткину. Въ страстныхъ натурахъ, подобныхъ Бѣлинскому, страданія Антона-Горемыки возбуждали чувства злобы и негодованія на тотъ строй, который доводилъ до преступленія лучшихъ представителей народа. Въ людяхъ болѣе пассивныхъ впечатлѣніе возбужденное чтеніемъ повѣсти Григоровича, разрѣшалось слезами жалости къ закрѣпощеннымъ массамъ,

По свидѣтельству Ф. М. Достоевскаго, даже петербургскіе помѣщики рыдали, читая „Антонъ Горемыку“, и нѣкоторые изъ нихъ покинули столицу, что бы въ деревнѣ озаботиться облегченіемъ участи своихъ крестьянъ. Сколько-бы ни глумились впоследствии надъ этими слезами, онѣ не прошли безслѣдно въ исторіи русской жизни и русской литературы. Салтыковъ (Щедринъ), вспоминая о впечатлѣніи, произведенномъ „Антономъ Горемыкою“ въ 40-хъ годахъ, говоритъ: „Это былъ первый благодатный весенній дождь, первыя хорошія человѣчныя слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ“. Еще характернѣе говоритъ Левъ Толстой въ письмѣ, присланномъ Григоровичу въ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности: „Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, шестнадцатилѣтняго мальчика, не смѣвашаго вѣрить себѣ, „Антономъ-Горемыкою“, бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и хочется сказать—учителя, можно и должно описывать не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ, и даже съ трепетомъ“.

Эти отзывы знаменитѣйшихъ русскихъ писателей вполне опредѣляютъ историческое значеніе „Антонъ-Горемыки“.

Повѣсть на самомъ дѣлѣ была историческимъ моментомъ въ развитіи русской литературы и сыграла историческую роль.

„Растерзанной фигурѣ „Антонъ-Горемыки“ русская литература положительно должна бы воздвигнуть памятникъ. Ея духомъ, ея содержаніемъ она жила почти полвѣка—правда, содержаніемъ расширеннымъ и углубленнымъ, но, въ сущности, тѣмъ же самымъ. Здѣсь заключалась цѣлая программа, здѣсь были даны лозунги—одинъ изъ тѣхъ лозунговъ, которые являются въ десятилѣтія, и второстепенное литературное произведеніе сыграло первую историко-литературную роль“. (Соловьевъ).

Появленіе въ печати 63 года тому назадъ „Элегій объ утраченной пѣгѣй кобылѣ“ признается важнымъ фактомъ и въ исторіи русской литературы такими изслѣдователями ея, какъ Скабичевскій и Венгеровъ, и въ исторіи русской этнографіи—покойнымъ Пыпинымъ, и въ исторіи крестьянскаго вопроса—Семевскимъ.

Особенной заслугой „Антонъ-Горемыки“ выставляется та роль, которую онъ сыгралъ въ величайшемъ изъ событій русской исторіи XIX вѣка—паденіи крѣпостнаго права въ Россіи. Извѣстно, какое громадное значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса приписывается „Запискамъ охотника“ Тургенева: утверждаютъ даже, что Императоръ Александръ II, прочитавъ эту книгу, рѣшилъ уничтожить крѣпостное право въ Россіи.

„Антонъ-Горемыкѣ“ въ этомъ великомъ дѣлѣ не только отводится почетное сосѣдство, но иногда дается даже первенство передъ знаменитыми разсказами Тургенева. Историческое значеніе „Антонъ-Горемыки“,—говоритъ г. Венгеровъ, вообще, не меньше, чѣмъ „Записокъ охотника“. Если возводить 19-е Февраля 1861 года къ его литературному генезису, то слезы, пролитыя надъ „Антономъ-Горемыкой“, занимаютъ въ немъ такое же почетное мѣсто, какъ чувство глубокаго уваженія къ народу, которое читателя „Записокъ охотника“ приводило къ убѣжденію, что народъ достоинъ свободы“.

Помимо своего историческаго и общественнаго значенія, которое имѣетъ и имѣла повѣсть Григоровича „Антонъ-Горемыка“ на ряду съ другими его произведеніями изъ народнаго быта, какъ проповѣдь состраданія къ мужику, произведенія подобнаго рода имѣютъ также и педагогическое значеніе.

Григоровичу, по нашему мнѣнію, Россія много обязана. Своими произведеніями онъ вселилъ въ наше поколѣніе глубокую любовь—къ русскому народу и желаніе послужить ему. Онъ показалъ намъ въ нашемъ бывшемъ крѣпостномъ мужикѣ брата. Онъ научилъ насъ не превозноситься надъ народомъ, а смиренно учиться у него великой вѣрѣ, терпѣнію и любви.

Свящ. Михайль Менстровъ.



Ватворившись въ тѣсной кельѣ,
Духъ молитвой укрѣпляй,
Но безгрѣшное веселье
Не казни, не проклинай!

Встрѣтивъ юношей, враждою
Свѣтлыхъ грезъ не отрави,
Но любовною рукою
Счастье ихъ благослови!

А. Кругловъ.





ВСТРѢЧА.

(Изъ прошлаго).

РАЗСКАЗЪ.



емидесятилѣтній дьяконъ Дубовъ аккуратно нарѣзаль хлѣбъ длинными ломтями, набожно перекрестился нѣсколько разъ на иконы и сѣлъ за столъ.

— Ну, бабушка, вотъ я и готовъ. Неси горошницу-то, — обратился онъ къ женѣ, низенькой, худощавой старушкѣ, суетившейся около печи.

— Несу, дружокъ, несу! — отозвалась та, стуча посудой.

Скоро на столѣ появилась объемистая, незатѣйливая миска. Супруги дружно взялись за ложки. Обѣдъ всегда происходилъ въ маленькой кухонкѣ съ выходившими во дворъ окнами.

— А горошница-то у тебя сегодня, кажется, подгуляла, — произнесъ дьяконъ, пробуя свое любимое блюдо.

— А что такое? — встревоженно спросила старушка.

— Да немножко какъ будто недосолена.

— Ну, это дѣло поправимое: соль на столѣ. Посоли — вотъ и будетъ хорошо.

— Дѣло говоришь, бабушка.

Онъ всыпаль въ миску добрую щепотку соли и помѣшалъ ложкой.

Въ это время стукнула калитка воротъ, и мимо окна кухонки бодрой походкой прошелъ высокій монахъ.

— Вѣрно, за сборомъ,—предположила старушка.

— Можетъ быть,—согласился мужъ.—Вотъ сейчасъ увидимъ.

Дверь отворилась, и въ кухню вошелъ монахъ. Онъ перекрестился на иконы и, кланяясь хозяевамъ, произнесъ:

— Здравствуйте. Желаю вамъ пріятнаго аппетита.

— Спасибо, батюшка,—радушно отвѣтилъ дьяконъ.—Милости просимъ, присаживайтесь на табуретъ.

Монахъ сѣлъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ небольшою, окладистой сѣдой бородой. Глаза зорко, пронизательно смотрѣли и выражали глубокій умъ, соединенный съ твердой волей.

Въ то же самое время лицо не было лишено добродушія: особенно красила его привѣтливая улыбка. Одѣтъ онъ былъ въ поношеную, дорожную, запыленную рясу и потертый отъ времени клобукъ. Въ рукахъ—толстая некрашенная палка.

Монахъ внимательно взглянулъ на супруговъ, затѣмъ перевелъ взоръ на столъ и бросилъ бѣглый взглядъ на всю кухонную обстановку.

— Какъ жарко сегодня,—проговорилъ онъ и, вытащивъ носовой платокъ, вытеръ имъ мокрый лобъ.

— Да, нынѣ жара стоитъ совсѣмъ особенная,—согласился дьяконъ,—давненько такого іюня не бывало. А дождика-то ой-ой какъ надо. Трава совсѣмъ пропадаетъ. А вы, позвольте полюбопытствовать, далече идете?

— Домой пробираюсь, да вотъ зашелъ къ вамъ отдохнуть на минуту: все же вы свой братъ, духовное лицо.

— Спасибо, батюшка, большое спасибо. Вотъ только не знаю чѣмъ васъ угостить-то? Теперь, сами знаете, Петровъ постъ. А ежели не обидитесь, такъ пожалуйста къ намъ за компанію покушать горошницы. Ужъ извините — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

По губамъ монаха промелькнула привѣтливая улыбка.

— Ну, что же, я не прочь. Спасибо вамъ. Горошница — прекрасное блюдо. Въ дѣтствѣ я, можно сказать, былъ и воспитанъ на ней.

— А у насъ, знаете ли, горохъ-то свой: хорошій, сахарный сортъ. Вотъ попробуйте и сами увидите.

Монахъ перекрестился, придвинулся къ столу и взялъ ложку.

— Бабушка, а ты тѣмъ временемъ поставь поскорѣе самоварчикъ.

— Это не для меня ли?—освѣдомился гость.

— Да, да, конечно, для васъ. Горошницу и киселекъ хорошо запить чайкомъ.

— Нѣтъ, обо мнѣ пожалуйста не безпокойтесь: я чаю не хочу, а вотъ стаканчикъ воды выпью съ удовольствіемъ, если только найдется кипяченая.

— Есть, есть, — послѣдшне отозвалась старушка.

— А вы сырую-то развѣ не пьете? — полюбопытствовалъ дьяконъ.

— Нѣтъ, не пью: желудокъ слабъ.

— Такъ, такъ. Дѣйствительно, кто страдаетъ желудкомъ, тому лучше пить кипяченую. Вотъ у насъ о. Александръ тоже мучится желудкомъ. Врачи находятъ у него катаръ.

— Здѣсь, кажется, два священника?

— Два. О. Александръ младшій.



И. В. Поповъ-Пермскій.

Монахъ помолчалъ нѣсколько секундъ и какъ бы вскользь замѣтилъ:

— Дружно ли они живутъ? Вѣдь, удивительное дѣло: я самъ наблюдалъ неоднократно, какъ пастыри вмѣсто мира и лада заводятъ между собой ссоры. По моему, это не порядокъ. Ну, а у васъ здѣсь какъ относительно этого?

И монахъ, предложивъ послѣдній вопросъ, зорко и пытливо взглянулъ на дьякона.

— Батюшка ты мой, а кто же безъ грѣха!—простоудшно отвѣтилъ дьяконъ.—Вѣдь одинъ Господь Богъ безгрѣшенъ. Бываетъ, что и наши посорятся, ну да и помирятся. А какъ согласишься иногда со стороны, такъ и дѣло-то совѣмъ пустое и ссорѣ-то нѣтъ мѣста. Все нашъ духовный врагъ

сѣть смуту умовъ... Охо-хо... Увидятъ наши батюшки его козни, да и скорѣе за миръ...

— О, да, да, миръ душевный, миръ съ людьми—великое дѣло въ жизни,—задумчиво проговорилъ монахъ.

— А все же доложу вамъ, батюшка, большой ссоры у насъ, слава Богу, не бываетъ,—продолжалъ откровенничать дьяконъ.—Живемъ друженъко. Но опять и то сказать: иной разъ безъ выговора и не обойдешься. Вотъ на-дняхъ о. Павелъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе за то, что я перепуталъ ектеніи. Ужель мнѣ на это сердиться? Перепуталъ — и получай должное. Эхъ, старость подошла! Скоро позовутъ и на тотъ свѣтъ.

— Ну, вы еще, видимо, крѣпкій,—замѣтилъ монахъ, внимательно оглядѣвъ широкоплечую фигуру дьякона и его доброе, свѣжее лицо.

— Э, какъ-никакъ, а все-таки мнѣ восьмой десятокъ пошелъ. Надо каждый часъ быть готовымъ.

— Отчего же вы не подаете за штатъ? Вамъ дадутъ, конечно, и пенсію. Можно вѣдь на старости-то лѣтъ и отдохнуть.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, отъ этого увольте. Пока есть силы, буду служить, а придетъ смерть — умру хотя бы и у церковнаго порога. А ежели я могу работать, зачѣмъ же выходить за штатъ и даромъ денежки получать? Пусть ужъ мнѣ Господь Богъ на томъ свѣтѣ пошлетъ отдыхъ и покой.

— Вотъ вы какой, — протянулъ гость, удивленно глядя на хозяина.

— Бабушка, у тебя тамъ, кажется, еще киселекъ есть. Тащи-ка его сюда. Вы кисельку не отвѣдаете ли?

— Хорошо, хорошо, попробую. Спасибо вамъ. Не хочу обижать вашего гостепріимства.

— Вы, я вижу, человѣкъ простой: это похвально,—откровенно замѣтилъ дьяконъ, — а то нынѣ народецъ-то пошелъ все гордый, неуживчивый. Такому-то и слово молвить страшно.

Гость загадочно улыбнулся и потербилъ свою небольшую, сѣдоватую бороду.

— Ну, а каковъ здѣсь народъ? Пьянства много?

— Не то, чтобы много, а все же не безъ грѣха. Ужъ

таковъ русскій человѣкъ. И чего, право, находятъ хорошаго въ водкѣ? Не знаю. Одно разоренье, да тѣлу вредъ.

— Вы никогда не пили?

— Сохранилъ Господь!

— А ваши батюшки ведутъ бесѣды противъ пьянства?

— О, да! Развѣ безъ этого можно? На то они и пастыри. Особенно хорошо говорить проповѣди о. Александръ. У него есть, должно быть, хорошій даръ слова. Конечно, безъ увѣщаній, сами знаете, нельзя обойтись. Нашему мужичку все надо обсказать толкомъ, вразумительно, понятно.

— Это самое главное,—подтвердилъ монахъ.

Разговоръ далѣе коснулся религіозно - нравственнаго уровня прихожанъ, ихъ матеріальнаго достатка и нужды.

Кисель приблизился, между тѣмъ, къ концу. Монахъ всталъ изъ-за стола и, перекрестившись на иконы, сказалъ:

— Ну, спасибо вамъ, мои славные, гостепріимные старички. Спасибо на хлѣбѣ—на соли. А теперь до свиданія, мнѣ пора и въ путь.

— А куда же вамъ, батюшка, торопиться-то? Отдохните у насъ. Жарко итти-то.

— Нѣтъ, все-таки пора двигаться и далѣе. Всего вамъ хорошаго.

— До свиданья, батюшка, до свиданья. Ежели будете здѣсь на другой разъ, то заверните и къ намъ. Милости просимъ во всякое время.

— О, непременно, непременно. Надѣюсь, что мы увидимся—и очень скоро.

Монахъ простился и вышелъ.

— Къ чему онъ сказалъ, что мы увидимся очень скоро?—съ недоумѣніемъ спросила жена.—Вотъ ужъ не пойму...

Дьяконъ, не зная, что отвѣтить, потеръ лобъ и въ свою очередь торопливо спросилъ:

— Бабушка, а бабушка! А что же мы не спросили его, изъ какого онъ монастыря?

— И денегъ не дали,—продолжала та.

— Правда, не дали,—смущенно согласился дьяконъ.— Впрочемъ, ежели бы онъ ходилъ за сборомъ, такъ и самъ первый попросилъ бы, а коли не попросилъ, стало быть, онъ не сборщикъ. Вѣрно, идетъ домой на побывку. Ну, а теперь развѣ мнѣ пойти и малость отдохнуть.

— Ступай.

— А ты сначала, бабушка, достань-ка мнѣ холодненькаго кваску.

Старушка вышла.

Дьяконъ прошелъ въ свою комнату и прилежъ на широкій кожаный диванъ.

— Да, этотъ монахъ, кажется, человекъ неглупый, — подумалъ онъ, заложивъ руки за голову, — сразу по глазамъ видно умницу.

Скоро старушка вернулась съ графиномъ холоднаго кваса. Она поставила его на маленькій, круглый столикъ и достала изъ шкапа чистый стаканъ.

— Спасибо, бабушка, а теперь иди отдыхай и ты.

Вдругъ въ это время раздался звонъ во всѣ колокола.

— Это еще что такое? — разомъ вскричали изумленные супруги.

Дьяконъ, забывъ о своихъ лѣтахъ, поспѣшно, по-юношески соскочилъ съ дивана. А колокола продолжали весело, громогласно звонить, и звонъ широкой волной вливался въ открытое окно.

— Неужто пріѣхалъ владыка?—предположилъ дьяконъ.— А вѣдь мы его не ждемъ... О его пріѣздѣ было бы извѣстно ранѣе.

— Не иконы ли несутъ?—въ свою очередь спросила жена.

— Иконы? Едва ли. Я зналъ бы объ этомъ. Вотъ такъ притча!.. Однако, надо надѣть рясу и сходить въ церковь: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ владыка.

Пока дьяконъ разыскивалъ хорошую рясу, какъ къ открытому окну быстро подбѣжалъ запыхавшійся церковный сторожъ и закричалъ:

— Отецъ дьяконъ, отецъ дьяконъ! скорѣй иди въ церковь, скорѣй: вѣдь архіерей пріѣхалъ! Меня послали за тобой!

— Да ну? Ужели владыка?—хлопнувъ руками, воскликнулъ ошеломленный старикъ. — Вотъ оказія!.. Стало быть я угадалъ. И совсѣмъ его не ждали... Право...

— Сижу, этто, я въ сторожкѣ и вдругъ слышу топотъ лошадей около церковной ограды, — скороговоркой докладывалъ между тѣмъ сторожъ. — Посмотрѣлъ, а у воротъ стоитъ карета, и изъ нея выходитъ самъ архіерей. У меня ноги такъ и подкосило. Ну, молъ, не ждуть его наши ба-

тюшки, бѣда. Послалъ меня за ними, а Митюха забрался на колокольню и давай звонить. Такъ скорѣе иди!

— Сейчасъ, другъ, сейчасъ. Вотъ только волосы причешу. Иду, иду.

Сторожъ побѣжалъ.

Внезапный прѣздъ владыки сильно взволновалъ стараго дьякона. Дрожащими руками онъ надѣлъ рясу, расчесалъ рѣденькіе сѣдые волосы и надѣлъ шляпу.

— Вотъ не ждали, вотъ не ждали,—твердилъ онъ.—Это, значить, инкогнито, какъ ученые выражаются. Бабушка, пойдешь архіерея-то смотрѣть?

— Пойду, непременно пойду, — отвѣтила та, впопыхахъ суясь изъ угла въ уголь за поискомъ косынки, — вотъ надѣну только платье.

— Поторопись же.

Дьяконъ вышелъ. Колѣна его слегка дрожали отъ волненія, а сердце усилило свой обычный темпъ.

— Ну и старость!—недовольный собой, подумалъ онъ.— И какъ я теперь буду служить? Пожалуй, владыка сочтетъ меня за такую развалину, которую нужно только поскорѣе убрать съ мѣста на покой. Охъ, старость—не радость.

Дьяконъ подошелъ къ церкви. Колокола продолжали громогласно гудѣть. Къ церкви со всѣхъ сторонъ спѣшили изумленные не менѣе дьякона крестьяне: и пѣшіе, и верхомъ, и въ телѣгахъ. Дѣтвора бѣжала со всѣхъ ногъ. Звонъ сполошилъ все село.

Кое-какъ дьяконъ протискался сквозь народъ и подошелъ къ алтарю. Оттуда доносился дрожащій, прерывающійся голосъ о. Павла, что-то докладывавшаго владыкѣ.

Дьяконъ съ замираніемъ сердца медленно отворилъ дверь и шагнулъ въ алтарь. Владыка въ это время обернулся, и... нашъ старикъ похолодѣлъ отъ ужаса, весь превратившись въ столбъ... Дыханіе его захватило, зубы стукнули, по всему тѣлу пробѣжала дрожь, точно отъ сильнаго электрическаго тока. Передъ нимъ стоялъ знакомый ему монахъ, съ той только разницей, что на немъ вмѣсто запыленной дорожной рясы была теперь роскошная, шелковая, а поверхъ ее на груди блестѣла драгоцѣнными камнями панагія.

— Бѣда... бѣда!..—молніей пронеслось у перепуганнаго

дьякона, который едва могъ устоять на подкосившихся ногахъ.

— А, вотъ явился и мой старый знакомый,—оживленно, ласково заговорилъ владыка, идя къ дьякону. — Ну, еще разъ здравствуй, мой другъ!

Онъ благословилъ его и къ величайшему изумленію священниковъ, привѣтливо улыбаясь, продолжалъ:

— Ну, не бойся же, не смущайся. Вѣдь я тебѣ правду сказалъ, что мы скоро увидимся — вотъ мы и увидѣлись. Большое тебѣ спасибо за угощенье и привѣтъ. Когда приѣдешь въ городъ, милости прошу и ко мнѣ: я хлѣбъ-соль не забываю.

И, желая разъяснить смыслъ своихъ загадочныхъ словъ, владыка, обращаясь къ остолбенѣвшимъ священникамъ, добавилъ:

— Я съ вашимъ о. дьякономъ прекрасно, по душѣ, побесѣдовалъ назадъ тому съ полчаса. Славный старикъ... Дай Богъ побольше такихъ. Да и о васъ, отцы, отозвался хорошо...

И, похлопывая его по плечу, владыка не переставалъ улыбаться своей добродушной улыбкой, отъ которой мало-по-малу начало отходить сердце перепуганнаго стараго дьякона.

Ив. Поповъ-Пермскій.





БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

VIII *).

Царица Савская.

Царица Савская, услышавъ о мудрости Соломона, пришла испытать его загадками. (III кв. Царствъ, гл. X.)

Царица южная возстанетъ на судъ съ родомъ симъ и осудитъ его, ибо она пришла отъ предѣловъ земли послушать мудрости Соломоновой; и вотъ здѣсь больше Соломона. (Еванг. отъ Матѳ. гл. XII.)



Въ Библии упоминается о двухъ савскихъ народахъ: жившихъ въ Эѳіопіи, или нынѣшней Абиссиніи, и населявшихъ южную Аравію. Есть данныя, на основаніи которыхъ можно предположить, что царица Савская была именно изъ послѣдней. Аравія расположена на западѣ отъ Сиріи; ее омываютъ Красное море, Индійскій океанъ и Персидскій заливъ. Большая часть страны занята песчаными равнинами, горными цѣпями и обширными пустынями. Южная часть полуострова, омываемая водами, не носитъ такого дикаго характера, плодородна, отличается большими природными богатствами и густо заселена. Ее называютъ „Счастливой Аравіей“. Нѣкогда въ ней были залежи

*) Предыдущіе очерки „Библейскія женщины“ печат. въ 1908 и 1909 гг. „Дневн. Писателя.“

золотого песка и серебряной руды. Она изобиловала также и драгоценными камнями.

Въ ней добывался ладанъ, бальзамъ и разныя благовонія. Воздухъ страны былъ напоенъ пряннымъ ароматомъ, далеко разносившимся даже по морю, услаждая обоняніе мореплавателей. Восхищенное воображеніе приурочило именно къ этой странѣ своего легендарнаго феникса, чудеснымъ образомъ возрождавшагося изъ пепла.

Изъ различныхъ племенъ, населявшихъ Аравію, самымъ доблестнымъ было племя савеевъ. Греческіе и римскіе писатели прославляли его богатство. Главный городъ у савеевъ былъ Сава, возникшій по преданію, вскорѣ послѣ потопа и названный такъ въ честь внука патріарха Эвера. Одни изъ географовъ утверждаютъ, что Сава находилась на мѣстѣ нынѣшняго города Зебида, другіе — Марeba. По словамъ поэта Клодіена, Савей управлялась вначалѣ женщинами. Около 3000 г. отъ сотворенія міра, по арабскому преданію, тамъ царствовала Валкиса, которую Жозефъ смѣшалъ съ Никотрисой Геродота. Но это не удостовѣрено точно, и въ исторіи она называется просто царицей Савской. Повидимому, она была образованнѣйшей женщиной своего времени и мудрой правительницей, потому что при ней страна достигла высшей степени своего благосостоянія. Торговые корабли развѣзжали по морю, увеличивая богатство савеевъ. Но матеріальный избытокъ не могъ утолить духовной жажды Савской царицы, щедро одаренной природою. Пытливый умъ ея породилъ массу недоумѣнныхъ вопросовъ, сердце ея терзала тоска, не находя рѣшенія многимъ жизненнымъ проблемамъ.

Ее мучили вопросы высшаго порядка, вплоть до религіозныхъ; но мудрецы ея племени не были въ силахъ утолить ея духовной жажды. Очевидно, она была выше всѣхъ ихъ головою. А поучаться же могла отъ заѣзжихъ людей, съ которыми она бесѣдовала.

Въ это время гремѣла слава Соломона.

Царица Савская наслушалась необыкновенныхъ рассказовъ о немъ. Личность его выростала въ ея глазахъ до гигантскихъ размѣровъ, плѣняя собою воображеніе. Мудрость молодого царя поражала южную царицу. Весь Востокъ находился подъ обаяніемъ его генія. Его доброта, справедливость

и мудрость, сочетавшіяся въ удивительной гармоніи, привлекали къ нему всѣ сердца и покоряли ихъ. Въ интеллектуальномъ отношеніи Соломонъ стоялъ на недосягаемой высотѣ передъ современниками, затмевая всѣхъ блескомъ своего ума, сіяя надъ ними какъ солнце.

Недаромъ имя Соломона и доселѣ живетъ на востокѣ въ сказкахъ и преданіяхъ, гдѣ всѣ могущественные владыки называются Сулейманами, т.-е. Соломонами.

Изъ этого можно видѣть, какая была его репутація при жизни и какъ ярко былъ окружавшій его ореолъ.

Немудрено, что онъ воспламенилъ фантазію южной царицы, и она загорѣлась желаніемъ видѣть и слышать дивнаго царя. Къ тому же присоединялись и причины чисто политическаго характера: дружбой и покровительствомъ Соломона дорожили всѣ его сосѣди, трепетавшіе его могущества. Дальновидной правительницѣ Савской также улыбалась дружба со столь вліятельнымъ владыкой. Но женская гордость и тактъ удержали ее отъ излишней откровенности передъ Соломономъ. Она маскировала свое посѣщеніе исключительнымъ желаніемъ видѣть того, слава котораго облетѣла весь свѣтъ. Но и тутъ она являлась не въ качествѣ простой зрительницы, пришедшей только подивиться на чудо. Нѣтъ, она понесла къ нему весь интеллектъ своей страны, весь запасъ своихъ думъ, размышленій, недоумѣній и мучительныхъ запросовъ и сомнѣній. Это было все духовное сокровище тогдашняго человѣка. Она являлась хорошо подготовленная, во всеоружіи своей интеллектуальной мощи. Это былъ не простой визитъ, но вызовъ на моральный поединокъ. По своеобразнымъ условіямъ востока, этотъ вызовъ былъ облеченъ въ пеструю и поэтическую форму различныхъ вопросовъ и загадокъ, переплетавшихся между собою какъ фантастичные узоры на восточномъ коврѣ.

И въ то же время царица Савская повезла съ собою на верблюдахъ богатые подарки Соломону, состоявшіе изъ множества золотой утвари художественной работы, золота и драгоценныхъ камней.

Соломонъ жилъ съ необычайной пышностью. Онъ принималъ гостей въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ изъ прочнаго ливанскаго кедра. Внутри дворецъ былъ украшенъ 200 большими щитами, выкованными изъ чистаго золота, да



Царица Савская.

300 такихъ же золотыхъ щитовъ, лишь меньшаго размѣра.

Самъ царь, облеченный въ виссонныя одежды, украшенная драгоценными камнями и расшитая золотомъ, сидѣлъ на тронѣ изъ бѣлой слоновой кости, обитой золотомъ. Верхъ сзади у престола былъ круглый. Къ трону вели шесть ступеней. Руки царя покоились на локотникахъ, опиравшихся на золотыхъ львовъ. Дюжина такихъ же львовъ стояла по сторонамъ всѣхъ шести ступеней къ трону.

Ничего подобнаго тогда не было ни въ одномъ царствѣ.

Царицу Савскую съ ея свитой встрѣтило великое множество пышно одѣтыхъ слугъ и воиновъ въ блестящемъ вооруженіи. Они провели гостей къ Соломону съ соблюденіемъ строгаго установленнаго тогда этикета.

Царица Савская была поражена увидѣннымъ. Оно превзошло всѣ ея ожиданія.

Соломонъ принялъ ее съ подобающей ея сану честью и, будучи великимъ психологомъ, сразу расположилъ къ себѣ ея сердце.

Онъ устроилъ въ честь гости пышное празднество, при чемъ послѣдняя увидѣла, что всѣ сосуды и вся домашняя утварь на царскомъ столѣ были изъ чистаго золота. Изъ серебра не было ничего, потому что въ роскошное соломоново время серебро не цѣнилось ни во что. Каждый израильтянинъ въ то время спокойно жилъ подъ своею смоковницею и обрабатывалъ поля руками слугъ своихъ. За долгое мирное царствованіе Соломона накопилось великое множество сокровищъ въ его странѣ. Поэтому всѣ въ царствѣ жили въ довольствѣ и безъ заботъ и отучились отъ труда, такъ что великолѣпный храмъ Соломоновъ, воздвигнутый всего въ семь лѣтъ, построенъ весь руками тирскихъ рабочихъ, трудившихся надъ нимъ и день и ночь.

Гостя осмотрѣла помѣщенія для царскихъ слугъ, которыя были очень хороши. И все въ странѣ было прекрасно и богато.

Царица Савская обратилась тогда къ Соломону со своими вопросами и загадками, желая испытать силу его ума и показать также и свою осведомленность по многимъ вопросамъ.

Она тотчасъ же получила отъ царя обстоятельные отвѣты на всѣ свои вопросы и загадки, хотя считала ихъ очень

сложными и мудреными. Но Соломону они не стоили никакого труда, потому что ему были известны все тогдашние знания, открыты все письмена, так как его обучали даже египетской мудрости. Соломонъ съ одинаковою легкостью трактовалъ какъ о ливанскомъ кедрѣ, такъ и о иссопѣ, растущемъ на старыхъ стѣнахъ; какъ о птицахъ воздушныхъ, такъ и о рыбахъ, населяющихъ воды. Но глубже всего онъ позналъ сердце человѣческое и умѣлъ владѣть имъ. Недаромъ же онъ тотчасъ нашелъ средство узнать настоящую мать ребенка, которая не согласилась разрубить свое дитя, а предпочла отдать его невредимымъ чужой женщинѣ. И кошья, которыя савская гостя точила такъ старательно, Соломонъ переломилъ въ одну минуту безъ малѣйшаго затрудненія, и царица была побѣждена... Но потерпѣть пораженіе въ интеллектуальномъ поединкѣ съ такимъ гениальнымъ человѣкомъ, какъ Соломонъ, не несло униженія. И его смѣлая противница пришла въ неописанный восторгъ.

Цѣлыхъ четыре мѣсяца оставалась въ Иерусалимѣ царица Савская и вдосталь могла налюбоваться какъ дѣлами правленія Соломона, мудростью его, такъ благоустройствомъ и роскошью его царства. Она во все вникала пытливымъ окомъ и поучалась. Въ особенности ее поразили храмъ—это грандіознѣйшее и великолѣпнѣйшее сооруженіе великаго царя. Твореніе его было достойно его создателя. Нѣтъ возможности описать его величія и красоты. Лучшія породы деревьевъ пошли на его постройку, и онъ въ изобиліи былъ украшенъ чистымъ золотомъ: по краямъ Кивота Завѣта находились 4 ангела, золотые 4-харшинныя крылья которыхъ были прикрѣплены къ стѣнамъ и потолку Святая Святыхъ. По сторонамъ входныхъ дверей во Святая Святыхъ стояли 2 столба 4-хъ саженой высоты, обложенные золотомъ, съ рѣзными вызолоченными вѣнцами наверху. Кипарисовыя стѣны и полъ святилища и Св. Святыхъ были украшены рѣзными изображеніями херувимовъ, цвѣтовъ и плодовъ, и все эти изображенія были обложены золотомъ. Завѣса святилища висѣла на золотыхъ цѣпяхъ. Въ святилищѣ находился золотой кадилный алтарь и множество разныхъ свѣтильниковъ. Но все слова блѣднѣютъ передъ описаніемъ дѣйствительности. Впослѣдствіи храмъ Соломоновъ—это чудо искусства и зодчества,—не однажды разрушался во



Судъ Соломона.

время войнъ и снова возстановлялся, но уже съ меньшимъ великолѣніемъ. Царицѣ Савскоіи удалось видѣть его во всей ослѣпительной роскоши и красотѣ. Можно себѣ представить какое ошеломляющее впечатлѣніе производилъ онъ своимъ видомъ! И не только онъ одинъ, но и все видѣнное, слышанное и испытанное савеянкою въ Іерусалимѣ. Охватившій ее восторгъ перелился черезъ край, выразившись въ экзальтированной похвалѣ Соломону.

— Я не вѣрила, пока не пришла сюда и не увидѣла все своими глазами!—воскликнула она.—Теперь же нахожу, что не сказано даже и половины: мудрости и богатства у тебя гораздо больше слышаннаго. Счастливы близкіе твои и слуги, которые всегда могутъ видѣть тебя и слышать твои мудрыя рѣчи! Да будетъ благословенъ Господь Богъ твой, Который благоволилъ посадить тебя на престолъ Израилевъ и содѣлать тебя царемъ, чтобы творить судъ и правду!

Такое вдохновенное привѣтствіе могло вылиться только изъ искренняго сердца.

Царица Савская поднесла Соломону свои дары: 120 талантовъ золота (это считалось громадной суммой въ то время) и несмѣтное количество разныхъ благовоній и драгоценныхъ камней.

Соломонъ не остался въ долгу передъ щедрою царицей и со своей стороны достойно одарилъ ее.

Кромѣ отношеній дружественныхъ, царица Савская завязала съ Израильскимъ царствомъ и отношенія торговыя. Это являлось очень важнымъ, такъ какъ у обоихъ народовъ были симпатіи также и племенные: оба получили свое происхожденіе отъ Авраама, только Іудеи—отъ Сарры, а Арабы—отъ Агари и Сетуры. Оба народа древнѣйшіе на землѣ и сохранившіе свои нравственные облики въ чистомъ первоначальномъ видѣ, несмотря ни на какія измѣненія политическихъ и жизненныхъ условій; въ то время, какъ другіе народы съ блестящимъ прошлымъ, какъ египтяне, греки и римляне, давно уже смѣшались съ варварами, подчинились чуждымъ законамъ и восприняли новый жизненный укладъ, утративъ свою индивидуальность.

Намъ неизвѣстно, что было дальше съ царицей Савскою послѣ посѣщенія ею Іерусалима. Но, по всей вѣроятности, полученные уроки пошли ей въ пользу, и она стала руко-

водствоваться ими въ своей странѣ. Недаромъ же она занесена на страницы священной исторіи и отмѣчена, какъ искоренительница грубаго язычества въ своемъ народѣ и насадительница вѣры въ истиннаго Бога.

Многіе художники изображали царицу Савскую. Рафаэль написалъ ее въ одной изъ ложъ Ватикана. Знаменитая гравюра Марка-Антоніо свидѣтельствовала о существованіи одного дивнаго художественнаго творенія. Въ итальянской школѣ есть картина на ту же тему—Доминикана; въ германской школѣ — Гольбейна; во фламандской — Жерара де-Лересса; во французской—Евстахія Лезюера, и др.

На нашемъ рисункѣ изображена царица Савская, несущая дары Соломону: жемчужное ожерелье въ золотой вазѣ тонкой художественной работы. Плѣнительный образъ царицы запечатлѣнъ тонкимъ умомъ и необыкновенной природной граціей и изяществомъ.

А. Никитина.





ЭККУРСІЯ ВЪ ОБЛАСТЬ НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГІИ.



Посмотрите между народами и внимательно взглядитесь.— Аввакумъ, I. 5.

ація—изъ, отдѣльныхъ лицъ; на ней отражается ихъ душа. Кто хочетъ узнать народъ—изучай челоуѣка. Сравните, напр., русскаго и нѣмца; 2-й нисколько не талантливѣе 1-го, — скорѣй наоборотъ; но откуда огромная продуктивность, культурность нѣмца и наша относительная отсталость? На это можетъ отвѣтить только исторія и психологія, и здѣсь мы рассмотримъ характеръ русскаго и нѣмца, англичанина и американца, помня, что, въ душѣ различаютъ 3 части: волю, чувство и интеллектъ, и не забывая того, что было сказано мною объ этихъ 3-хъ частяхъ въ прошлыхъ моихъ сочиненіяхъ (см. „Днев. Писат.“ 1909 г.). Сенкевичъ у Плошовскаго подмѣтилъ качество, которое назвалъ славянскою непродуктивностью (см. „Безъ догмата“). По-моему Плошовскій—это тотъ же Обломовъ, по Добролюбову столь характерный для русской дѣйствительности: черты его есть въ Онѣгинѣ, Печоринѣ, Рудинѣ, а по-моему и въ Мишкѣ (Князь Серебряный) и даже въ Ильѣ Муромцѣ. Но Обломовъ, какъ хотите, безволенъ; въ немъ не спокойствіе, а какой-то параличъ. Здѣсь указаніе на безволіе, какъ характерную особенность русской жизни. Вспомните отзывъ Щеницкаго о послѣдней войнѣ: по его словамъ, русскіе въ свободное время стремятся лежать, спать, ничего не дѣлать. Вѣдь это не богатство волей?! Взгляните, что сдѣлали японцы съ Сахалиномъ, изъ котораго мы сумѣли сдѣлать только тюрьму... Войдите въ школы, напр. въ университетъ, гдѣ академическій годъ длится едва ли полгода. Нужно ли говорить о нашей зависимости

отъ иностранцевъ въ области техники и науки, даже спекулятивной? Отнимите у нѣкоторыхъ нашихъ профессоровъ иностранные учебники, и что у насъ останется? Боюсь сказать... На войнѣ мы отступали, не проявляя инициативы. Вообще наше слабоволіе столь же несомнѣнно, какъ и раздражительность русскаго чувства. Недаромъ у насъ столько неврастениковъ и такъ частъ параличъ сердца. Вспомните стихи А. Толстого: „Коль любить, такъ безъ разсудку, коль рубить такъ ужъ съ плеча“ и т. д., отлично доказывающіе нашу порывистость. А наша толпа, которая изъ аудиторіи рвется на площадь, быстро доходить до анархіи и безразсудства¹⁾ и разбѣгается при первомъ появленіи казаковъ, не проявляя ничего кромѣ безволія и взъерошеннаго чувства. Сравните толпу рабочихъ въ Стокгольмѣ во время послѣдней забастовки: не было ни единой попытки нарушить порядокъ. Вотъ какъ важно одно простое хладнокровіе: передъ вами граждане, а не ревушій станъ... А подумайте, какой феноменологіей духа надо обладать, чтобы согласиться быть президентомъ какой-нибудь сѣрнованной республики и гдѣ это возможно, кромѣ странъ съ необузданнымъ чувствомъ?! Слабая воля и раздражительное чувство производятъ быстрое остываніе, отказъ отъ намѣченнаго дѣла, недостатокъ упорства, столь необходимаго въ политикѣ. И финляндскія газеты оказались правы, предупреждая своихъ соотечественниковъ, что русскіе хотя и создаютъ широкіе планы, но быстро отказываются отъ нихъ, встрѣчая препятствія (см. статьи въ „Моск. Вѣдом.“ вскорѣ послѣ убійства Бобрикова). Каковы причины этихъ психическихъ особенностей? 1) Сама природа на западѣ, производящая „впечатлѣніе границы, опредѣленности, отчетливости... упорнаго труда“. Сравните „однообразіе русскаго вида: ровныя пустынные поля... все отличается робостью тоновъ, оставляетъ спокойно неясное впечатлѣніе... покоя, сна, одиночества, располагающее къ унылому раздумью“ (Ключевскій, „Курсъ русской исторіи“, часть I, стр. 76). Какой великолѣпный матеріалъ для сравненія природы и духа двухъ странъ и народовъ²⁾! 2) Историческія обстоятельства: монгольское иго и крѣпостное право подавляло волю русскаго народа. При крѣпостномъ правѣ высшій классъ былъ богатъ волею, а несравненно болѣе многочисленный низшій—былъ совершенно обезволенъ. Послѣ наде-

¹⁾ Въ Петербургѣ толпа, науськанная бастующими фармацевтами, била стекла аптекъ (въ 1905 г.); замѣчательно, что при этомъ пострадали исключительно христіанскія аптеки, и безумная русская (!) толпа не поняла этого, хотя, согласитесь, нетрудно было понять.

²⁾ У насъ столь же рѣзкая разница между⁴⁰ зимы и лѣта, какъ и между гнѣвомъ и милостью. А эта русская ужасная засуха, послѣ которой всепожаряющій ливень! Какъ эта природа напоминаетъ вышеприведенные стихи А. Толстого!

нія крѣпостного права воля помѣщичьяго класса ослабла, а низшаго не успѣла усилиться, ибо для этого нужно большее время и благопріятныя условія. Чувство людей высшаго класса стало раздражительнѣе отъ измѣненія, т. е. рѣзкаго ухудшенія жизненныхъ условій; а въ низшемъ классѣ свободно проявилось вѣками накоплявшееся раздраженіе оскорбленнаго чувства; вѣдь, недаромъ „грустный вой — пѣснь русская. Печалію согрѣты мелодіи и нашихъ музъ и дѣвъ“ (Пушкинъ). Поэтому, кто желаетъ исцѣлять націю, пусть улучшаетъ челоуѣка, благопріятно вліяя на его волю и чувство. Отсюда понятны: 1) Старанія правительства и общества дать крестьянамъ (т. е. огромному большинству націи, еще не выступавшему на общественную арену) достаточное количество земли, ибо голодъ ведетъ къ чахоткѣ, а не къ усиленію воли. 2) Необходимо образованіе, хотя отнюдь не широкое, которое повело бы не къ усиленію, а къ тратѣ воли, ибо интеллектъ—изъ воли. Мужуку необходимы: 1) Порядочная грамотность съ самыми небольшими примитивными знаніями общеобразовательнаго характера. 2) Обученіе пѣнію (очень важно!), при чемъ надо проходить національно русскія и при томъ веселыя мелодіи: грустныя—ослабляютъ волю; музыка вліяетъ на самую волю¹⁾. 3) Во всѣхъ школахъ надо усиленно и усердно обучать гимнастикѣ, готовить будущаго солдата. 4) Если все это сдѣлано, остается проложить хорошую дорогу отъ деревни къ селу и отъ него къ ближайшему городу. И больше ничего: остальное сдѣлаетъ самъ народъ, надъ воспитаніемъ коего стоитъ поработать, такъ какъ весьма многое доказываетъ его выдающіяся, пока еще подспудныя силы. Дай Богъ, чтобы онѣ родились, воскресли,—вообще явились въ живомъ видѣ. Выдающіяся силы русскаго народа доказываютъ: 1) Физиономіи и характеръ нашихъ дѣтей: часто это прямо какіе-то ангелы. 2) Несравненная, какъ-то характерно округленная русская пословица, напр. не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Или еще лучше сравните пословицу „какъ аукнется, такъ и откликнется“ съ соотвѣтствующей нѣмецкой. 3) Неимѣющая равныхъ напа народная пѣсня²⁾, отражающая и просторъ снѣговыхъ полей и задумчивость, историческую грусть нашего народа. Музыка Глинки, единственная въ мірѣ по своей національной оригинальности лучше всего показываетъ, что можетъ сдѣлать и дать русскій челоуѣкъ, если условія

¹⁾ Есть какое-то сродство между душой и звукомъ, недаромъ на нѣмецкомъ этомъ относительномъ первоязыкѣ столь похожи слова *Ville* (воля) и *Welle* (волна, напр. звуковая). См. мою статью „Богъ и душа“. „Днев. Писат.“, декабрь 1909 г. „Обо всемъ и оговсюду“.

²⁾ Не принесли ли нѣкоторые ея мотивы варяги? Въ нѣкоторыхъ норвежскихъ музикахъ произведеніяхъ, напр. норвеж. рапсодія Грига, слышны мотивы, напоминающіе русскіе.

благоприятны. И развѣ не показываютъ того же Л. Толстой, Достоевскій, Суворовъ, Менделѣевъ, Перовъ и др.? Конечно, задача народнаго воспитанія трудна, но зато она вліяетъ не на одно поколѣніе ¹⁾.

У нѣмца воля исторически сохранилась лучше, не трагилась вѣками на оскорбленное чувство и нашла себѣ выходъ въ прогрессѣ и культурѣ, не страдала славянскою непродуктивностью: Обломовъ лежитъ, а нѣмецъ Штольцъ полонъ энергіи. Неудивительно, что Ольга пошла за Штольцемъ, а не Обломовы поведутъ историческую жизнь. Нѣмецъ хладнокровно спокоенъ (сравнительно съ нашей порывистой, неуравновѣшенной, скоро устающей натурой),—отсюда его методичность и аккуратность, ведущая къ сохраненію силъ, избѣгающая безцѣльной ихъ траты и такимъ образомъ представляющая необходимыя условія успѣшной работы. Неудивительно, что спокойные нѣмцы, не истощающіе себя раздражительностью, являются первыми почти во всѣхъ отрасляхъ знанія: въ живописи (Беклинъ), въ музыкѣ (Бетховенъ, Бахъ), въ поэзіи (Гете), философіи (Кантъ, Шопенгауеръ), политикѣ (Бисмаркъ), наукѣ (Вирховъ, Момзень, Гельмгольцъ) и даже въ воздухоплаваніи (Цеппелинъ). А нѣмецкіе богословы? Сколько ихъ и кто у нихъ не учился? Вотъ что значитъ сохранившаяся воля и дисциплинированное чувство—условія, необходимыя для развитія глубокаго философскаго интеллекта: ему есть изъ чего развиться—воля цѣла и не тратится на чрезмѣрное чувство (см. мою статью: „Богъ и душа“). Поэтому же богатые впечатлительнымъ чувствомъ, легкомысленные французы—не философы вообще. Многіе возмущаются „бычачьимъ спокойствіемъ“ нѣмца, его малоподвижностью, тяжеловатостью метода мышленія... Ругайтесь, если хотите, но помните стихи Л. Медичи:

Радость знаетъ лишь вѣдавшій горе,
Бурю тотъ, кто знакомъ съ тишиной:
Быть спокойнымъ умѣетъ лишь море,
А не лужа въ вершокъ глубиною.

Германія образована и культурна, а при этомъ повышается цѣна жизни и желаніе жить, т. е. неохота „проливать кровь за отечество“; это подмѣтилъ Ренанъ ²⁾ въ философскихъ драмахъ (Жрецъ изъ Нѣми), и нѣмцы, сознавая это, ввели желѣзную дисциплину, и справедливо: чѣмъ

¹⁾ Особенно тяжела борьба съ нашимъ всеобщимъ алкоголизмомъ: въ крестьянствѣ она невозможна раньше обезпеченія земель: голодный больше сытаго пьянѣетъ и хочетъ пить. Проповѣдывать надо сытымъ пьяницамъ, наполняющимъ трактиры и реставрирующимъ рестораны.

²⁾ Въ Калибанѣ отмѣчена склонность современной толпы распадаться на отдѣльные узкопартийные интересы: всѣ идущіе въ народ. собраніе несутъ с собою петиціи. Какъ это напоминаетъ 1-ю Думу, заваленную массой всевозможныхъ петицій!

безвольнѣе нація, тѣмъ строже должна быть дисциплина, которая, впрочемъ, полезна на всякій случай и для богатыхъ волей нѣмцевъ въ виду ихъ культурности и хорошей развивающей жизни, съ которой не захочется разстаться по доброй волѣ. Нѣмецъ—патріотъ; заговорите съ нимъ о космополитизмѣ, онъ вамъ отвѣтитъ: „Германія выше всего“. Прочтите романъ Ауербаха „Дача на Рейнѣ“, чрезвычайно ярко изображающій нѣмца съ его идеалами и характеромъ. Правда, герои Эрихъ мало натураленъ, размалеванъ, весь состоитъ изъ добродѣтелей, лишенъ недостатковъ, но и въ немъ видны вкусы Германіи. Онъ спокоенъ, богатъ волей, здоровъ, военный и любитъ военное дѣло (радуется, видя проезжающую батарею). Покончивъ со службой, отдается философіи. Другой герой, Зонненкампфъ—титаническая, богатырская натура. Профессорша разсчетлива, практична, великолѣпно устроилась въ чужой виллѣ (Эдемъ) и, видя паденіе хозяйской семьи, съ какой-то паразитической безжалостностью осталась видѣть кончину. Да! Она паразитъ, даже не крыса, которая въ такихъ случаяхъ бѣжитъ съ корабля. Нѣмецкая кровь ассимилируетъ все: и еврея (Милькъ), и гугенота (Дурнэ), и даже американскую (Манна) и негрскую кровь (жена Кнопфа). Интересна нѣмецкая толпа, напавшая на Эдемъ: она чувствуетъ грядущую слабость Зонненкампфа и силу господъ Дурнэ и потому возстаетъ противъ перваго и пасуетъ передъ вторыми, т. е. какъ всякая грубая матеріальная сила (въ противоположность благородной) идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Но эта толпа все-таки слушается словъ, не дожидаясь „воздѣйствія“. Нѣмцы практичны и дѣловиты: у нихъ нѣтъ нищихъ, не видно тѣхъ ротоѣвъ, которымъ Козьма Прутковъ навѣрно скомандовалъ бы: „зубы жать!“ Германія производитъ впечатлѣніе силы, доволства и разсчетливости. Съ нею мы должны стараться сохранять глубочайшій міръ, дабы имѣть возможность обратить взоры въ сторону восходящаго солнца и не готовиться къ войнѣ на четыре фронта, что возможно, такъ какъ Россіи исторически не везетъ. Итакъ, въ германской націи есть воля, хотя и не рѣзко блестящая, но хорошо сохранившаяся благодаря отсутствію раздражительнаго чувства. Есть націи спеціально волевого типа: англичане и американцы. Кто хочет схватить разницу между волей и энергіей, пусть сравнитъ эти два народа. Физиономіи англичанъ холодны, неподвижны, по словамъ одного физиономиста не даютъ понятія о тѣй массѣ силъ, какую могутъ проявить. „Клѣтка англичанина,—говоритъ Мантегацца,—накопляетъ силы, чтобы въ нужный моментъ произвести неожиданно энергичное дѣйствіе.“ Вотъ люди воли, обладающіе и основнымъ (накопленіе силъ) и обратнымъ капиталомъ (могучее дѣйствіе); недаромъ они не поддались Наполеону и неуязвимы

ни для кого. Однако, у нихъ ясный недостатокъ въ чувствѣ, на что указываетъ чрезмѣрное хладнокровіе, отсутствіе мимики въ лицѣ, безсердечная эгоистическая политика, полное отсутствіе музыкальнаго и живописнаго таланта (Тадема — голландецъ): люди воли всегда въ общемъ болѣе практичны, чѣмъ художественны. Сравните нашу „наличность“ съ активомъ англичанъ. Я помню, когда вводилось у насъ страхование посѣвовъ, одна образованная помѣщица ѣздила по деревнямъ и объясняла мужикамъ пользу страхования. На вопросъ „согласны ли“, они отвѣчали: „что жъ! если начальство прикажетъ, мы не слушаемся“... Было бы полезно, если бы въ нашихъ школахъ вмѣстѣ съ отечествовѣдѣніемъ проходили и англовѣдѣніе.

„Для американцевъ жизнь — пожирающая непрерывная дѣятельность... Они безпокойны, пылки... Зачѣмъ столько суматохи, шума, борьбы?“ вопрошаетъ слабый волею Аміэль (изъ „Дневника“ стр. 93). Здѣсь энергія — воля тратящаяся на дѣло; накопленія мы не видимъ. При столкновеніи этихъ націй я боялся бы за Америку, работающую большимъ, но только оборотнымъ капиталомъ энергіи, безъ основного — воли; какъ при столкновеніи 2-хъ полководцевъ одинаковой воли я боялся бы (какъ это ни странно) за того, у котораго гораздо болѣе развитъ интеллектъ: послѣдній все-таки обуза, бремя для воли, столь необходимой во всякой практикѣ, особенно на войнѣ: здѣсь нуженъ интеллектъ, вполне подчиненный волѣ, чего не можетъ быть съ широко развитымъ интеллектомъ, косвенно ослабляющимъ волю своимъ вліяніемъ на нее. Американцы также не дали ни живописи ни музыки и въ поэзіи несравненно слабѣе англичанъ (одинъ Лонгфелло), потому что уже совершенно запрактиковались, тратятъ на матеріальную жизнь всю волю. Съ моей точки зрѣнія понятно, почему у англичанъ были великіе поэты, а у американцевъ нѣтъ: у 1-хъ сохранилась основная воля, истраченная вторыми на практическую энергію; а вѣдь поэзія, философія (которой также нѣтъ у американцевъ) исходитъ изъ воли, какъ Духъ отъ Отца (см. мою статью „Богъ и душа“ „Дневн. Писат.“ 1909 г. декабрь, стр. 118). Хотя недостатокъ чувства сказывается и у англичанъ даже въ лучшихъ писателяхъ — Диккенсъ и Вальтеръ-Скоттъ, остроты ихъ хладнокровны, чтобы не сказать малокровны... Все искусственно подгоняется къ торжеству добродѣтели и наказанію порока, благодаря чему герои малонатуральны (Лйвенго) и наиболѣе естественными являются лица наименѣе симпатичныя автору (Бріанъ Жильберъ). Дѣйствіе часто фантастично, напр., рыцарь Адельстанъ воскресаетъ изъ мертвыхъ по желанію издателя. Видно, что пишутъ люди черезчуръ спокойные, желающіе даже жизнь подчинить своей нелюбящей волненій волѣ. Имъ непонятно чувство,

создавшее послѣднія страницы Рудина и Дворянскаго Гнѣзда.

Интересно прослѣдить, какъ отражается характеръ націи на ея языкѣ. Сопоставьте языкъ нѣмцевъ, у коихъ много замѣчательныхъ философовъ, съ языкомъ „легкомысленныхъ“ французовъ. „Французскій языкъ не можетъ выразить ничего рождающагося, изображаетъ только результатъ, не показывая образованія изъ ничего... Въ нѣмецкомъ—глубина безконечнаго, во французскомъ—ясность конечнаго“ (Аміель, стр. 71 и 31). Вспомните практичность англичанъ и то же качество ихъ языка, стремленія къ красотѣ грека и необыкновенную красу языка греческаго. Но какъ измѣнился онъ въ эпоху Византіи! Откуда явились слова Керулларій, Лихудъ, Ликапенъ, Пселль, Карбонопсина и пр.?! Стоитъ услышать ихъ, чтобы сказать: это Византія, не Эллада. Видите, что языкъ соотвѣтствуетъ націи, какъ голосъ индивидуальности человѣка. Если слогъ — человѣкъ, то языкъ — нація. Характеръ послѣдней отражается и на политикѣ,—осторожной у нѣмцевъ, безцеремонно-прямолинейной (какъ сама воля) у американцевъ и англичанъ. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи даетъ книга прр. Аввакума мастерски описывающаго прямолинейную политику халдеевъ — волевого народа древности (см. I, 6—11). Особенно типичны слѣдующія слова: „устремивъ лицо свое впередъ, онъ забираетъ плѣнниковъ какъ песокъ“. Такъ изображается ассирианинъ и на барельефахъ. И въ формѣ правленія мы видимъ преобладаніе то воли, то чувства: 1-я даетъ монархическій, а 2-ое республиканскій. А такъ какъ въ матеріальныхъ условіяхъ нашей обыденной жизни побуждаютъ люди волевого типа (такъ, напр., воля Матвѣя Ржевскаго подавляла даже великій интеллектъ Гоголя) и такъ какъ нація изъ людей, то на страницахъ почти всей исторіи мы видимъ почти всегдашній перевѣсъ, побѣду монархій. Въ качествѣ возраженія указываютъ примѣръ древне-греческихъ республикъ и ихъ побѣду надъ персами. Но побѣда здѣсь обусловлена не образомъ правленія, а личнымъ огромнымъ превосходствомъ одной нарождающейся націи надъ устарѣвшей другой. Это, во-1-хъ; а во-2-хъ, древне-греческія республики просуществовали недолго, и въ 3-хъ, въ Пелопоннесскую войну были осилены болѣе монархической Спартой. Въ конституціи — большая примѣсь чувства (бурная борьба партій) и потому она въ общемъ въ иностранной политикѣ слабѣй монархіи. Исключеніе составляютъ англичане потому, во-1-хъ, что нація богата волей, такъ сказать, не нуждающейся въ поддержкѣ со стороны образа правленія. Во-2-хъ, въ Англіи только двѣ партіи (а не легіонъ) и обѣ патріотичны. Въ-3-хъ Англія благодаря своему флоту неуязвима. Поэтому чѣмъ слабовольнѣй и разноплеменнѣй

народъ, тѣмъ больше монархическаго элемента должно быть въ его образѣ правленія. И если бы меня спросили, когда въ Россіи безопасно можетъ быть введена широкая конституція (съ отвѣтственностью министровъ передъ Палатой), я бы отвѣтилъ: лѣтъ черезъ 25 послѣ того, какъ таковая будетъ введена въ сосѣдней съ нами Германіи, иначе мы будемъ слабѣй послѣдней во внѣшней политикѣ. Помня девизъ: „повторяй, но не повторяйся“, я въ настоящей статьѣ не повторяюсь, а только еще одинъ разъ провѣряю мои прежніе выводы, прилагая ихъ къ психологій народовъ, и еще разъ получаю подтвержденіе моей основной мысли, изъ которой, какъ видите, можно сдѣлать самые разнообразные выводы: медицинскіе, воспитательные, психологическіе и даже политическіе. Эта основная мысль гласитъ слѣдующее: интеллектъ и чувство — изъ воли.

P.S. Интересующимся народной психологіей указываю еще на сходство французовъ съ поляками, подмѣченное Бальзакомъ („поляки—французы Сѣвера“, см. романъ „Бѣдные родственники“), и Оск. Тегеромъ, утверждающимъ, что въ извѣстную эпоху въ Польшѣ происходило то же, что въ Галліи время Цезаря. (См. „Всеобщ. Исторія“, изд. Маркса).

В. Недзведскій.





ЖИВАЯ СМЕРТЬ.

ПОВѢСТЬ.

I.

— Я тебя!—угрожающе закричалъ полицейскій, останавливая извозчика,—не видишь, что ли?

Городовой показаль глазами на человѣка, спѣшно переходившаго улицу и искусно нащупывавшаго впереди себя палкой. Онъ былъ одѣтъ въ старую гимназическую куртку и порыжѣвшую широкополую шляпу, изъ-подъ которой виднѣлись темныя очки.

— Вамъ куда?—спросилъ полицейскій, замѣтивъ, что переходившій замедляетъ шаги и прислушивается.

— На ту сторону,—отвѣтилъ тотъ, не останавливаясь.

Городовой съ любопытствомъ поглядѣлъ въ спину уходившаго и подумаль:

— По всему видно, что слѣпой, но ходить храбро...

А тотъ между тѣмъ, нащупавъ палкой тротуаръ, всталъ на него и быстро зашагалъ длинными ногами, обутыми въ охотничьи сапоги. Завернувъ за уголъ огромнаго дома и пройдя шаговъ двѣсти, Бровкинъ, какъ звали слѣпца, остановился.

— Скверно, чортъ возьми,—проговорилъ онъ вслухъ,—

самъ не видишь и спросить не у кого... „Деревянный одноэтажный домъ“!.. А какъ узнаешь, не ощутивши...

Слѣпой улыбнулся, представивъ себѣ, какъ онъ, растопыривъ руки, ощупываетъ деревянный одноэтажный домъ.

— Вамъ кого?—раздался женскій голосъ.

— Домъ Петрова,—встрепенувшись, отозвался Бровкинъ.

— Это будетъ немного подальше. Вонъ, низенькїй, деревянный...

Женщина указала рукой, чего, конечно, слѣпой не могъ видѣть.

— Дѣла,—пробормоталъ онъ, качая головой, и медленно зашагалъ по испорченному тротуару. Низенькїй, деревянный! А гдѣ онъ? Точно я вижу... И всегда-то у зрячихъ со слѣпыми недоразумѣнія... Стой!—остановилъ себя Бровкинъ, наткнувшись грудью на что-то твердое.—Ага!—добавилъ онъ, ощупывая деревянную рѣшетку. — Тебя-то, голубушка, и нужно... А вотъ и фонарный столбъ... Все идетъ какъ по писанному. Слѣдовательно, сейчасъ и ворота...

Онъ прокрался около рѣшетки и, нащупавъ палкой калитку, безъ труда вошелъ въ нее. На дворѣ было тихо.

— Теперь куда?—раздумывалъ слѣпой, ощупывая бревенчатую стѣну, у которой онъ стоялъ.

— Вамъ что?—раздался надъ его ухомъ голосъ изъ окна.

Бровкинъ испуганно отскочилъ въ сторону. Въ то же время за окномъ послышался мужской смѣхъ.

— Мнѣ нужно квартиру № 3,—раздражительно сказалъ слѣпой и, спохватившись, добавилъ:—это домъ Петрова?

— Да,—подтвердилъ мужчина, съ любопытствомъ разглядывая страннаго субъекта.

— Я не вижу, укажите мнѣ № 3,—почти шопотомъ проговорилъ слѣпонецъ, чувствуя безотчетную злобу.

Мужчина удивленно посмотрѣлъ на говорившаго и, высунувъ голову въ окно, указалъ глазами:

— Вонъ, первое крыльцо, во флигелѣ...

— Гдѣ это „вонъ“—направо или налево?—промолвилъ слѣпой, потерявъ самообладаніе.—Вѣдь я сказалъ, что не вижу, а вы указываете мнѣ какъ зрячему...

Онъ сорвался съ мѣста и быстро зашагалъ прямо безъ опредѣленной цѣли. Пройдя шаговъ тридцать и зацѣпивъ

ногой за желѣзное ведро, которое съ громомъ покатилося по землѣ, слѣпой остановился.

— Вамъ куда?—спросила подошедшая къ нему женщина, поднимая лежавшее на боку ведро.

— Квартира № 3,—коротко отвѣтилъ Бровкинъ, все еще находясь въ раздражительномъ состояніи.

— Это сюда, — сказала женщина, указывая рукой въ открытую дверь, но, замѣтивъ, что слѣпой не двигается съ мѣста, любезно добавила:

— Я васъ провожу...

— Наконецъ-то указываютъ по-настоящему, — невольно улыбаясь, проговорилъ слѣпой, слѣдуя за провожатой, которая вела его за руку.

— Осторожнѣе, ступенька вверхъ, — предупредила женщина, съ трудомъ протискивая слѣпца въ узкія сѣни. — Я позвонила, — добавила она и удалилась.

Бровкинъ поблагодарилъ и прислушался. За дверью, у которой онъ стоялъ, послышались шаги, и затѣмъ раздался крикъ:

— Кто?

— „Руки вверхъ!“ — пошутилъ Бровкинъ и назвалъ свою фамилію.

— А, Павелъ Ильичъ! — воскликнула молодая женщина, пропуская гостя въ широко открытую дверь, — наконецъ-то!

Бровкинъ осторожно перешагнулъ высокій порогъ и не смѣло вошелъ въ переднюю.

— Раздѣвайтесь, — предложила хозяйка, запирая дверь и, спохватившись, добавила:

— Ахъ, да вы въ курткѣ!

Она прошла вглубь комнаты и оттуда любезно пригласила:

— Проходите сюда...

— Сейчасъ, — отвѣтилъ гость, не зная, куда дѣвать шляпу съ палкой, и пошарилъ рукой.

Онъ нацупалъ уголь, гдѣ стоялъ зонть, и поставилъ туда свою трость.

— Идите прямо! — сказала хозяйка, видя, что гость находится въ нерѣшительности.

Бровкинъ неуувѣренно подвигался впередъ, комкая въ рукахъ шляпу.

— Сюда, сюда! — командовала хозяйка съ едва замѣтной улыбкой на полномъ розовомъ лицѣ.

— Боюсь, разобьешь стѣну лбомъ, — пошутилъ слѣпой, хотя ему было вовсе не до шутки.

Входя въ комнату, онъ плотно прижалъ къ себѣ локти рукъ и какъ-то особенно весь съежился, комично сморщивъ вздрагивающее лицо. Точно онъ съ большими усиліями пролѣзаль въ узкое отверстіе, а не въ просторную комнату.

— Садитесь, пожалуйста! — пригласила хозяйка, но не указала стулъ понятнымъ для слѣпца образомъ.

„Куда садиться?“ — невольно промелькнуло въ мысляхъ гостя.

— Позвольте шляпу, она вамъ мѣшаетъ...

— Ничего, не беспокойтесь, — смущенно проговорилъ Бровкинъ, пряча за спину ветхую изношенную до дыръ шляпу, и тотчасъ же порывисто добавилъ:

— Впрочемъ, извольте!

Когда хозяйка отвернулась, чтобы положить шляпу, слѣпой искусно нащупалъ ногой стулъ и не спѣша опустился на него.

„Вотъ и пристроился!“ — не безъ удовольствія подумалъ Бровкинъ, незамѣтно осязая рѣшетку стула.

— Я сейчасъ, — сказала хозяйка и вышла изъ комнаты.

Оставшись одинъ, слѣпонецъ почувствовалъ себя свободнѣе. Онъ неслышно всталъ со стула и, растопыривъ передъ собой руки, спеціальнымъ способомъ ознакомился съ величиной комнаты. Возвращаясь на прежнее мѣсто, слѣпой мимоходомъ скользнулъ „щупальцами“ по кровати, комоду и другимъ предметамъ. Осмотрѣвъ такимъ образомъ помещеніе, Бровкинъ чувствовалъ себя сравнительно довольнымъ и сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— А какъ вашъ товарищъ? — спросила вошедшая хозяйка, ставя на столъ чайную посуду.

— Спать и философствуетъ, — отвѣтилъ Бровкинъ, поправляя темныя очки.

— Онъ дѣйствительно немного странный, но мнѣ нравится въ немъ равнодушіе къ окружающему.

— Почему нравится?

— Весьма естественно почему, — отвѣтила хозяйка немного

повышеннымъ тономъ, — быть равнодушнымъ, это значить стать выше.

— Виновать!—перебилъ ее гость.—Въ данномъ случаѣ и вообще я смотрю иначе... Нельзя быть спокойнымъ, когда въ душѣ однѣ тревоги. Равнодушіе товарища я называю отуплѣніемъ. Но суть не въ томъ,—продолжалъ слѣпой, немного озлившись, — меня всегда возмущаетъ одно обстоятельство, а именно: сытому и здоровому весьма нравится, когда больной и голодный не издастъ ни единого звука жалобы... Хоть подохни отъ голода, но не проси хлѣба! Вотъ что нравится!

— Позвольте, позвольте!—замахавъ руками, перебила хозяйка.—Вы не туда поѣхали! Я только хотѣла сказать, что вашъ товарищъ выглядитъ спокойнѣе, чѣмъ вы.

— Это дѣло субъективное, — промолвивъ гость, — одинъ умираетъ тихо, а другой шумно, но сущность одна и та же...

Подали самоваръ. Хозяйка заварила чай и, обратившись къ гостю, съ улыбкой проговорила:

— А все-таки вы злой!

— Скоро буду добрый, Ларисса Петровна, т.-е. притуплюсь окончательно...

Раздался звонокъ, и спустя минуту въ комнату вошла легкой походкой молодая женщина.

— Я къ вамъ на минутку,—проговорила она, здороваясь съ хозяйкой.

— Лидія Васильевна, моя товарка по курсамъ,—отрекомендовала хозяйка.

Гостья молча протянула Бровкину руку. Тотъ всталъ съ мѣста, но, не видя протянутой руки, стоялъ въ ожидательной позѣ. Прошло нѣсколько неловкихъ мгновений. Слепой заволновался и протянулъ руку, угодивъ ею въ грудь незнакомки.

— Виновать!—растерянно пробормоталъ Бровкинъ.—Я не вижу...

— Ничего,—снисходительно отвѣтила та, поймавъ руку слѣпого.

Бровкинъ порывисто опустилсѣ на прежнее мѣсто.

— Совсѣмъ ничего не видите?—спросила гостья.

— Никогда ничего не видѣлъ!—сердито отвѣтилъ Бровкинъ, сдерживая волненіе.

Лидія Васильевна мгновенно оживилась и впиалась гла-

зами въ темно-сѣрое лицо слѣпца, какъ бы желая сказать: „ахъ, это очень интересно!“

— Съ нимъ осторожниѣ,—пошутила хозяйка, разливая чай.

— Кусается?

Гостья улыбнулась, съ любопытствомъ оглядывая странный костюмъ Бровкина.

Тотъ угрюмо молчалъ, чувствуя сильное желаніе ругаться, „ощущая“ на своемъ лицѣ пристальный взглядъ незнакомки.

— Пейте, господа, чай и закусывайте! — предложила хозяйка, присаживаясь къ столу.

„Начинается! — подумалъ слѣпой, нервно хрустнувъ пальцами,—чай и закуска на столѣ, но я не вижу, и мнѣ не говорить, гдѣ они“.

— Пожалуйста, кушайте!—обратилась къ нему хозяйка.— Варенье прикажете или въ накладку будете?

— Я съ сахаромъ,—поспѣшно отвѣтилъ гость, думая совершенно о другомъ.

— Сухари берите...

— Спасибо, спасибо! Я возьму...—торопливо проговорилъ Бровкинъ и тотчасъ же насмѣшливо подумалъ: „Возьму! А гдѣ сухари и все прочее?“

— Ахъ, какая масса нищихъ!—воскликнула гостья, обращаясь къ хозяйкѣ, — понимаете, проходу не даютъ... Даже страшно...

— А имъ весело?—улыбаясь, спросилъ слѣпой и подумалъ: „Это мой костюмъ напомнилъ ей про нищихъ“.

— Вы напрасно такъ говорите,—обидчиво замѣтила Лидія Васильевна.—Я бѣдныхъ люблю...

— Но нищихъ презираете, — не унимался Бровкинъ, незамѣтно ощупывая на столѣ.

— Ваша манера придирааться въ данномъ случаѣ весьма неосновательна,—вмѣшалась хозяйка, обращаясь къ гостю.— Прежде всего не всякій нищій заслуживаетъ сочувствія, а затѣмъ отъ нихъ дѣйствительно нѣтъ прохода, потому что они возмутительно нахальны.

— Именно нахальны!..—подхватила Лидія Васильевна и рассказала случай, подтверждающій нахальство нищихъ.

А слѣпой тѣмъ временемъ нащупалъ стаканъ съ чаемъ и съ удовольствіемъ придвинулъ его къ себѣ.

„Теперь и мы попьемъ по настоящему, хотя и безъ

сахара“,—пошутить надъ собой Бровкинъ, отхлебывая изъ стакана чай.

— И Толстой правъ,—заклЮчила гостя,—истинныхъ нищихъ дѣйствительно нѣтъ.

— А я возражаю, что есть! — твердо заявилъ слѣпой. — Отрицать все можно, особенно, когда сытъ...

— Нельзя же защищать тунеядство,—возразила гостя.— Я прежде всего стою за трудъ и подтверждаю это на дѣлѣ. Я дочь генерала и матеріально обезпечена, но мнѣ мало этого. Я поступила на курсы для пріобрѣтенія высшихъ знаній, чтобы вѣрнѣе и больше приносить пользы обществу.

Тонъ и заносчивость генеральской дочки возмутили слѣпца. Онъ выпрямился на стулѣ и раздѣльно произнесъ:

— Я тоже сынъ генерала, а братъ мой статскій совѣтникъ, онъ же и докторъ медицины!

Курсистки переглянулись и тотчасъ же устремили свои удивленные глаза на лицо слѣпца, какъ бы стараясь прочесть въ немъ правду сказаннаго имъ.

А тотъ съ наслажденіемъ прислушивался къ водворившейся тишинѣ и торжествующе думалъ: „Какъ дубиной ахнулъ по головѣ!“.

Спустя нѣкоторое время онъ спросилъ, улыбаясь:

— Поражены?

— Ни капельки,—спохватившись, отвѣтила Лидія Васильевна и, пожавъ плечами, неопредѣленно добавила:

— Мало ли что можетъ быть!

— Это интересно,—сказала хозяйка, подозрительно глядя на слѣпца.

— Вѣрнѣй, грустно,—возразилъ Бровкинъ, не выпуская изъ рукъ стакана съ чаемъ и насмѣшливо продолжалъ:

— Въ моихъ жилахъ тоже течетъ генеральская кровь, но я рожденъ внѣ брака, а такіе, изволите видѣть, не въ правѣ претендовать на законность происхожденія...

— И вашъ отецъ живъ?— въ одинъ голосъ спросили обѣ женщины.

Бровкинъ немного подумалъ и уклончиво отвѣтилъ:

— Это неважно... Я, собственно говоря, хочу сказать, что наша жизнь страшно запутана и требуетъ большой осторожности въ сужденіяхъ о ней. Кромѣ того, мы очень часто не можемъ отличить „голоднаго отъ пьянаго“... Кто знаетъ

мою жизнь?—продолжалъ онъ волнуясь,—и наконецъ кому извѣстна моя душа? А между тѣмъ меня прямо и косвенно обзываютъ тунеядцемъ.

— Только не я!—поспѣшно проговорила гостя.

— Вы и не вы,—продолжалъ слѣпой тѣмъ же тономъ,— Куда бы я ни пришелъ, всюду заводится рѣчь о трудѣ и тунеядствѣ. Вѣроятно, моя фizioномія и мой костюмъ краснорѣчиво говорятъ о безопасности лежебока и внушаютъ моимъ собесѣдникамъ мысли о трудѣ...

Онъ отхлебнулъ холоднаго чая и горячо заговорилъ:

— Я восемь лѣтъ гнилъ въ богадѣльнѣ и бѣжалъ оттуда, какъ только можетъ бѣжать живой человѣкъ изъ дома мертвыхъ. Я хотѣлъ трудиться и мечталъ о человѣческой жизни. Первые два года я кое-какъ добывалъ себѣ на хлѣбъ, но послѣдніе три года...

— Позвольте!—возразила гостя, оживляясь.—Почему бы вамъ не поступить въ хоръ слѣпыхъ? Они зарабатываютъ отлично. А вы, какъ я слышала отъ Лариссы Петровны, обладаете хорошимъ голосомъ.

Слѣпой усмѣхнулся и раздѣльно проговорилъ:

— Въ этомъ хорѣ участвуютъ 50—60 человѣкъ, а слѣпыхъ въ Россіи слишкомъ 200,000. Кромѣ того хоръ состоитъ исключительно изъ бывшихъ воспитанниковъ училища, и постороннему въ него не попасть, потому что своихъ дѣвать некуда. Я знаю многихъ изъ нихъ. Они очень способные, но бѣдствуютъ страшно, а нѣкоторые просто нищенствуютъ.

— Почему ихъ не поддерживаютъ? — возмущаясь воскликнули курсистки.—Имъ нужно давать ходъ и способствовать сбыту ихъ работъ.

— Этого пока нѣтъ, — сказалъ слѣпой, — а есть совсѣмъ иное. Когда я работалъ щетки и сумочки, мнѣ приходилось слышать такіе протесты моихъ покупателей: — „Что ты, что ты! за такую цѣну можно купить и у зрячихъ!“ — А ты, моля, все-таки слѣпой.

— Это абсурдъ!—воскликнула Лидія Васильевна.

— Конечно,—согласился Бровкинъ,—но отъ этого намъ не легче. Зрячіе, извините, вообще не стараются поглубже взглянуть на слѣпое, а потому они и не понимаютъ его замысловатой психологіи. Для нихъ слѣпой бездѣльникъ, нищій и не больше, хотя бы онъ жилъ собственнымъ тру-

домъ. Поясню примѣромъ: идетъ слѣпой по улицѣ и ничего не подозрѣваетъ... Вдругъ къ нему подскакиваетъ перебѣжавшій дорогу человѣкъ и просто говоритъ:—„прими Христа-ради!“—При этомъ онъ суетъ слѣпцу въ руку монету. Благодаритель не замѣтилъ приличнаго костюма, онъ только видѣлъ слѣпого, т. е. нищаго. А когда мнѣ приходится получать за работу деньги, я всегда слышу затаенную обидную мысль въ голосѣ: „на, молъ, Богъ съ тобой!“. И непременно заплатятъ вдвое, втрое меньше, какъ бы подтверждая правило, что Христа-ради много не подаютъ.

Бровкинъ остановился и поднесъ къ губамъ стаканъ, намѣреваясь отхлебнуть изъ него чай. Въ то же время раздался голосъ хозяйки:

— Позвольте, я налью... вашъ стаканъ пустой...

Слѣпого передернуло... Но онъ быстро совладаль съ собой и, проклиная себя за промахъ, тихо произнесъ:

— Пожалуйста...

Хозяйка молча наполнила стаканъ чаемъ и такъ же безмолвно поставила его передъ гостемъ. Лидія Васильевна тоже молчала. Очевидно, слова слѣпого произвели тяжелое впечатлѣнiе.

Бровкинъ нащупалъ поданный ему стаканъ и снова продолжалъ:

— Зрячiе вольно и невольно отнимаютъ у слѣпого его жожака-палку, безъ которой ему одна дорога—въ яму. Палкой я называю существованiе собственнымъ трудомъ. Только это одно и можетъ примирить и приблизить его къ зрячимъ. Жить не въ тягость другимъ вообще прiятное чувство, но для слѣпого это неизмѣримое счастье. Быть богадѣльникомъ—это значитъ глодать себя сознаниемъ, что ты не только не видишь свѣта и не знаешь человѣческихъ радостей, а даже не въ силахъ гарантировать себя отъ клички дармоѣда и живешь какъ бы для того, чтобы тебя кормили другiе и за то бичевали немилосердно. Такую пытку, какъ вамъ извѣстно, я выдержалъ восемь лѣтъ и бѣжалъ... Но—увъ!—и на волѣ я встрѣтилъ то же отношенiе зрячихъ, пресѣкающее слѣпому путь къ собственному труду. Я получалъ двугривенный за службу, тогда какъ зрячему-пѣвчому, хотя и козлетону, платятъ не меньше рубля. При такомъ положенiи вещей остается одно изъ двухъ: либо заживо гнить

въ богадѣльнѣ, либо просить милостыню. Я даже готовъ вертѣть колесо, но и такой лошадиной работы слѣпому не даютъ... Вотъ почему я выгляжу „чахлымъ старикомъ“, какъ меня называютъ, хотя мнѣ только тридцать лѣтъ.

— Это ужасно!—воскликнула Лидія Васильевна, судорожно сжимая свои красивые пальцы. — Вы обратились бы въ попечительство...

— Ахъ, барышня!—со вздохомъ сказалъ Бровкинъ.—Не то нужно человѣку! Ему необходимо давать возможность зарабатывать. Только это, какъ я уже сказалъ, избавить его отъ душевной смерти...

— Павелъ Ильичъ!—перебила хозяйка взволнованнымъ голосомъ.—Я тоже совѣтую вамъ обратиться за помощью. Въ трудную минуту это непредосудительно...

— Простите, господа!—взволнованно перебилъ слѣпой.— Я питаю отвращеніе ко всѣмъ этимъ благотворителямъ. Ихъ копеечная помощь ясно говоритъ о желаніи продлить существованіе нищенства, безъ котораго имъ, какъ видно, скучно. Вся наша филантропія представляется мнѣ той старухой, которая одѣляетъ нищихъ кусочками просфоры, прося ихъ помянуть двухъ-трехъ покойничковъ. Мнѣ тоже подали два кусочка просфоры въ видѣ куртки и сапогъ. Теперь я, такъ сказать, трехэтажный субъектъ; по сапогамъ—охотникъ, по курткѣ—гимназистъ, а по шляпѣ и очкамъ—баринъ.

Женщины улыбнулись, хотя лица ихъ были грустно-задумчивы.

— Довольно нытья! — порывисто закончилъ Бровкинъ, вылѣзая изъ-за стола.

Его темно-сѣрое лицо съ посѣдѣвшей небольшой бородкой слегка вздрагивало и выглядѣло измученнымъ.

— Спасибо!—сказалъ слѣпой, протягивая руку и въ то же время припоминая, съ какой стороны онъ вошелъ въ комнату.

„Кажется, вправо“,—размышлялъ онъ, напрягая память и прислушиваясь.

А женщины между тѣмъ стояли поодаль и не замѣчали затруднительнаго положенія гостя. Его не задерживали, но онъ медлилъ уходить, чувствуя беспомощность. Наконецъ Бровкинъ озлился и шагнулъ впередъ по направленію къ кровати.

— Сюда пожалуйста,—удержала его за руку хозяйка.

Слѣпой молча повиновался, сдерживая волненіе. Когда ему подали шляпу, онъ не нащупалъ на ней знакомаго проношеннаго до дыры мѣста. Это обстоятельство смутило его. Надѣвая на голову шляпу, онъ какъ бы между прочимъ поправлялъ ее, но въ дѣйствительности его тонкіе пальцы производили слѣдствіе. Нащупавъ на шляпѣ свѣжій шовъ и даже нитку съ узелкомъ, слѣпой поморщился. Ему было неприятно, что его старую изношенную шляпу вертѣли въ рукахъ и, очевидно, рассматривали, сколько хотѣли.

„Тайкомъ зашили,—горько усмѣхнувшись, размышлялъ Бровкинъ,—прямо-то стыдно. Не сразу, молъ, замѣтитъ“...

— Ваша какая—черная или коричневая?—обратилась къ нему хозяйка, гремя двумя палками.

— А развѣ я знаю!—раздражительно отвѣтилъ гость.—Я не вижу. Дайте въ руки...

Онъ ощупалъ обѣ палки и, выбравъ свою, сказалъ:

— Вотъ моя!

— Ваша черная,—замѣтила хозяйка, ставя въ уголь коричневую палку.

Бровкинъ улыбнулся и грустно сказалъ:

— Что такое для слѣпого черная или бѣлая? А между тѣмъ ему необходимо знать наизусть всѣ цвѣта и многое другое, доступное лишь для зрѣнія, иначе у него со зрячими будутъ происходить вѣчныя недоразумѣнія, какъ на примѣръ настоящій случай съ палкой. Однако до свиданія!—оборвалъ онъ свою рѣчь и, остановившись на порогѣ, неожиданно выпалилъ:

— А все - таки я знаю, что шляпа моя зашита!

— Станный,—какъ бы про себя недоумѣваяще проговорила хозяйка, запирая за гостемъ дверь.

— Именно странный!—подхватила Лидія Васильевна, доставая изъ-за кушака надушенный платокъ. — И рѣчь, и улыбка, и движенія, и даже мысли, словомъ—все въ немъ какъ-то особенно, своеобразно и дѣйствуетъ на душу угнетающе. Съ такимъ, откровенно говоря, тяжело...

II.

Рядомъ съ грязной кухней, въ тѣсной каморкѣ безъ окна, на двухъ сдвинутыхъ вмѣстѣ ящикахъ, прикрытыхъ тряпьемъ, лежали два человѣка. Въ неплотно затворенную дверь можно было разглядѣть длинныя ноги, обутыя въ охотничьи сапоги, принадлежавшія Бровкину. Рядомъ съ нимъ помѣщался его товарищъ, Андрей Райкинъ, небольшого роста, съ босыми ногами. Эти два слѣпца, по выраженію Бровкина, пять лѣтъ „неразлучно топчутся на одномъ мѣстѣ, все глубже и глубже уходя въ землю“. Такую философію Райкинъ называлъ слишкомъ спеціальной и не соглашался съ товарищемъ. Вообще они часто спорили, хотя и жили очень дружно. Вотъ и теперь, лежа на импровизированной кровати бокъ-о-бокъ, слѣпцы по обыкновенію не ладили:

— Нытье, братъ, занятіе бабье,—спокойно говорилъ Райкинъ, поднимая кверху босыя ноги.

— И клоуна разыгрывать не всегда удобно,—возразилъ Бровкинъ и съ отгѣнкомъ злости добавилъ: — хотя бы это.. ну, что ты, какъ маленькій, корячишь ноги?

— Чудакъ! Мои ноги босы, потому и обладаютъ легкостью, твои же въ сапогахъ съ полпуда вѣсомъ. Ты сбрось ихъ, и тогда, увѣряю тебя, ноги сами запляшутъ.

— Глупая острота!—И Бровкинъ повернулся къ товарищу спиной.

— Ахъ, да,—какъ бы спохватившись, сказалъ Райкинъ, прикидываясь серьезнымъ,—я совершенно позабылъ сообщить тебѣ интересную вещь!

— Ну?—отозвался Бровкинъ, не измѣняя лежачаго положенія.

— Въ виду твоей хилости, — невозмутимо продолжалъ Райкинъ,—тебѣ необходимо пригнать нѣсколько капель жизненнаго эликсира. А у меня какъ разъ есть четыре пятака.

— Скоморохъ!—сквозь зубы процѣдилъ Бровкинъ, сдерживая улыбку.

Райкинъ всталъ, отыскалъ валявшіеся въ углу комнаты худыя штиблеты. Надѣвая ихъ, онъ произнесъ тономъ лектора:

— Дырявая обувь гигиенична—всюду продуваетъ...

-- Какъ твоя голова,—добавилъ Бровкинъ.

— Вѣрно,—согласился Райкинъ,—иначе въ ней заплѣсневѣлъ бы мозгъ, какъ, напримѣръ, въ твоей.

И, доставъ изъ-подъ кровати порожнюю посуду, весело добавилъ:

— Ты не успѣешь даже поумнѣть, какъ я снова предстану предъ твои слѣпяя очи.

Черезъ нѣсколько минутъ Райкинъ вернулся и сѣлъ на кровать, на которой все еще лежалъ Бровкинъ.

— Замедлилъ немного, но на это есть причина,—какъ бы извиняясь, заговорилъ Райкинъ.—Слушай, я расскажу тебѣ прелюбопытную исторію. Завернувъ за уголъ нашего дома, я слышалъ впереди себя легкіе шаги: чикъ-чикъ-чикъ... Барышня, думаю, или приставъ-щеголь. „Позвольте,—говорю, пройти!“ И, признаюсь, я сказалъ это въ высшей степени деликатно. Но отвѣта не послѣдовало. Что, думаю, за невѣжество! Вдругъ рядомъ со мной заблеяла овца. Я даже остановился отъ испуга. „Это коза!“ — раздался чей-то голосъ, направленный въ мою сторону. Повѣришь, я даже плюнулъ отъ досады. Вотъ, думаю, положеніе: козу отъ человѣка не отличишь! И побѣжалъ дальше, наверстывая потерянное время. Какъ вдругъ новая оказія: я кого-то сильно толкнулъ... „Виноватъ, говорю!“ „Ничего!“ — сказалъ женскій голосъ и добавилъ:—„возьмите, пожалуйста!“ И въ моей рукѣ очутился двугривенный. Эге, думаю, недурно! Этакъ можно и еще кого толкнуть... И дѣйствительно, толкнулъ. Но получилъ за это совершенно иное — дурака и невѣжу! Ладно, думаю, удачи съ неудачами чередуются, какъ и все въ жизни... А теперь вставай и выпей, — закончилъ Райкинъ.—Вотъ она...

Онъ постучалъ по склянкѣ пальцемъ и добавилъ:

— Ты что молчишь? Или неинтересно?

Бровкинъ угрюмо проговорилъ:

— Я думаю о двугривенномъ.

— Напрасно! — весело воскликнулъ Райкинъ и на распѣвъ добавилъ;

— Его уже нѣтъ, его не стало; онъ превратился въ колбасу и въ пять зеленыхъ огурцовъ!

— Скоморохъ!—опять буркнулъ Бровкинъ и такъ энергично повернулся на постели, что ящики, замѣнявшіе кровать, издали сильный трескъ.

— Слушай!—съ напускной важностью проговорилъ Рай-

кинъ.—Во первыхъ, ты повторяешься въ выраженіяхъ, что надоѣло; а во-вторыхъ, ты ворочаешься какъ лошадь, благодаря чему кровать можетъ рухнуть, и намъ придется спать на полу. То и другое, сударь, не дѣлаетъ тебѣ чести.

Райкинъ положилъ покупку на опрокинутый на полу ящикъ, служившій имъ столомъ, и принялся откупоривать водку. Онъ такъ ловко ударилъ рукой по дну бутылки, что пробка моментально вылетѣла изъ горлышка. Слѣпой безъ труда отыскалъ пробку на полу и снова заткнулъ ею водку.

— Готово-съ!—улыбаясь, сказалъ Райкинъ.—Пожалуйте, Павелъ Ильичъ!

Бровкинъ всталъ не сразу. Онъ завидовалъ веселости товарища и злился на себя за свою угрюмость. Въ эту минуту ему хотѣлось ругаться, говорить дерзости.

— Андрей, — обратился онъ къ товарищу, вставая съ кровати,—ты или дуракъ, или великій человѣкъ...

— Я просто слѣпой, какъ и ты, — спокойно отвѣтилъ тотъ, очевидно, привыкнувъ къ выходкамъ товарища.

— Не то! — поморщившись, возразилъ Бровкинъ.

— Такъ вотъ это! — сказалъ Райкинъ, приставляя къ рукъ товарища наполненную водкой чайную чашку.

— Дай закусить,—попросилъ Бровкинъ, возвращая опорожненную посуду.

— Держи, закуска чудо: зеленый огурчикъ, аромать и свѣжесть! Словомъ, жизнь! Люблю все свѣжее и живое.

— А живешь тухлою жизнью,—вставилъ Бровкинъ, принимая изъ рукъ товарища закуску.

— Невѣрно,—возразилъ Райкинъ. Онъ вытеръ усы послѣ выпитой имъ водки и добавилъ, улыбаясь:

— Садись, на чемъ стоишь, и будемъ закусывать.

Бровкинъ немного помолчалъ и со вздохомъ проговорилъ:

— Скамейки даже нѣтъ, сѣсть не на что...

— Пустяки!—замѣтилъ Райкинъ,—на полу нашему брату безопаснѣе, ибо не упадешь.

Бровкинъ издалъ какое-то рычаніе и тяжело усѣлся на полу, поджавъ подъ себя длинныя ноги. Райкинъ послѣдовалъ примѣру товарища и весело проговорилъ:

— А мы живемъ недурно: водка, колбаса, свѣжіе огурцы, и при этомъ возлежимъ, какъ турецкіе паши. Не правда ли?

Но Бровкинъ молчалъ, какъ бы не слушая товарища. Райкинъ это замѣтилъ и прекратилъ разговоръ. Въ темной безъ окна каморкѣ водворилась тишина. Товарищи молча истребляли закуску, энергично работая челюстями. Когда трапеза была окончена, Бровкинъ заговорилъ первый.

— Я опять насчетъ двугривеннаго,—сказалъ онъ, продолжая сидѣть на полу.

— Лишній трудъ,—серьезно возразилъ Райкинъ. — При чемъ двугривенный, поданный мнѣ сегодня, когда мы собираемъ копейками? Говорить объ этомъ, значитъ опять ныть, чего, какъ тебѣ извѣстно, я не терплю.

— Въ такомъ случаѣ пой и пляши! — насмѣшливо сказалъ Бровкинъ, вытягивая на полу ноги.

— Что жъ и это можно!—проговорилъ Райкинъ и неожиданно для товарища пустился въ плясъ. Онъ звучно шлепалъ по полу босыми ногами, подпѣвая въ тактъ:

Надо ѣсть, чтобы жить;
Но не ѣвши--не ныть...
Тѣlesa не жалѣй,
Только духомъ не тлѣй...

— Здорово?—немного запыхавшись, спросилъ Райкинъ, и снова усѣлся на полу.—А каковы стихи? Самъ выдумалъ!

Бровкинъ упорно молчалъ, сдерживая волненіе. Выходка товарища раздражила его. А тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, весело продолжалъ:

— Безмолвствуешь, друже, значитъ золь, т. е. немощень зѣло. И это потому, что въ твоихъ жилахъ течетъ дворянская кровь. Я—не то! Мои родители чистокровные мужики, а они, какъ извѣстно, терпѣть умѣютъ. Когда меня выгнали изъ гимназіи, я сказалъ себѣ: буду пахать! И я сдержалъ бы слово, если бы не ослѣпъ. Ты знаешь, какъ я люблю деревню,—постепенно увлекаясь, продолжалъ Райкинъ:—тамъ все просто и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательно. Мнѣ стоитъ только подумать, и картина сельской жизни сейчасъ же предстаетъ предо мной. Всего рѣзче выдѣляются на фонѣ моего воображенія простолицы крестьяне, которые, какъ муравьи, вѣчно суетятся, вѣчно заняты работой... А кругомъ блестятъ солнце, синѣетъ безконечное небо, зеленѣютъ луга и лѣса. Все это дышетъ красотой жизни и поэтическимъ

просторомъ. Глядя на такую картину, невольно загораясь духомъ и чувствуешь непреодолимое желаніе жить.

— Довольно!—остановилъ его Бровкинъ.

Онъ выпрямился во весь свой богатырскій ростъ, касаясь головой потолка, и, обращаясь къ сидѣвшему на полу товарищу, раздѣльно продолжалъ:

— Слушай: только что нарисованная тобой картина сельской жизни, дышущая, по твоему воображенію, поэтическимъ просторомъ, ясно говоритъ, что хотя ты и потерялъ зрѣніе, но это не мѣшаетъ тебѣ видѣть по крайней мѣрѣ все видѣнное тобою прежде. Ты, такъ сказать,—зрячій слѣпой. Твою слѣпоту я сравнительно понимаю, представивъ себѣ, напри- мѣръ, собственную глухоту, но мнѣ никогда не понять состоянія глухонѣмого, если бы даже я мгновенно лишился языка и слуха. Такъ и зрячій не въ силахъ понять природной слѣпоты, хотя бы ему самому вырвали оба глаза. Вотъ и мы съ тобой оба не видимъ и живемъ какъ бы одной жизнью. Но это только на первый взглядъ, въ дѣйствительности же далеко не такъ. Ты былъ зрячимъ и остался имъ до нѣкоторой степени и до сихъ поръ, то-есть ты разсуждаешь, понимаешь, ходишь, словомъ, что бы ты ни дѣлалъ, все обличаетъ въ тебѣ бывшаго зрячаго, а не слѣпого какъ я.

— Погоди, Павелъ, — возразилъ Райкинъ, — ты пригвоздилъ меня къ мѣсту, такъ что я не въ состояніи подняться съ полу.

— Подниматься—твой девизъ, — пошутилъ Бровкинъ, — постарайся остаться ему вѣрнымъ.

— Ей-Богу, ты меня удивилъ, — серьезно продолжалъ Райкинъ, сидя на полу.—Я никогда не думалъ о томъ, что ты сейчасъ сказалъ. Поговоримъ, пожалуйста, на эту тему.

— Въ такомъ случаѣ я буду продолжать, — согласился Бровкинъ, присаживаясь на кровать,—тѣмъ болѣе, что мнѣ давно хотѣлось объяснить тебѣ разницу между природной слѣпотой и такой, какъ твоя.

Райкинъ какъ можно удобнѣе устроился на полу и приготовился слушать.

— Начнемъ съ главнаго,—заговорилъ Бровкинъ немного повышеннымъ тономъ.—Что такое свѣтъ и тьма для слѣпого отъ рожденія? Пустыя слова, ничто... Они для него не существуютъ, какъ и само зрѣніе, посредствомъ котораго

только и-можно опредѣлить свѣтъ и тьму. День и ночь ему тоже непонятны, хотя онъ и различаетъ ихъ по нѣкоторымъ признакамъ. Днемъ воздухъ прозрачнѣе и ощущается теплота солнца; ночью больше влаги, и наблюдается особенная тишина, присущая только одной ночи. Но эти признаки не говорятъ слѣпому о сущности дня и ночи, т. е. они не приближаютъ его къ понятію о солнцѣ, свѣтѣ, лунѣ, звѣздамъ, тьмѣ и т. п. Все это остается для слѣплого неразрѣшимой загадкой. Онъ не въ силахъ проникнуть въ непостижимую для него область, но не можетъ оставаться равнодушнымъ ко всему, что ея касается. Ты сію минуту восхищался картиной жизни зрячихъ, нарисованной такъ сказать фокусомъ твоей зрительной памяти. Въ данномъ случаѣ ты похожъ на граммофонъ со множествомъ напѣтыхъ валиковъ. Заведешь его по усмотрѣнію и переживаешь снова пріятное былое... Да, Андрей, ты часто наслаждаешься ощущеніями зрячихъ, даже больше, ты живешь ихъ жизнью. Это я часто наблюдаю. Говоришь ли ты о прошломъ, настоящемъ или будущемъ, все это тѣсно связано съ зрячей жизнью, которая, какъ нѣчто волшебное, даетъ всему какой-то особенный, пріятный видъ и совершенно иное значеніе. Я читалъ разсужденія, даже слышалъ проповѣди, гдѣ говорится, что видѣвшій и потерявшій зрѣніе заслуживаетъ большаго сожалѣнія, чѣмъ природный слѣпецъ. Боже, какая неправда! Это могутъ утверждать только однѣ невѣжды...

— Я съ тобой согласенъ,—заявилъ Райкинъ, поднимаясь съ пола.—Но прежде, т. е. до сего момента, и я раздѣлялъ мнѣніе, которое ты сейчасъ осуждаешь. Какъ видно изъ твоихъ словъ, это происходитъ оттого, что психологія слѣпыхъ дѣйствительно находится внѣ компетенціи зрячихъ.

— Они всё говорятъ,—продолжалъ Бровкинъ:—„о чемъ не имѣешь понятія, о томъ жалѣть не приходится, а вотъ имѣть и потерять — совсѣмъ другое дѣло!“ Именно другое дѣло!—усмѣхнулся Бровкинъ.—Имѣть зрѣніе—это значить пользоваться имъ и нерѣдко до преклоннаго возраста. Ты иногда полушута говоришь: „мы поглядѣли на свой папъ, узнавай теперь тѣ, которые никогда не видѣли“. Такое преимущество зрячаго слѣпому вѣрно опредѣляетъ разницу слѣпоты и подтверждаетъ какъ разъ обратное тому, что слѣпой отъ рожденія якобы менѣе заслуживаетъ сочувствія,

чѣмъ потерявшій зрѣніе. Я даже и пошутить такъ не могу: „мы, дескать, тоже видѣли“. А между тѣмъ непрестанно слышишь: видѣлъ, вижу, глядѣлъ, смотрю и т. д.

Бровкинъ всталъ и шагнулъ впередъ, намѣреваясь пройти по комнатѣ, но, ударившись одной колѣнкой о стѣну, а другой о ящикъ, снова сѣлъ на кровать и продолжалъ:

— Говоря о нашей каморкѣ, ты выражаешься такъ: „въ нашу безоконную темнушку не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта, и это хорошо, потому что свѣтъ обнажилъ бы ея убожество и наши хундры-мундры... А въ темнотѣ этого не видно“. Я соглашаюсь съ тобой, хотя и не понимаю, какъ это свѣтъ можетъ обнажить, а тьма скрыть... Или вотъ эта вещь...

Бровкинъ досталъ изъ-подъ грязной мочальной подушки объемистую книгу, напечатанную шрифтомъ Брайля, и, раскрывая ее, продолжалъ:

— Мои пальцы осязаютъ выпуклыя точки, по которымъ я читаю, и только. Но зрячіе увѣряютъ, что эта книга имѣетъ грязно-желтый видъ, что, конечно, совершенно непонятно природному слѣнцу. Даже форма осязаемаго предмета представляется ему не полностью, а частями, такъ какъ осмотръ путемъ осязанія производится не сразу, а постепенно и медленно. На пальцахъ, какъ ты выражаешься, далеко не уѣдешь. И я съ тобой согласенъ. Я не говорю уже о солнцѣ, лунѣ и другихъ красотахъ міра, недоступныхъ ни слуху ни осязанію. Ихъ значеніе во всей полнотѣ недоступно моему пониманію, но то восхищеніе, съ которымъ о нихъ говорятъ и пишутъ, настоятельно твердить мнѣ о чемъ-то удивительно прекрасномъ, чудномъ, вызывающемъ въ людяхъ восторгъ и удивленіе. Я увѣренъ, что мнѣ никогда не проникнуть въ эти непостижимыя для меня тайны, но тѣмъ не менѣе я думаю о нихъ, думаю до сумасшествія! Въ такія минуты все мое существо какъ бы силою втискивается въ какой-то до невозможности тѣсный футляръ, который давитъ меня нестерпимо... Вотъ почему иной разъ я золь какъ сто чертей, взятыя вмѣстѣ, и хриплю какъ задыхающаяся старая собака....

Бровкинъ, видимо, волновался. Онъ поминутно вставалъ съ кровати и снова опускался на нее. Его рѣчь становилась все громче и задушевнѣе.

— Я тебѣ сказалъ однажды, что у слѣплого чужая жизнь, но ты тогда не понялъ...

— И теперь уразумѣть не могу,—отвѣтилъ Райкинъ, по-прежнему сидѣвшій на полу, и добавилъ:—я полагаю, что каждый живетъ своей жизнью.

— Нѣтъ ея у слѣплого!—горячо возразилъ Бровкинъ.—Онъ говоритъ, ходитъ, даже мыслить не по-своему. Все въ немъ чужое, кромѣ слѣпоты... Поясню это примѣромъ. Зрячій говоритъ, что моя шляпа полиняла, порыжѣла и вообще негодна къ употребленію; но когда я ощупываю шляпу, то не нахожу на ней ни одной дыры и ничего такого, что могло бы сказать мнѣ о ея негодности. Но слова зрячаго и то, чего я самъ не вижу, внушаетъ мнѣ недоувѣріе къ осязанію. И я, полагаясь на мнѣніе зрячихъ, покупаю новую шляпу, но не для себя, а для другихъ. Тебя называютъ красивымъ, а меня дурнымъ, но когда я ощупывалъ твою фізіономію, то не нашель въ ней ничего особеннаго. Лицо, какъ лицо! Словомъ почти такое же, какъ и у всѣхъ людей, только носъ у тебя поменьше моего и кажется мнѣ несовсѣмъ еще выросшимъ. Но я вѣрю, что ты красивѣе меня, и опять-таки потому, что я не довѣряю своимъ пальцамъ, а полагаюсь на мнѣніе зрячихъ. Меня называютъ типичнымъ слѣпцомъ, но я тысячу разъ ощупывалъ себя до мельчайшихъ подробностей и не нашель въ себѣ ничего типичнаго. Человѣкъ, какъ человѣкъ. Говорятъ, что моя голова какъ бы силой втиснута въ плечи, лицо при разговорѣ комично морщится и вытягивается впередъ, походка присѣдающая съ прыжкой, на подобіе скачущей обезьяны. Такая копія можетъ и вѣрна, но мнѣ—оригиналу—она непонятна. Зрячіе вслухъ осмѣиваютъ каждое движеніе слѣплого и нисколько не думаютъ о послѣдствіяхъ своихъ насмѣшекъ. Слепой переносить ихъ молча, не желая распространяться о больныхъ для него вещахъ. Онъ вѣчно насторожѣ, каждый его шагъ, каждое движеніе сопряжены съ рискомъ вызвать смѣхъ зрячихъ. Зачѣмъ я ношу темныя очки, эту совершенно лишнюю для слѣплого обузу? Опять-таки въ угоду зрячимъ. Имъ непріятно видѣть провалившіеся глаза, не прикрытые очками. Вообще слѣпой во всемъ подлаживается къ зрячимъ... Онъ тѣнь ихъ... Тѣнь!—иронически усмѣхаясь, повторилъ Бровкинъ.—А что такое для слѣплого тѣнь? Вотъ видишь, Андрей, какой полу-

чается абсурдъ: мнѣ рѣшительно непонятны никакія тѣни, а я употребляю это сравненіе, какъ нѣчто имѣющее для меня смыслъ. Это показываетъ, что у слѣпого нѣтъ даже своихъ словъ для выраженія его исключительныхъ понятій. Ему приходится подлаживаться подъ жизнь зрячихъ, такъ какъ иной специально слѣпой жизни нѣтъ, а есть только слѣпота. И существованіе слѣпого—нелѣпое, глупое, проклятое...

Послѣднія слова Бровкинъ произнесъ сдавленнымъ шепотомъ и шумно вытянулся на кровати. Райкинъ продолжалъ молча сидѣть на полу, скрестивъ на груди руки и слегка наклонивъ голову.

— Да,—задумчиво протянулъ онъ послѣ длинной паузы и снова замолкъ.

— Вотъ тебѣ и да!—тихо сказала Бровкинъ и тоже замолчала.

Въ тѣсной, безоконной, съ плотно закрытой дверью каморкѣ, какъ въ гробу, водворилась мертвая тишина. Непроницаемый мракъ заполнялъ все пространство комнаты и давилъ своей черной тяжестью... Но погруженные въ свои мысли слѣпцы не замѣчали окружающаго. Въ ихъ воображеніи стоялъ болѣе ужасный мракъ—мракъ слѣпоты...

III.

Ночь. Мѣсяцъ и звѣзды ярко блестѣли на безоблачномъ небѣ. Кругомъ было тихо. Очевидно, геній добра въ часы ночи, когда спитъ мятежный людъ, навѣваетъ на землю миръ и спокойствіе. Хорошо себя чувствуютъ слѣпцы въ такой тишинѣ. Недаромъ они называютъ ночь жизнью. И точно, едва наступитъ ночь, слѣпой какъ будто оживаетъ. Ему не спится, онъ чувствуетъ приливъ силы и бодрость духа. Онъ свободенъ, за нимъ никто не слѣдитъ, его уже не раздражаютъ замѣчанія зрячихъ. Всѣ его поступки и дѣйствія увѣренны и свободны. Кромѣ того онъ хорошо знаетъ, что зрячіе ночью почти ничего не видятъ. Его это сближаетъ съ ними и дѣлаетъ какъ бы членомъ всего человѣчества. И въ такія минуты слѣпой иногда чувствуетъ себя превосходно.

Бровкинъ тоже испытывалъ это состояніе. Онъ не про-

пускалъ ни одной ночи, чтобы не пободрствовать въ уединеніи. Когда его спрашивали зрячіе, отчего онъ не спитъ по ночамъ, онъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Оттого, что зрячіе спятъ.

Такой отвѣтъ, конечно, не удовлетворялъ любопытныхъ и приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Но слѣпой уклонялся отъ дальнѣйшихъ объясненій и продолжалъ бодрствовать по ночамъ. Вотъ и теперь Бровкинъ сидѣлъ въ небольшомъ палисадникѣ того дома, въ которомъ онъ жилъ, и прислушивался къ неподвижной тишинѣ. Полная луна освѣщала его фигуру, прислонившуюся къ дереву, и какъ бы улыбалась ему съ голубого неба. Но слѣпой не замѣчалъ этого. Его мысли были далеко отъ майской ночи, о которой, кстати сказать, у него было весьма туманное представленіе. Недавній разговоръ съ товарищемъ сильно взволновалъ его. Вѣдь онъ никогда не говорилъ о себѣ, а сегодня вдругъ прорвался!.. Скрытая отъ другихъ душевная рана теперь обнажилась, но развѣ легче ему стало отъ этого?

— Эхъ, слабешка! — презрительно обозвалъ себя Бровкинъ, срывая съ головы шляпу и кладя ее рядомъ съ собою на скамью.

Вдругъ онъ слышалъ шорохъ и насторожился.

— Трезоръ! — увѣренно позвалъ слѣпой, слегка хлопнувъ ладонями. Къ нему тотчасъ же подбѣжала огромная овчарка и лизнула въ руку. Бровкинъ ласково потрепалъ собаку по лохматой головѣ и какъ-то особенно задушевно проговорилъ:

— Славный Трезоръ! Ты, какъ видно, не сердись за данный тебѣ сегодня пинокъ. Прости, другъ... Человѣкъ иногда злѣе собаки... Но мнѣ больше, чѣмъ кому-либо, непростительно обижать животныхъ, — вѣдь только они и не гнушаются мною.

Слѣпой обнялъ собаку и поцѣловалъ ее въ голову. Ему вдругъ стало тепло и какъ-то особенно грустно.

Въ это время что-то шлепнулось съ забора и быстро побѣжало. Собака стремительно бросилась вонъ изъ палисадника, громко шурша кустами, а спустя минуту раздался басистый лай Трезора.

„Это онъ на кошку“, — подумалъ слѣпой, прислушиваясь къ лаю собаки. При этомъ лицо его, освѣщенное луной, серьезно морщилось какъ бы отъ сильнаго внутренняго на-

пряженія и неестественно вытягивалось впередъ. Лай собаки представлялся ему въ видѣ круглыхъ шаровъ, звучно вылетающихъ откуда-то и быстро катившихся вверхъ.

— Да...—безотчетно прошепталъ слѣпой и замолкъ, наклонивъ голову.

Въ его мозгу блуждали какіе-то отрывки неуловимыхъ мыслей, на которыхъ трудно было остановиться. Едва ему удавалось уцѣпиться за какую-нибудь мысль, какъ вдругъ на нее налетали другія мысли и точно вихремъ начинали кружить ее.

Онъ прислушивался къ неподвижной тишинѣ, и ему казалось, что эта особенная тишина, которая свойственна только одной ночи, таится въ немъ самомъ, что онъ ощущаетъ ее всѣмъ своимъ существомъ, но не въ силахъ проникнуть въ ея таинственный смыслъ. Бровкинъ вздохнулъ и мысленно продолжалъ:

„И ночь, какъ и все прочее, недоступное для меня, дать мою душу своимъ гробовымъ молчаніемъ и разжигаетъ мучительное любопытство“...

Ему живо представилось, какъ онъ часто падалъ, ушибался, обжигался и т. п., но ничто не могло удержать его отъ любопытства. Ужъ слишкомъ привлекательными казались ему всѣ новые предметы, которые ему еще ни разу не приходилось осязать. Когда его руки были завязаны, вслѣдствіе какихъ-либо пораненій,—а это случалось нерѣдко — слѣпой ухитрялся осязать лицомъ, ногами, даже языкомъ.

— Зрячіе никогда не поймутъ, что запретное и недоступное одинаково сильно притягиваютъ къ себѣ людей... Эхъ, глазастое слѣпье! — Бровкинъ вздохнулъ и грустно продолжалъ:—Я тридцать лѣтъ передвигаюсь съ мѣста на мѣсто по бѣлу свѣту и ни разу за всю жизнь не почувствовалъ, что слѣпые такіе же люди. Кто бы они ни были: мужикъ, баринъ, мѣщанинъ,—и какъ бы они не говорили—грубо или деликатно, все равно—въ каждомъ ихъ движеніи, словѣ, но чаще въ интонаціи голоса ясно звучитъ сознаніе, что они глядятъ на слѣплого не какъ на человѣка, а какъ на безглазое существо какой-то особенной породы. Вотъ почему слѣпые такъ одиноки и чужды обыкновенной человѣческой жизни.

Бровкинъ досталъ изъ кармана папиросу, взялъ ее въ

ротъ, но не закурилъ, а снова положилъ въ карманъ. Онъ случайно задѣлъ за лежавшую на скамьѣ шляпу, помялъ ее въ рукахъ и опять опустилъ на прежнее мѣсто. Во всемъ этомъ замѣтно было возбужденное состояніе слѣпца.

— Слепота, слѣпота! — вдругъ заговорилъ онъ, быстро поднимаясь на ноги и какъ бы обращаясь къ кому-то.

Луна ярко заливала его высокую фигуру, скользя лучами по стекламъ очковъ, блестящихъ въ полу-мракѣ, какъ двѣ свѣтлыя точки.

— Ты—броня, заслоняющая жизнь! — продолжалъ онъ волнующимся голосомъ, сильно жестикулируя, — ты громада, давящая мозгъ и душу. О, слѣпота! Быть можетъ, за твоими стѣнами есть то, что въ одинъ мигъ переродитъ слѣплого и дастъ ему новую жизнь. Боже, Боже!.. Мнѣ непонятенъ свѣтъ, я не знаю, какъ можно видѣть глазами, но о томъ и о другомъ я непрестанно думаю какъ сумасшедшій, страдающій ужасной маніей.. Такая пытка происходитъ, вѣроятно, оттого, что слѣпота есть нѣчто неестественное, нелѣпое и что жизнь и ея радости только для зрячихъ. Даже паукъ и тотъ видитъ, а я...

Голосъ слѣпца оборвался. Къ его горлу подступили слезы...

— А я все же человѣкъ, — дрожащимъ шопотомъ докончилъ Бровкинъ и безпомощно опустилъ голову на грудь, но только на одно мгновенье. Онъ сильно тряхнулъ посѣдѣвшей головой, какъ бы отгоняя непрошенные мысли, и, мгновенно одушевляясь, горячо заговорилъ:

— Будь я богатырь, я ни на минуту не задумался бы разорвать это чудовище — слѣпоту. Пускай бы она раздавила меня своей тяжестью, какъ Самсона капище, — пускай!.. Только бы увидѣть свѣтъ!! Да, только бы увидѣть, хотя на одно мгновенье, и умереть...

Слѣпой задыхался отъ волненья... Его возбужденное лицо конвульсивно вздрагивало голова горѣла... Всевозможныя представленія о непонятномъ ему свѣтѣ и о томъ, какъ можно видѣть глазами, и пламенная жажда постичь все это, — какъ огнемъ жгли его мозгъ. Онъ какъ сумасшедшій бросился вонъ изъ палисадника, забывъ на скамьѣ шляпу. На поворотѣ дорожки Бровкинъ ударился головой о сукъ дерева и остановился какъ вкопанный. Выпавшее

изъ очковъ стекло звякнуло у его ногъ. Онъ съ минуту стоялъ въ нѣмомъ оцѣпенѣннн, затѣмъ порывисто сорвалъ съ себя очки съ оставшимся однимъ стекломъ и бросилъ ихъ на землю. Луна еще разъ скользнула по лежавшимъ на землѣ очкамъ и скрылась за облако. Слепой крѣпко зажалъ рукой разбитый високъ, изъ котораго сочилась кровь, и, стиснувъ зубы отъ невыносимой боли, злобно простоналъ:

— Проклятая слѣпота!

В. Рязанцевъ.

(Окончаніе въ слѣд. кн.).





ПЕРЕЖИТОЕ.

ЖИТЕЙСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ
ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

II *).



Ѣтомъ жизнь пошла совсѣмъ иначе. Не тянуло къ письменному столу и вообще къ книгѣ. Я даже затосковалъ о „глуши“, гдѣ лѣтомъ такъ хорошо и привольно. Меня спрашивали изъ Вологды: не прїѣду ли я хотя на мѣсяцъ отдохнуть? Поѣздка для меня была бы очень полезна, но средства не позволяли „такой роскоши“, да и другія условія жизни не благопріятствовали отдыху на лонѣ природы. Удерживала меня и мысль, что „дома“ я не стану готовиться къ Учительск. Институту. II вотъ, по зрѣломъ обдумываніи, я рѣшилъ — не ѣздить въ Вологду, если бы мнѣ даже пообѣщали прислать изъ дома денегъ на дорогу. Здѣсь кстати сказать, что я все время рѣдко писалъ роднымъ, отвѣчая письмомъ на два-три письма. Но теперь, лѣтомъ, я сталъ писать чаще. Зато у меня остановились литературныя работы: „Шарманщика“ я забросилъ на первой главѣ, а къ разсказу для „От. Зап.“ (такъ, по крайней мѣрѣ, предположено было—для „От. Зап.“) и не приступалъ. Я рано просыпался и сейчасъ же шелъ въ садикъ, гдѣ и „штудировалъ“ учебники по программѣ для Учит. Института. На

* См. «Свѣточъ» 1910 г., Янв., стр. 60.

это уходило часа два. Потомъ пилъ кофе, съѣдалъ какъ бы по заведенному правилу яичницу,—и отправлялся въ Лѣтній садъ, гдѣ и оставался до обѣда. Я захватывалъ съ собою учебники, но, признаюсь, въ Лѣтнемъ саду я ихъ рѣдко раскрывалъ. Почти все время я проводилъ среди дѣтей у памятника Крылова. Это доставляло мнѣ большое удовольствіе и давало много полезныхъ, интересныхъ наблюдений въ мірѣ „маленькихъ людей“. Среди дѣтвора у меня набралось не мало друзей, съ которыми я бесѣдовалъ, спрашивалъ ихъ и самъ имъ рассказывалъ про то, что ихъ занимало... Нѣкоторыя изъ дѣтей приносили съ собой книжки и читали мнѣ. Иногда я бралъ самъ книжки и читалъ вслухъ окружавшей меня маленькой публикѣ. Послѣ чтенія мы и бесѣдовали о прочитанномъ: я спрашивалъ, что понравилось, почему и т. д. Возникали и споры. Случалось, я принималъ даже участіе въ играхъ—въ мячъ и пятнашки. Няни и мамы улыбались, глядя, какъ я, „большой“, бѣгалъ съ ребятами. А ребяташки были очень довольны и, когда я прекращалъ, было, игры, они приступали ко мнѣ съ просьбами:

— Еще, дядя Саша! Поиграй!

Иногда я сдавался и опять „игралъ“, а чаще всего ссылаясь на усталость, предлагалъ что-нибудь рассказать. На это мои друзья охотно соглашались и окружали меня. Отношенія вообще у насъ установились самыя близкія.

Не могу не рассказать слѣдующаго факта.

Въ числѣ ребятковъ, охотно слушавшихъ мои рассказы, былъ бѣлокурый малышъ, кажется, звали его Гаврюшей: звучитъ въ памяти это имя, но не могу сказать навѣрное. Такъ этотъ Гаврюша (буду его звать такъ) особенно привязался ко мнѣ и раза два провожалъ меня до квартиры. Сынъ прачки, онъ съ сестренкой бѣгалъ играть въ Лѣтній садъ. Какъ-то разъ я подѣхалъ къ Зоологическому саду. Только что успѣлъ я сойти съ извозчика, какъ вдругъ раздался вблизи меня окликъ:

— Дядя Саша!

Я оглянулся,—вижу: Гаврюша съ сестрой.

— А, здравствуй! Что тебѣ?

Онъ немного замаялся и промолвилъ:

— Дай гривенникъ! У насъ недохватка!

Я далъ ему монету—и онъ, сіяя, пошелъ съ сестрой въ

садъ. Тамъ онъ опять нашель меня и потребоваль нѣкото-рыхъ объясненіи о животныхъ.

Однажды, во время отдыха у крыловскаго памятника, ко мнѣ подошли „матросикъ“ Воля и его товарка по играмъ Сима. Воля задалъ мнѣ вопросъ:

— Скажите, вѣдь вы учитель?

— Нѣтъ, но буду имъ... Впрочемъ, если хотите... пожа-луй, и учитель.

— Вѣдь ваша фамилія Кругловъ?

— Да... А вы почему знаете?

— Вы же говорили Симѣ.

— Да? Я и не помню. Ну, и что же?

— А вы сочиняете?

— То-есть какъ это сочиняю?

— Вы это написали: „Дѣти — друзья голодающихъ“? И еще рассказъ „Нѣмая“?

— Я... Вы читали?

— Да. Мы получаемъ „Дѣтское чтеніе“... Такъ это ваши сочиненія?

— Мои!

— Вотъ видишь, а спорила!—сказаль Воля дѣвочкѣ.

Я обратился къ Волѣ за объясненіями.

— Видите, я говорилъ, что это вы сочиняли, а Сима го-ворила, что кто-нибудь другой... ну... тоже Круговъ, а не вы...

— Почему же вы такъ думали, что другой, а не я? — спросиль я у дѣвочки.

Она покраснѣла и убѣжала.

Воля засмѣялся и шепнулъ мнѣ, словно Сима издалека могла слышать его:

— Хотите, я скажу: почему?

— Хочу.

— Сима говорила: развѣ такіе бываютъ сочинители, какъ дядя Саша!.. Сочинители—все важные... старые...

— Только старые?—улыбаясь, спросиль я.

— Вотъ, да... она такъ сказала... ну, а вы... молодой и... не важный... бѣгаете съ нами... вотъ она...

Тутъ почему-то смутился и Воля и... тоже убѣжалъ.

Дня два кряду Сима избѣгала меня. Но потомъ все „за-былось“, и Сима, улыбаясь, поздоровалась со мною и... про-молвила:

- А вы не можете что-нибудь сочинить еще?
- Могу!
- Сочините и прочтите намь...
- Хорошо.

Просьба Симы заставила меня снова взяться за „Шарманщика“ и докончить его.

Прочитать рассказ Симѣ мнѣ, однако, уже не привелось. Она захворала, а затѣмъ наступили дождливые дни... Наши бесѣды прервались... и не возобновились. Но вообразите, съ Симой я столкнулся въ жизни уже много лѣтъ спустя. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ и встрѣтилъ молодую даму съ прелестнымъ бебе на рукахъ. Мы разговорились о томъ, о семь. Коснулись литературы и... вдругъ оказалось, что моя спутница—та самая Сима, которая не вѣрила, что я „сочинитель“... Это открытіе сразу какъ-то насъ сблизило, и изъ случайной спутницы моя сосѣдка стала для меня не чужою,—между нею и мною какъ бы вдругъ протянулась ниточка, связующая настоящее съ прошлымъ. Молодая женщина оживилась, въ порывѣ протянула мнѣ руку,—видимо, обрадовалась... Мы начали вспоминать прошлое и чѣмъ-то свѣтлымъ и теплымъ повѣяло вдругъ въ этотъ холодный пасмурный день (дѣло было осенью).

— Когда я встрѣчала вашу фамилію въ журналахъ, я всегда вспоминала наши игры и бесѣды въ Лѣтнемъ саду,—сказала Сима, теперь Серафима Игнатьевна (хорошо помню, что Игнатьевна).

— А гдѣ Воля?

— Не знаю. Онъ уѣхалъ года черезъ два съ родными на югъ...

Подъ Клиномъ мы разстались. Сима крѣпко пожала мнѣ руку и сказала, что она очень рада случайной встрѣчѣ. Я постѣснился спросить ее, за кѣмъ она замужемъ. Она сама сказала мнѣ, что живетъ въ Твери и теперь ѣдетъ къ роднымъ мужа. Но сказала это уже передъ самымъ прощаніемъ.

Гдѣ-то теперь другіе мои „друзья“, съ которыми я такъ хорошо отдыхалъ въ далекое время у памятника дѣдушки Крылова. Помнятъ ли они „дядю Сашу“, который съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ своихъ „маленькихъ друзей“? И кто они теперь: друзья или враги „дяди Саши“

по своимъ убѣжденіямъ? Гдѣ-то Гаврюша и его сестренка?.. Своими думами я нерѣдко бываю у памятника милого дѣдушки—и... переживаю все прошлое. О, давно, давно все было!.. Теперь уже и дочь Симы, навѣрно, на курсахъ, если уже сама не стала матерью... Быстро летитъ время... Когда-то играли у памятника дѣдушки-Крылова... а вотъ... и сами многіе попали въ дѣдушки, или... уже на линіи этого званія.

Надо добавить здѣсь, что встрѣча съ Симой — не единственная встрѣча съ матерями, которыя были когда-то моими читательницами. Встрѣчался я со многими отцами, нѣкогда увлекавшимися моими рассказами для дѣтей. Такъ, на пароходѣ на Волгѣ я встрѣтился съ однимъ священникомъ, который очень обрадовался знакомству со мною и общилъ, что онъ мальчикомъ „продѣлалъ все“, что мною описано въ рассказѣ „Янки волог. уѣзда“ и что онъ плакалъ, читая „Большака“.

— И знаете,—добавилъ онъ,—я и нынѣ съ удовольствіемъ читаю ваши дѣтскія книжки, выписывая ихъ для племянниковъ. Словно чѣмъ-то роднымъ повѣсть. Да, правду сказать, и не только дѣтямъ, а и всѣмъ можно читать ихъ. А что въ дѣтствѣ читалъ, все помню и по сіе время.

Подобныя встрѣчи приносятъ мнѣ большое наслажденіе, поднимаютъ духъ и энергію, слабѣющую въ мелкой житейской борьбѣ. „Если такъ, значитъ, не даромъ... писано!“ Это счастье, переживаемое писателемъ, непонятно никому другому.

Однако, я уклоняюсь въ сторону.

III.

Надежда Васильевна на это лѣто не уѣхала на родину, а помѣстилась на дачѣ въ Парголово у сестры. Я раза два былъ тамъ, мы ходили на „Парнаст“, гдѣ я сочинилъ юмористическій эскизъ „Поэтъ и муза“, къ сожалѣнію (конечно, моему исключительно) затерянный. Тамъ были куплеты очень мѣткіе, въ смыслѣ характеристики нѣкоторыхъ поэтовъ. Трапезниковъ совѣтовалъ мнѣ напечатать стихи въ „Пет. Листкѣ“, но М—дый и другіе пріятели отговаривали. Крыловъ сказалъ:

— Къ чему? Только раздражишь гусей... Еще рано тебѣ такъ „храбриться“... Ишь, Ювеналь какой!

Я послушался пріятеля-земляка и не отдалъ эскиза въ газету. Я отложилъ его до „болѣе удобнаго времени“ и... затерялъ совсѣмъ набросокъ.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Парголово я встрѣтился съ извѣстнымъ сатирикомъ-поэтомъ, Вас. Степ. Курочкинымъ. Въ Парголовѣ же я встрѣтился съ библіографомъ Сильчевскимъ, который меня и познакомилъ съ популярнымъ нѣкогда издателемъ „Искры“. Курочкинъ былъ хорошо настроенъ и произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Это была первая и послѣдняя моя встрѣча съ переводчикомъ Беранже. Черезъ годъ онъ умеръ—совершенно неожиданно: онъ былъ еще довольно бодръ и крѣпокъ.

Мои „подготовленія къ экзамену“ шли довольно вяло. Я началъ охлаждать въ желаніи сдѣлаться городскимъ учителемъ, а тутъ вдругъ глаза начали опять „пошаливать“. Я на время совсѣмъ бросилъ подготовку. Дождливые дни прервали мои посѣщенія Лѣтняго сада. Въ одинъ изъ такихъ дней явился ко мнѣ землякъ К—ковъ и сообщилъ, что мнѣ все равно нельзя будетъ поступить въ Учительскій институтъ. Рѣшительно теперь не помню, какія причины назвалъ онъ: не то нужно было поступить до 21 года, не то—что-то иное... Помню, что эти причины потомъ оказались ложными (ошибся самъ К—ковъ), но онъ тогда имѣли рѣшающее значеніе: я совсѣмъ отказался отъ мысли сдѣлаться педагогомъ и забросилъ учебники.

— Не судьба тебѣ носить учительскій виць-мундиръ!—смѣясь, сказалъ М—дый.

— И не надо! Будь педагогомъ безъ мундира,—добавилъ Трапезниковъ,—говори съ дѣтьми съ другой кафедры... она не хуже!

Я такъ и рѣшилъ—и сейчасъ же отдалъ „Шарманщика“ въ „Дѣтское Чтеніе“.

По вечерамъ у насъ собиралась молодежь и нѣкоторые знакомые, которыхъ уже нельзя было причислить къ молодежи. Между прочимъ нерѣдко бывалъ В. В. Кристлибъ, служившій бухгалтеромъ въ одномъ страховомъ обществѣ. Я познакомился съ нимъ потому, что его подруга жизни, была пріятельницей Вѣры Дмитріевны. Красивая, цыганка

по типу (или „цыгано - гречанка“, какъ шутя говорилъ К—бъ), всегда веселая, остроумная, Александра Алексѣевна „мертвого“ поднять могла и въ минуты хандры являлась прямо „цѣлительницей“. Придетъ, насмѣшить, развеселить, и всю хандру какъ рукой сниметъ. Сознаю, что теперь она бы ничего не могла подѣлать, потому что только въ извѣстные годы такъ разгоняется хандра и тоска. Но тогда она дѣйствительно умѣла „цѣлить“ и „захандривъ“, я нерѣдко отправлялся „развеселиться“ къ Крестлибамъ. Самъ онъ человѣкъ университетскаго образованія, очень начитанный, владѣющій нѣсколькими иностранными языками былъ интереснымъ собесѣдникомъ. Но онъ былъ уже „тѣнью прошлаго живого человѣка“ — по его собственному выраженію. Сынъ очень богатыхъ родителей, онъ выросъ въ роскоши и думалъ по окончаніи университета вести свое дѣло. Но отецъ къ этому времени частью разорился на дѣлѣ, частью потерялъ капиталы, несчастнымъ манеромъ помѣстивъ ихъ. Онъ далъ займы крупную сумму денегъ одному важному лицу, которое не думало платить долга. Потерявъ отца и мать, братья Крестлибы не могли получить денегъ: должникъ умеръ, а дѣти его такъ ловко оборудовали дѣло при помощи связей, что лопнула всякая надежда на полученіе долга.

— Такъ и бросили все?—спросилъ я у В. В. Крестлиба.

— Да... Вспомните Некрасова:

Сила ломить и соломушку...
Поклонись пониже ей!

Кр—бъ былъ не изъ тѣхъ, которые „кланяются“. Необходимости онъ покорился, но „кланяться“ отказался. Онъ началъ служить и благодаря блестящимъ способностямъ, широкому образованію добился хорошаго мѣста на заводѣ. Онъ сталъ получать около десяти тысячъ. Но... „явился маменькинъ сынокъ“, которому понадобилось это мѣсто. Маменьку уважали тѣ, отъ кого все зависѣло на заводѣ, и... Кр—бу предложено было сдѣлаться помощникомъ „маменькинаго сына“. К—бъ почувствовалъ обиду и... бросилъ службу на заводѣ. Черезъ два-три мѣсяца онъ получилъ мѣсто въ страховомъ обществѣ, но вмѣсто 10 тысячъ пришлось помириться на трехъ. Жизненный ударъ пришибъ Кр—ба

и онъ „потерялъ свою обычную веселость“. Я ему замѣчалъ:

— Да вы и теперь не изъ грустящихъ... Энергiи хоть отбавляй.

Онъ качалъ головой и говорилъ:

— То ли было!.. Уходили сивку... Правда, не все растерялъ... Работать могу много, а иногда по-старому разойдусь. Но уже надломлены силы... Ну, и года же... За срокъ давно!..

Александра Алексѣевна была всего лѣтъ двадцати пяти, и она-то старалась расшевелить супруга, не давая ему „закисать“.

— Не будь уксусомъ, противно! Подтянись!

— Прыгай ты!

— А ты не хохлись! Прыгать—такъ въ ногу! Самъ виновать... Остался бы помощникомъ и получалъ бы пять тысячъ, а не три!

— Развѣ все въ деньгахъ! а обида? а честь?

— Ну, да... что и честь, коли нечего ѣсть!.. Ты очень гордъ!

— Благородно - гордъ, другъ мой!—говорилъ съ достоинствомъ Владимiръ Васильевичъ.

Такой гордости супруга не понимала. Она хотѣла жить весело.

— Если бы я не любила Владимiра,—признавалась она,—я бы его давно оставила. Я иначе понимаю жизнь...

— Широкою жизнь, да?

— Конечно! Десять тысячъ лучше пяти, а пять—трехъ!

— Зачѣмъ стало дѣло?

— Да вотъ, глупость: люблю его... Старше меня на много, а люблю...

— Согласитесь, что у него душа чистая и прямо золотое сердце!

— Вотъ этимъ-то онъ и держить... Я и люблю и жалѣю!

Надо сказать правду, и у Александры Алексѣевны было чудное сердце: доброе, мягкое, отзывчивое. Но веселье любила она и претили ей всякіе грошовые счета. Широкая натура! За эту натуру ей В. В. все прощалъ и любилъ ее сильно. Ссорились, спорили... и не могли жить другъ безъ друга.

Вл. Вас. не обладалъ особеннымъ талантомъ, но писалъ стильно по экономическимъ вопросамъ, не подписывая, однако, своихъ статей. Онъ былъ хорошій финансистъ. Пробовалъ онъ силы и въ беллетристикѣ, но опыты оказались неудачными: много разсужденій и мало дѣйствія. Это были не очерки жизни, а статьи „по поводу“.

У Вл. Вас. былъ братъ—Александръ Васильевичъ. Еще молодой, очень талантливый, тоже „язычникъ“, какъ шутилъ называлъ его Вл. Вас.,—такъ какъ Алекс. Вас. владѣлъ чуть ли не пятью иностранными языками,—онъ счастливо шелъ по службѣ, и уже ему улыбалось видное мѣсто, какъ вдругъ несчастная любовь все разрушила. Онъ началъ кутить, забросилъ дѣло и... лишился мѣста. А тамъ—и пошелъ круто подъ гору. Горе брата окончательно сломило Вл. Вас. И онъ не устоялъ, началъ опускаться, лишился тоже мѣста, простудился, заболѣлъ и кончилъ жизнь въ больницѣ черно-рабочихъ. Я забѣжалъ впередъ, рассказавъ эпилогъ, который наступилъ гораздо позже—именно въ 1878 или 1879 г. А пока Кр—бъ хорошо служилъ въ страховомъ обществѣ и жилъ не нуждаясь, хотя и не такъ широко, какъ бы хотѣлось женѣ. Вл. Вас. съ женою частенько бывали у насъ, и ихъ присутствіе много оживляло наши вечернія бесѣды, которыя М—дый окрестилъ „сухими вечерами“, а Александра Алексѣвна — „вечерами постниковъ“, такъ такъ кромѣ чая и булокъ ничего не подавалось. Впрочемъ, случалось, что эти вечера кончались у Палкина, гдѣ появлялось и вино и скоромныя яства. Угощалъ обыкновенно Вл. Вас., и такія „пирушки“ совпадали со днями получки жалованья.

Вечеринки были не лишены интереса и значенія. Много читали, спорили, разрѣшая разные вопросы, вырабатывая, такъ-сказать, „катехизисъ жизни“. Споры были горячіе, иногда очень рѣзкіе—благодаря присутствію студентовъ и студентокъ; не обходилось, правда, безъ „общихъ мѣстъ“, но эти споры придавали намъ повышенное настроеніе и удерживали отъ проявленія грубыхъ страстей и погруженія въ тину нечистыхъ помысловъ. Впрочемъ, Ал. Алекс. не особенно любила вечеринки, пріѣзжала поздно и прерывала разсужденія пѣснями, которыя она пѣла мастерски. Вл. Вас. часто сидѣлъ грустнымъ, а къ концу

вечера на глазахъ у него нерѣдко наворачивались слезы. И онъ говорилъ:

— Тяжело... Прошлое, юность вспоминаешь. И мы такъ горѣли... А что вышло?

— Ваше поколѣніе,—начинала было студентка Л—на, но Кр—бъ перебивалъ ее раздраженно:

— Молчите, барышня!

— Почему?—вскипая, спрашивала та.

— Все это... фразы! Когда доживете до нашихъ лѣтъ, тогда и храбритесь. Пока рано обвинять!

И какъ это было пророчески-вѣрно!

Л—на вышла за банкира и сдѣлалась самой заурядной буржуазной дамой, погруженной въ тряпки.

Вечеринки наши заканчивались почти всегда пѣніемъ. Пѣли „Назови мнѣ такую обитель“, „Дубинушку“, „Пѣсню Еремушки“. Ал. Алекс. пѣла свои пѣсни. Онѣ были „пустыя“, по мнѣнію многихъ, но ихъ слушали охотно, такъ какъ Кр—бъ пѣла прекрасно и съ „огонькомъ“. Одинъ изъ студентовъ, медикъ, нынѣ уже умершій, любилъ декламировать изъ Шиллера, подчеркивая эти строчки:

Твердость духа—въ день терпѣнья!
Помощь скорая слезамъ!
Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
Правда—ближнимъ и врагамъ!
Все—противу сильныхъ права,
Достояніе и кровь,
Гибель—злу, заслугъ—слава,
Къ чловѣчеству—любовь!

Это онъ повторялъ чуть ли не каждый разъ. Встанеть въ картинную позу посреди комнаты и скандируетъ.

— Будеть тебѣ! Надоѣль!—крикнуть ему.

— Это—мой символъ!—отвѣчаетъ онъ.

Замѣчу: тѣ, что кричали больше всѣхъ и безпощадно ругали буржуевъ, кончили сами „буржуями“, устроившись прекрасно. Нѣкоторые даже и притѣсняли „мужичка“, презрительно сжимая губы, когда имъ напоминали о прошломъ. Болѣе скромные и теперь работаютъ на общую пользу, перенося въ жизни многія лишения.

Одинъ изъ крикуновъ звалъ и меня „буржуемъ“ и „пророчествовалъ“, что я буду ходить съ Владиміромъ на шеѣ

въ баню, какъ герой романа Куцевскаго. Я-то не сдѣлался „благополучнымъ россіяниномъ“, стригущимъ купоны, а онъ—радикалъ изъ радикаловъ—схватилъ и крупный чинъ и имѣеть въ банкѣ нѣсколько тысячъ, да два или три домика.

Старая и вѣчно новая исторія!

А. Кругловъ.



Ты не гордись предъ неимущимъ,
Смиренно бѣдному подай,
И лишь тогда предъ Всемогущимъ
Предстать съ молитвою дерзай!

Н. Бариновъ.



СОВРЕМЕННОЕ ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ И ЕГО РОЛЬ ВЪ БУДУЩЕЙ ВОЙНѢ.

III *).

А В І А Т И К А.



Вопросъ отдѣленія аппарата отъ земли и паренія его въ воздухъ аэростатикою, какъ мы видѣли, рѣшался очень просто: всю систему дѣлали легче воздуха, почему она поднималась вверхъ и держалась тамъ вполне устойчиво.

Авіатика отрѣшилась отъ аппаратовъ подобнаго рода. Преодолѣніе силы тяжести и достиженіе равновѣсія въ воздухъ ею рѣшаются динамическимъ путемъ до сихъ поръ однимъ изъ трехъ нижеслѣдующихъ способовъ:

1. Стремясь подражать птицамъ, снабжаютъ аппараты особыми приводимыми въ движеніе посредствомъ моторовъ и машущими на подобіе крыльевъ плоскостями.

Такого рода аппараты называются орнитоптерами. Они появились ранѣе другихъ (Авіонъ Адера см. въ янв.—рис. № 1), и, несмотря на это, до сихъ поръ еще не достигли осязаемыхъ результатовъ.

Къ аппаратамъ этого именно типа многіе относятъ также и изобрѣтеніе нашего соотечественника В. Татарина, хотя оно и основано нѣсколько на иномъ принципѣ, чѣмъ обыкновенные орнитоптеры.

Объ этомъ изобрѣтеніи мы, впрочемъ, скажемъ нѣсколько словъ въ концѣ авіатики.

2. Другимъ способомъ отдѣленія отъ земли избрали тотъ самый способъ, которымъ уже пользуются, чтобы придать горизонтальное движеніе дирижаблямъ.

Это не что иное, какъ вращеніе воздушнаго винта, но съ вертикальной осью.

*) См. „Свѣточъ“, Янв. 1910 г., стр. 79.

Легкій аппаратъ, снабженный нѣсколькими такими солидныхъ размѣровъ винтами, можетъ подняться въ воздухъ и поддерживаться тамъ въ зависимости отъ скорости вращенія винтовъ. Горизонтальное движеніе можетъ быть придано аппарату нѣсколько меньшими винтами съ горизонтальными осями.

Умѣлое совокупное управленіе всѣми винтами, казалось бы, въ результатѣ должно было дать успѣшное плаваніе. На дѣлѣ однако же аппараты этого рода, называемые геликоптерами, успѣха пока еще не имѣютъ, и роль ихъ, повидимому, относится къ будущему.

3. Третьимъ нынѣ самымъ распространеннымъ способомъ преодолѣть силу тяжести аппарата и заставить его плавать въ воздухѣ является способъ примѣненія скользящаго полета.

Идея скользящаго полета та же, что и идея змѣйковаго шара или обыкновеннаго бумажнаго змѣя.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ закономъ разложенія силъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что привязной змѣй поднимается вверхъ и паритъ въ воздухѣ въ томъ только случаѣ, если дуетъ достаточной силы вѣтеръ. Если же вѣтра нѣтъ, такое поднятіе змѣя въ воздухъ и пареніе его тамъ можетъ быть достигнуто лишь достаточно скорымъ движеніемъ впередъ запускающаго змѣй человѣка.

Въ первомъ случаѣ несомыя вѣтромъ частицы воздуха встрѣчаютъ сопротивленіе въ наклонной плоскости змѣя, во второмъ случаѣ—движеніе наклонной плоскости змѣя должно преодолѣть сопротивленіе находящихся въ покоѣ частицъ воздуха, что въ сущности одно и то же.

Прекращеніе вѣтра или остановка человѣка, т. е. остановка движенія наклонной плоскости, влекутъ за собою паденіе змѣя.

Не будемъ входить въ разсмотрѣніе хорошо извѣстнаго въ механикѣ закона разложенія силъ. Скажемъ только, что при движеніи своемъ наклонная плоскость встрѣчаетъ сопротивленіе воздуха, которая прилагается къ ея центру и можетъ быть разложена на двѣ силы: горизонтальную, направленную изъ центра плоскости въ сторону противоположную движенію, и вертикальную, направленную изъ того же центра вверхъ. Первая уменьшаетъ скорость движенія плоскости, вторая поддерживаетъ плоскость въ воздухѣ, т. е. уменьшаетъ ея вѣсъ.

Вспомнимъ уже приводившуюся нами въ разсужденіяхъ о дирижабляхъ формулу сопротивленія среды движущемуся въ ней тѣлу $P = KSV^2$, и намъ станетъ ясно, что съ увеличеніемъ разлагаемаго на двѣ силы сопротивленія, P , т. е. съ увеличеніемъ площади S и особенно скорости V , мы всегда можемъ добиться того, чтобы вторая сила (уменьша-

ющая вѣсь) сдѣлалась больше силы тяжести (вѣса), т. е. подняла бы весь аппаратъ (называемый аэропланомъ) въ воздухъ; при этомъ теорія указываетъ намъ наиболѣе подходящій уголъ наклона плоскости къ горизонту.

Такимъ образомъ вопросъ авіатики прежде всего сводится къ тому, чтобы придать довольно значительной по размѣрамъ, такъ сказать поддерживающей всю систему аппарата наклонной плоскости (или нѣсколькимъ наклоннымъ плоскостямъ) быстрое движеніе впередъ, уменьшая по возможности вѣсъ системы. Это достигается предѣльнымъ (безъ ущерба для прочности) облегченіемъ вѣса плоскостей и вообще всей системы и включеніемъ въ нее сильпаго, но легкаго мотора.

Моторъ обыкновенно приводитъ въ движеніе воздушные винты съ двумя или болѣе лопастями; и это даетъ необходимую быстроту движенія. Количество оборотовъ винта обычно равно 1000—1500 въ минуту, при чемъ моторъ, дающій работу 50 лошадиныхъ силъ, вѣситъ 4 $\frac{1}{2}$ —6 пудовъ. Наиболѣе подходящимъ оказался моторъ, дѣйствующій отъ внутреннихъ вспышекъ смѣси паровъ бензина съ воздухомъ. Отъ вспышекъ этихъ получается расширение газовъ, благодаря чему быстро двигается ходящій въ цилиндрѣ поршень, который и заставляетъ вращаться винтъ (см. приведенные въ концѣ главы рисунки № 8 и № 9).

Для управленія аэропланомъ въ смыслѣ поворотовъ его вправо, влѣво, вверхъ и внизъ къ нему какъ спереди, такъ и сзади прикрѣплены двѣ системы плоскостей, изъ которыхъ одна расположена горизонтально, а другая—вертикально. Обѣ могутъ вращаться и потому дѣйствуютъ, какъ рули. Горизонтальная при своемъ подъемѣ заставляетъ аэропланъ двигаться по наклонной плоскости вверхъ, а при опусканіи—по такой же плоскости внизъ, почему она и называется рулемъ глубины. Вертикальная дѣйствуетъ какъ обыкновенный руль парохода, т. е. направляетъ аэропланъ въ горизонтальной плоскости, почему и называется рулемъ направленія.

Для того, чтобы плавающій въ воздухѣ аэропланъ имѣлъ устойчивость какъ продольную, такъ и поперечную, а не подвергался килевымъ и бортовымъ качкамъ, онъ имѣетъ особый стабилизаторъ—хвостъ въ видѣ прикрѣпленной сзади плоской рамы и плавники или, иначе, небольшіе крылышки, прикрѣпленные къ боковымъ краямъ поддерживающихъ поверхностей.

Стабилизаторъ выпрямляетъ полетъ чисто автоматически, плавниками же надо управлять. Они соединены между собою такъ, что при опусканіи праваго—лѣвый столько же поднимается, почему получается сгущеніе воздуха подъ правымъ крыломъ, т. е. какъ бы упоръ вправо.

Такой маневръ употребляется тогда, когда вѣтеръ накренить аэропланъ влѣво. При накрененіи вправо—опускается лѣвый плавникъ.

Иногда вмѣсто стабилизатора—для устраненія килевого наклона—управляютъ рулемъ глубины, а вмѣсто плавниковъ—для сохраненія бокового равновѣсія—особымъ образомъ скрѣпляютъ края поддерживающихъ поверхностей (крыльевъ), такъ что они пріобрѣтаютъ возможность дѣйствовать подобно плавникамъ.

Наконецъ послѣднимъ пока еще необходимымъ для аэроплана приспособленіемъ является такъ называемое шасси.

Это такое состоящее изъ колесъ и пружинъ (иногда ползьевъ) приспособленіе, при помощи котораго аэропланъ получаетъ нужный ему для подъема предварительный разбѣгъ по землѣ, а затѣмъ при спускѣ на землю избѣгаетъ рѣзкаго толчка.

Во время полета шасси не нужно и лишь напрасно утяжеляетъ систему, почему, надо думать, скоро изобрѣтутъ способъ какъ-нибудь обходиться безъ него.

Уже и теперь есть системы, у которыхъ часть шасси при подъемѣ аэроплана отдѣляется и остается на землѣ (аэропланъ бр. Райтъ), однако-же окончательно отрѣшиться отъ него они тоже не могутъ. Минимальнаго разгона для поднятія аэроплана пока достигъ Сантосъ-Дюмонъ на своемъ монопланѣ Demoiselle II, и этотъ разбѣгъ оказался равнымъ 70 метрамъ.

Наше время характеризуется быстрымъ развитіемъ воздухоплаванія вообще, а аэроплановъ въ особенности, почему эти аппараты появились уже всевозможнѣйшихъ конструкцій, различаясь между собою, строго говоря, лишь деталями. Основныхъ уже типовъ аэроплановъ попрежнему остается два: бипланы, или аэропланы съ поддерживающими поверхностями, расположенными въ двухъ плоскостяхъ, строго параллельныхъ другъ другу, и монопланы—или такіе же аппараты съ поддерживающими поверхностями, расположенными въ одной плоскости. Первые на практикѣ оказались какъ будто бы устойчивѣе вторыхъ, но зато вторые достигли пока большей скорости.

Наиболѣе основными типами биплановъ и моноплановъ являются: бипланы системъ бр. Райтъ и Вуазена, а монопланы Блеріо и Сантосъ-Дюмона.

Первымъ, какъ уже было сказано, появился бипланъ системы бр. Райтъ. Онъ къ тому же является и наиболѣе совершеннымъ типомъ биплана, почему изъ всѣхъ биплановъ мы болѣе подробно остановимся только на немъ.

Бипланъ бр. Райтъ (рис. № 5). Основаніемъ всей системы у этого типа являются двѣ поддерживающія поверхности, составленныя изъ туго натянутого на деревянныя рамы

полотна и скрѣпленныя между собою деревянными подпорками. Поверхности эти имѣютъ значительную кривизну, спереди большую чѣмъ сзади, и расположены строго параллельно между собою въ разстояніи 1 метра 80 сантиметровъ одна надъ другой. Длина каждой поверхности = $12\frac{1}{2}$ метра, что при двухметровой ширинѣ дастъ общую площадь обѣихъ поддерживающихъ поверхностей равную 50 кв. метра.

А такъ какъ вѣсъ всей системы вмѣстѣ съ человекомъ равенъ примѣрно 27 пудамъ, то выходитъ, что одному квадратному метру приходится поддерживать грузъ, нѣсколько больший $\frac{1}{2}$ пуда.

Къ плоскостямъ не придано плавниковъ, а вмѣсто нихъ поддерживающія поверхности, носяція название крыльевъ,

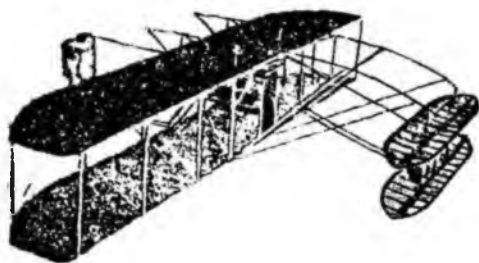


Рис. № 5.
Бипланъ Райта.

имѣютъ изобрѣтенное Райтами „скашиваніе“, чѣмъ и достигается противодѣйствіе накренію аэроплана на бокъ.

Стабилизаторы отсутствуют, а продольное равновѣсіе достигается рулемъ глубины, укрѣпленнымъ въ 4 метрахъ спереди аппарата. Руль направленія находится въ $2\frac{1}{2}$ метрахъ сзади поддерживающихъ поверхностей.

Посерединѣ между поддерживающими поверхностями поставленъ сравнительно слабый моторъ (30 лошадиныхъ силъ). Онъ заставляетъ двигаться въ противоположныя стороны два укрѣпленныхъ сзади воздушныхъ винта всего лишь со скоростью 450 (вмѣсто обычныхъ у другихъ системъ 1100—1500) оборотовъ въ минуту. Однако-же при такой незначительной скорости вращенія винтовъ аппаратъ все-таки имѣетъ надлежащую скорость движенія. Это достигается размерами винтовъ, имѣющихъ въ діаметрѣ болѣе $2\frac{1}{2}$ метровъ. (Основаніемъ служитъ извѣстная намъ формула $P = KSV^2$,

изъ которой видно, что для увеличенія сопротивленія R , т. е. другими словами, для увеличенія работы винта слѣдуетъ: либо увеличить его площадь S , либо увеличить скорость его вращенія V . Братья Райты избрали первое.)

Необходимый для поднятія биплана разбѣгъ достигается при помощи особымъ образомъ устроеннаго составнаго шасси, часть котораго при взлетѣ аппарата остается на землѣ. Это остроумное изобрѣтеніе значительно облегчаетъ вѣсь собственно летающаго аппарата, не лишая его въ то же время возможности безопасно спуститься на землю.

Съ этою цѣлью Райты прикрѣпили къ своему аппарату полозья, которые для разбѣга ставятся на двухколесную телѣжку, двигающуюся по деревянному 12 саженному рельсу.

Чтобы привести телѣжку въ быстрое движеніе по рельсу, позади его поставленъ высокій треножникъ съ блокомъ сверху. Черезъ этотъ блокъ, находящійся у основанія треножника, нѣсколько блоковъ подѣ рельсомъ и блокъ, находящійся впереди его, пропущенъ проволочный канатъ, одинъ конецъ котораго прикрѣпленъ къ телѣжкѣ, а другой, находящійся сверху треножника, приспособленъ для навѣшиванія на него огромной тяжести. При навѣшиваніи на канатъ тяжести (около 42 пудовъ) она падаетъ и тянетъ за собою канатъ, который приводитъ въ быстрое движеніе телѣжку и тѣмъ даетъ взлетѣ аэроплану. Телѣжка остается на землѣ, а аэропланъ съ полозьями подымается въ воздухъ.

Въ послѣднее время Райтъ сдѣлалъ нѣсколько взлетовъ безъ своего приспособленія, просто скользя на полозьяхъ по влажной травѣ, но такой способъ пока не всегда примѣнимъ.

При спускѣ этотъ бипланъ скользитъ по землѣ на полозьяхъ, чѣмъ и достигается для него безопасность спуска.

Бипланы обоихъ братьевъ, построенные ими по описанному выше типу, разнились между собою лишь деталями.

Вельбурнъ Райтъ производилъ свои опыты въ Парижѣ и, въ концѣ концовъ, въ 1908 году продалъ свое изобрѣтеніе синдикату во главѣ съ Вейлеромъ, выполнивъ въ октябрѣ того же года съ избыткомъ поставленныя ему условія (2 полета на дистанцію не менѣе 50 километровъ съ запасомъ топлива на 200 километровъ, при условіи захвата съ собою пассажира или соответствующаго ему груза).

Орвиль Райтъ работалъ все время въ Америкѣ и такъ же въ 1908 году заключилъ контрактъ съ американскимъ правительствомъ, по которому обязался построить такой аппаратъ, который легко разбирается бы на части ради быстрой перевозки, леталъ бы не менѣе 2 часовъ подѣ рядъ со скоростью 60 верстъ въ часъ, поднималъ бы не менѣе 2 человекъ съ достаточнымъ количествомъ топлива для полета на протяженіи около 180 верстъ, поддавался бы свободному управле-

нiю во время полета и, наконецъ, могъ бы плавно спускаться на землю безъ поврежденiя системы съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность тотчасъ же вновь подняться въ воздухъ.

Орвиль Райтъ достигъ уже этихъ условiй, но съ нимъ передъ официальнымъ испытанiемъ произошла катастрофа вслѣдствiе поломки винта, при чемъ спутникъ Райта лейтенантъ Сельфриджъ былъ убитъ упавшимъ на него моторомъ, самъ Райтъ сильно разбился, получивъ переломъ ноги въ трехъ мѣстахъ и другiя поврежденiя, а аппаратъ, конечно, весь поломался. Паденiе произошло съ высоты 18 метровъ.

Вильбурнъ Райтъ леталъ въ Парижѣ такъ же съ пассажиромъ, при чемъ наибольшая продолжительность полета была имъ достигнута 31 декабря 1908 года, когда онъ продержался въ воздухѣ 2 ч. 20 м. 23¹/₅ сек., пройдя 123 километра, за что и получилъ кубокъ Мишелена (за наибольшее пройденное въ 1908 г. разстоянiе на аппаратѣ тяжелѣе воздуха). До сихъ поръ больше его леталъ только Фарманъ (27 авг. 1909 г.—3 часа 4 мин., при чемъ прошелъ 180 километровъ).

Бипланъ Вуазена по конструкцiи своей рѣзко разнится отъ биплана Райта. Поддерживающiя поверхности его соединены 4 вертикальными перегородками (2 по краямъ и 2 посерединѣ), что придаетъ всему корпусу биплана видъ коробки. Вертикальныя перегородки служатъ для достиженiя при полетѣ поперечнаго равновѣсiя.

Расположенный внутри корпуса моторъ, имѣющiй около 50 лощ. силъ, вращаетъ находящiйся сзади винтъ со скоростью 1200 оборотовъ.

Тутъ же внутри корпуса помѣщены сидѣнья для пилота и рычаги для управленiя полетомъ.

Одноплоскостный руль глубины находится впереди корпуса на особомъ имѣющемъ видъ пароходнаго носа приспособленiи, служащемъ для уменьшенiя сопротивленiя воздуха движенiю аппарата впередъ.

Сзади корпуса на разстоянiи около 2 сажень (4 метра) находится хвостъ аппарата, имѣющiй видъ поставленной на бокъ бездонной коробки. Прикрѣпленный къ корпусу посредствомъ двухъ планокъ, онъ при полетѣ автоматически даетъ аппарату продольное равновѣсiе.

Въ коробкѣ хвоста расположенъ руль направленiя, представляющiй изъ себя небольшую вертикальную плоскость.

Шасси во время полета остается при аппаратѣ. Оно состоитъ изъ 4 колесъ (два подъ корпусомъ и два подъ хвостомъ) и системы рамъ съ пружинами.

Таковы два основныхъ типа биплановъ. Остальные являются лишь нѣсколько измѣненными видами только что описанныхъ. Такъ, на примѣръ, Кэртисъ измѣнилъ бипланъ Райта, придѣлавъ къ нему 4-колесное шасси и маленькiй

одноплоскостный стабилизаторъ и замѣнивъ скашиваніе крыльевъ плавниками.

Фарманъ нѣсколько измѣнилъ бипланъ Вуазена, замѣнивъ вертикальныя перегородки плавниками и разъединивъ бока коробки хвоста, благодаря чему у него получился двухплоскостный руль направленія. Сверхъ того онъ придѣлалъ къ колесному шасси болѣе пригодныя для спуска полозья.

Фарманъ, какъ уже сказано, достигъ наибольшей продолжительности (3 ч. 4 м.) и длины (180 килом.) полета.

Монопланъ Блеріо (рис. № 6), какъ и всякій монопланъ, имѣетъ поддерживающія поверхности, расположенныя въ одной плоскости. Видомъ своимъ онъ поразительно напоминаетъ стрекозу. Роль тѣла этой громадной стрекозы играетъ веретенообразный расширяющійся къ передней части аппарата и состоящій изъ связанныхъ между собою рамъ остовъ.



Рис. № 6.
Монопланъ Блеріо.

Къ остову у передней его части прикрѣплены два расположенныхъ въ одной плоскости крыла, общая площадь которыхъ = 22 кв. метрамъ.

Поперечное равновѣсіе достигается придѣланными къ крыльямъ плавниками, а продольное — рулемъ глубины расположеннымъ на продолженіи остова (сзади) и составляющимъ какъ бы стабилизаторъ.

Руль направленія расположенъ также позади.

Винтъ находится спереди аппарата; онъ имѣетъ 4 лопасти и приводится въ быстрое (до 1500 оборотовъ) вращеніе посредствомъ мотора въ 50 лощ. силъ, расположеннаго въ передней части остова.

Рядомъ съ моторомъ находится сидѣніе для пилота и рычаги.

Шасси трехколесное (два колеса подъ передней частью остова и одно подъ задней). Для смягченія ударовъ при спускѣ примѣнено особое суставчатое приспособленіе.

Блеріо на своемъ монопланѣ достигъ наибольшей зарегистрированной скорости движенія, именно свыше 76 километровъ въ часъ. Но построенный недавно монопланъ Сантосъ Дюмона „*Demoiselle*“ развиваетъ, какъ оказывается, еще большую скорость, именно около 90 километровъ въ часъ.

Нѣсколько видоизмѣненнымъ типомъ только что описаннаго моноплана Блеріо является монопланъ системы Антуанетъ.

Главное его отличіе заключается въ томъ, что крылья лежать не въ одной и той же плоскости, а нѣсколько приподняты снаружи, образуя очень тупой уголъ съ вершиной у сидѣнья для пилота. Сверхъ того стабилизаторъ значительно больше, а винтъ имѣетъ не 4, а всего лишь 2 лопасти.

На монопланѣ этой именно системы Латамъ побилъ рекордъ на высоту при состязаніяхъ въ Реймсѣ, достигнувъ 155 метровъ.

Впрочемъ, для аэроплановъ большая высота не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ для дирижаблей, по крайней мѣрѣ съ военной точки зрѣнія, такъ какъ даже на незначительной высотѣ около $\frac{1}{2}$ версты каждый аэропланъ будетъ казаться лишь точкой.

Латамомъ, какъ извѣстно, была уже достигнута высота 200 метровъ (около $\frac{1}{4}$ вер.). Съ этой именно высоты онъ упалъ благополучно въ Ламаншь.

Вообще говоря, порча винта или мотора у аэроплана на большой высотѣ гораздо болѣе безопасна, чѣмъ на малой, такъ какъ авіаторъ при этомъ имѣетъ полную возможность выправить свой полетъ внизъ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно спускаются на землю такъ называемымъ скользящимъ полетомъ по наклонной плоскости съ заложеніемъ, равнымъ 8 высотамъ.

Паденіе аэроплана съ небольшой высоты обыкновенно имѣетъ печальныя для авіаторовъ послѣдствія только потому, что не успѣваютъ захватить спускъ въ свои руки.

Монопланъ Сантосъ-Дюмона, носящій названіе „*Demoiselle*“ отличается отъ прочихъ аэроплановъ, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей своего устройства, главнымъ образомъ малыми размѣрами, легкостью вѣса, легкостью подъема съ земли и поразительной быстротой полета. Скорость его около 90 километровъ въ часъ; площадь поддерживающихъ поверхностей около 10 кв. метровъ, а вѣсъ вмѣстѣ съ пилотомъ около $7\frac{1}{2}$ пудовъ. Безъ авіатора онъ вѣситъ около 4 пудовъ. Аппаратъ этотъ пока еще сравнительно ненадеженъ въ полетахъ.

Общимъ недостаткомъ для всѣхъ аэроплановъ является невозможность подняться въ воздухъ безъ разбѣга по землѣ, что дѣлаетъ необходимымъ ненужное для полета шасси, а также невозможность круто подняться вверхъ, что тре-

буетъ наличія значительнаго по площади открытаго пространства.

Временнымъ недостаткомъ, общимъ для всѣхъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ, является тяжелый вѣсъ моторовъ при сравнительно слабой ихъ силѣ.

Если будетъ изобрѣтенъ легкій сильный моторъ, явится по всей вѣроятности возможность выработать какой-либо летальный аппаратъ, близко подходящій по типу къ аэропланамъ, но дающій возможность крутого безъ всякаго разбѣга подъема посредствомъ машущихъ крыльевъ (орнитоптеры) или посредствомъ винтовъ съ вертикальною осью (геликоптеры).

Не останавливаясь совершенно на орнитоптерахъ и геликоптерахъ по причинѣ недостаточнаго ихъ въ настоящее время развитія, мы однако-же сдѣлаемъ хотя бы краткое описаніе надѣлавшаго въ свое время не мало шума изобрѣтенія нашего соотечественника В. Татарина.

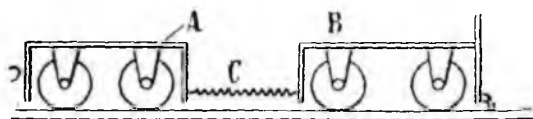


Рис. № 7.

А и В — телѣжки. С — пружина.

Идея этого изобрѣтенія весьма проста, и, если изобрѣтателю удастся побороть немалыя техническія затрудненія, успѣхъ, пожалуй, можно будетъ считать обеспеченнымъ.

Суть въ слѣдующемъ.

Возьмемъ двѣ поставленныя на рельсы телѣжки А. и В. (рис. № 7), соединенныя между собою упругою пружиной С.

Пусть одна изъ этихъ телѣжекъ (А) имѣетъ свободное движеніе назадъ и впередъ, тогда какъ другая (В) вслѣдствіе особаго приспособленія (хотя бы вслѣдствіе упора скользящаго по зубчатому рельсу) можетъ двигаться только впередъ, т. е. въ сторону телѣжки А. Если встать на телѣжку В и отталкивать шестомъ А, то движеніе получить только телѣжка А—въ сторону противоположную В. Телѣжка В двигаться не будетъ, такъ какъ устройство системы не допускаетъ подобнаго движенія.

При движеніи первой телѣжки пружина, соединяющая ее со второй, сильно растянется, а по прекращеніи отталкиванія телѣжки шестомъ пружина эта сожмется и потянетъ къ своей серединѣ обѣ телѣжки: А—назадъ, а В—впередъ. Такъ какъ телѣжка В двигаться впередъ можетъ, то стало

быть она (а съ нею, значитъ, и вся система) передвинется впередъ на нѣкоторую величину.

Второе отталкиваніе вновь продвинетъ всю систему настолько же впередъ, насколько она продвинулась отъ перваго отталкиванія. Въ третій разъ произойдетъ то же самое, и т. д. въ четвертый, пятый, шестой и послѣдующіе разы.

Такимъ образомъ вся система будетъ продвигаться только впередъ, не имѣя никакого движенія назадъ.

Если бы телѣжка В имѣла сильно затрудненное движеніе назадъ и совершенно свободное движеніе, впередъ получилось бы то же продвиганіе всей системы впередъ, хотя и съ нѣсколько меньшимъ результатомъ.

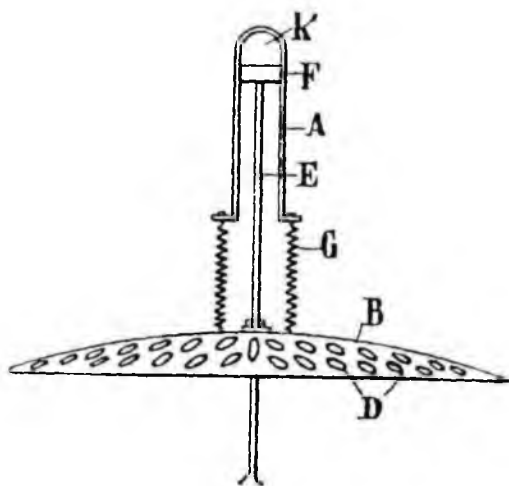


Рис. № 8.

Замѣнимъ первую телѣжку (А) пустотѣлымъ снарядомъ А (рис. № 8), по вертикальной оси котораго свободно движется поршень F, а вторую В—зонтомъ В, неподвижно прикрѣпленнымъ къ стеблю поршня G. Соединивъ снарядъ и зонть упругимъ образомъ, т. е. посредствомъ нѣсколькихъ упругихъ спиральныхъ пружинъ будемъ подталкивать вверхъ снарядъ А, хотя бы взрывами.

Тогда будетъ происходить нѣчто въ родѣ уже описаннаго съ телѣжками.

При взрывѣ въ пустотѣломъ снарядѣ, произведенномъ между головою его частью и поршнемъ, снарядъ получитъ быстрое движеніе вверхъ, а поршень такое же движеніе внизъ. Но снарядъ полетитъ вверхъ свободно, тогда какъ

поршень будетъ задержанъ большимъ сопротивленіемъ воздуха движенію внизъ раскрытаго зонта.

По окончаніи дѣйствія взрыва пружины, растянутыя движеніемъ снаряда вверхъ, будутъ сжиматься и потянутъ снарядъ А внизъ, что только нѣсколько уменьшитъ скорость его движенія вверхъ, а зонтъ В (и поршень Е) вверхъ. Для того, чтобы зонтъ свободнѣе двигался вверхъ, можно по нижней поверхности его устроить значительное число открывающихся при движеніи зонта вверхъ и закрывающихся при его движеніи внизъ клапановъ—Д.

Такимъ образомъ въ результатъ по окончаніи дѣйствія взрыва вся система окажется какъ бы нѣсколько подтянутою

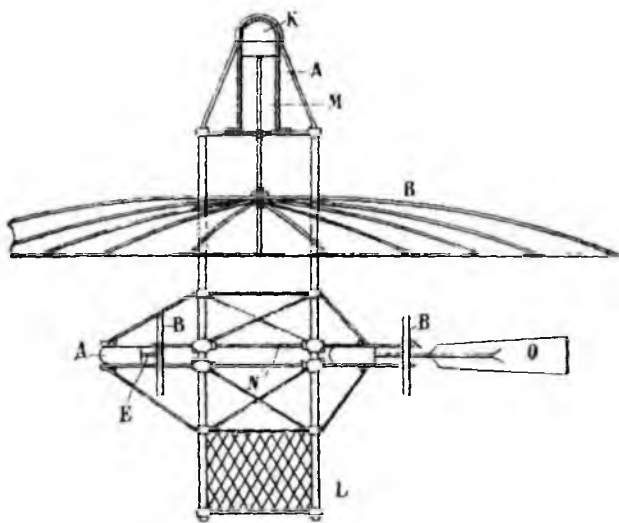


Рис. № 9.

вверхъ. Тогда надо произвести второй взрывъ, по окончаніи дѣйствія котораго третій и т. д.

Этимъ способомъ вся система можетъ быть поднята въ воздухъ.

Таковъ былъ первый аппаратъ, съ которымъ изобрѣтатель производилъ довольно удачные опыты.

Вмѣсто одного двигателя можно на аппаратъ устроить цѣлую систему такихъ двигателей, заставляя ихъ дѣйствовать либо всѣ вмѣстѣ, либо, еще лучше, разбивъ ихъ на двѣ группы для асинхроническаго дѣйствія.

Если устроить аппаратъ, имѣющій такіе двигатели, не только съ вертикальными, но и съ горизонтальными стерж-

нями, то онъ получить возможность двигаться не только вверхъ, но и впередъ.

Рисунокъ № 9 изображаетъ примѣрный аппаратъ, построенный по такой системѣ.

Гондола L твердо скрѣплена съ пустотѣлымъ снарядомъ и потому поднимается вмѣстѣ съ нимъ, такъ сказать, опираясь на воздухъ крыльями. (Но аппаратъ не машетъ крыльями, чѣмъ онъ и отличается рѣзко отъ орнитоптеровъ).

Въ горизонтальной рамѣ помѣщены 4 горизонтальныхъ двигателя (пропеллера) описаннаго типа или типа обыкновенныхъ воздушныхъ винтовъ.

Для направленія полета имѣется руль.

У насъ въ Россіи военное министерство отказалось отъ этого изобрѣтенія, несмотря на выданную изобрѣтателю субсидію, но во Франціи онъ на свое изобрѣтеніе получилъ 30-го іюля 1908 года привилегію (№ 390515). Изъ опубликованнаго 7 октября 1908 года текста привилегіи мы и заимствовали описаніе самаго изобрѣтенія.

Таково въ общихъ чертахъ современное воздухоплаваніе.

Какую роль придется сыграть ему на войнѣ, покажетъ, конечно, только будущее.

Но до извѣстной степени правильный взглядъ на этотъ вопросъ можно установить уже и теперь, основывая свои выводы частью на теоретическихъ разсужденіяхъ, частью на маневренныхъ и другихъ опытахъ мирнаго времени.

Къ этому и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

М. Дорманъ.

(Окончаніе будетъ.)





Въ турецкой кофейнѣ.

(Къ статьѣ „Турція сорокъ лѣтъ тому назадъ“, стр. 4.)



ШОПЕНГАУЕРЪ И ЕГО ФИЛОСОФІЯ.



II*).

сходнымъ пунктомъ пессимистическихъ размышлений Шопенгауера является то, что стійкая воля, не подчиняющаяся закону причинности, пожелала стать міромъ представленія. Въ этомъ мірѣ воля впервые познала свое несчастье съ того момента, какъ возникло человѣческое сознание, уже освободившееся отъ служенія интересамъ жизни и воли (а такимъ орудіемъ этихъ интересовъ сознание было на низшихъ ступеняхъ животнаго царства).

Въ изображеніи страданія всего существующаго философъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Тутъ на помощь приходитъ ему и даръ воображенія и умѣніе красиво выражаться. Еще путешествуя съ матерью по югу Франціи среди великолѣпной природы, онъ размышляетъ: на видъ эти предметы красивы, но каково имъ существовать.

Прежде всего Шопенгауеръ старается логически установить, почему въ самой природѣ воли лежитъ причина ея страданія.

Всякій актъ воли, всякое хотѣніе есть указаніе на отсутствіе чего-либо (чего хотятъ), на неудовлетвореніе. Желаніе и неудовлетвореніе — соотносительныя понятія. Но такъ какъ изъ самаго понятія воли вытекаетъ, что она вѣчно будетъ хотѣть, стремиться, ни на одинъ моментъ не остановится насладиться достигнутымъ резуль-

* Глава 2-я, см. „Свѣточъ“ янв. 1910 г., стр. 43.

татомъ, то, очевидно, вѣчнымъ спутникомъ всей жизни, которая есть проявленіе воли, будетъ страданіе, неудовлетворенность. Этимъ объясняется, по мнѣнію философа, то, что чувство удовольствія, счастье занимаютъ насъ только моментъ — и въ эти моменты мы ложно начинаемъ вѣрить въ возможность счастья. Но скоро же мы и позабываемъ объ этихъ иллюзіяхъ и несемъ на черныхъ крылахъ несчастья.

Вездѣ философъ видитъ уничтоженіе и смерть. Въ борьбѣ типовъ изъ-за обладанія матеріей, животныя и люди истребляютъ другъ друга и растенія; послѣднія также отнимаютъ другъ у друга свѣтъ и воздухъ. Въ исторіи человѣчества Шопенгауеръ усматриваетъ только увеличеніе страданія. Развитие культурной жизни увеличиваетъ потребности и, слѣдовательно, неудовлетворенность, развитие умственной жизни приноситъ предвѣдніе зла — человѣкъ уже въ молодыхъ годахъ страдаетъ, зная, что его въ будущемъ ожидаетъ старость и смерть, — тогда какъ животныя, живущія настоящимъ моментомъ, не страдаютъ отъ этого. Увеличивается горе людей и отъ развитія симпатическихъ чувствъ: мы страдаемъ не только за себя, но и за другихъ.

Сколько нибудь безпристрастному наблюдателю бросится въ глаза одностороннее освѣщеніе. Вездѣ взята обратная сторона медали. Радость проявленія жизни, радость удовлетворенія потребностей, достиженіе идеальныхъ цѣлей, жизнь вѣрой въ будущее, радость за счастье другихъ — всѣ эти стороны бытія игнорируются Шопенгауеромъ.

Красота формы и сила, съ которой философъ высказываетъ свои пессимистическія воззрѣнія, были причиной того, что многія его выраженія сдѣлались ходячими и не мало способствовали широкой популярности философа. Отъ многихъ изъ нихъ вѣетъ духомъ Байрона, съ которымъ Шопенгауеръ встрѣчался во время своего пребыванія въ Венеціи.

Потребности — причина неудовлетворенности; а за удовлетвореніемъ потребностей слѣдуетъ скука. Страданіе и нужда — удѣлъ низшихъ классовъ, а скука высшихъ. Шестъ дней недѣли это дни нужды, а седьмой, воскресенье — день скуки. Между горемъ и скукой медленно качается маятникъ жизни. Міръ есть худшее, что только можно вообразить; будь онъ немного хуже, и онъ не могъ бы существовать.

Нужда и скука принимаютъ у Шопенгауера характеръ общественныхъ бѣдствій, ведущихъ къ неистовствамъ массъ и заставляющихъ правительство принимать чрезвычайныя мѣры, давать народу хлѣбъ и зрѣлища *panem et circenses*.

Скука является даже источникомъ общенія существъ, которыя такъ ненавидятъ другъ друга, какъ люди. Все это — любопытные образчики истолкованія социальныхъ явлений метафизическими причинами.

Горе жизни — настолько доминирующій мотивъ Шопенгауеровской философіи, что искусство и ученіе о нравственности у философа имѣють главною цѣлью облегчить страданія людей.

Любопытно, что ближайшей причиной страданія человѣка является его индивидуальность. Индивидуальность есть вторая степень погруженія воли въ міръ представленія (первая степень проявленія воли — идеи), въ которомъ воля постигаетъ свое несчастье; индивидуальность сопровождаетъ и возникновеніе сознанія, при свѣтѣ коего воля себя созерцаетъ. Индивидуальность, наконецъ, принадлежитъ къ міру несвободы, къ міру, гдѣ царствуетъ законъ причинности. И воля, воплотившись въ рядъ индивидуальныхъ существъ, страдаетъ и отъ этой несвободы. Излагатели Шопенгауерской философіи справедливо полагаютъ, что такую оцѣнку индивидуальности философъ сдѣлалъ по своему жизненному опыту; всю жизнь, вѣдь, онъ страдалъ отъ неуравновѣшенности своего темперамента, отъ неудачъ по кафедрѣ и отъ неудачъ литературныхъ (въ первую половину дѣятельности). Выводомъ изъ всѣхъ этихъ положеній въ философіи Шопенгауера то, что ближайшей задачей страдающаго человѣчества является освобожденіе отъ своей индивидуальности.

Чтобы понять такую оцѣнку индивидуальнаго бытія, вѣру въ возможность отрѣшенія отъ него, надо припомнить, что еще Кантъ призналъ принадлежность человѣка двумъ мірамъ — 1) міру опыта, гдѣ человѣкъ, какъ и все находящееся въ этомъ мірѣ, подчиненъ закону причинности и другимъ законамъ, которыми нашъ духъ объединяетъ все воспринятое нами (см. выше объ этомъ), и 2) міру свободы, въ которомъ человѣкъ самоначально творитъ свое нравственное поведеніе, т. е. поступаетъ по правиламъ, которыя онъ самъ себѣ ставитъ, какъ законодатель, не подчиняясь какому-либо принужденію (міръ практическаго разума, гдѣ царствуетъ свободная воля). И въ тотъ моментъ, когда человѣкъ сознаетъ свободу своего дѣйствованія, сознаетъ себя творцемъ своихъ поступковъ, онъ и принадлежитъ къ міру свободы. Эта мысль о возможности перенестись въ тотъ міръ, міръ вѣры изъ оковъ земного бытія, была широко использована нѣмецкими философами начала XIX вѣка. Въ своихъ философскихъ системахъ они учили о проявленіи абсолютной силы, безконечнаго бытія во вселенной, учили о проявленіи Бога въ природѣ и о единеніи природы и человѣка съ Богомъ. Обычная человѣческая способность пониманія оказывалась слишкомъ слабой, чтобы постичь сущность этой безконечной, обладающей божественными свойствами силы, и естественно у философовъ должно было явиться ученіе о томъ, что и въ человѣческомъ ограниченномъ духѣ есть способности и чувства, которыми мы

можемъ понять эту божественную силу и при посредствѣ которыхъ мы можемъ постичь и ту Божественную силу, которая проявляется въ нашемъ духѣ. Эта же противоположность между Божественнымъ и человѣческимъ привели къ представлению о посредствующихъ существахъ между Богомъ и человѣкомъ (см. ниже ученіе объ идеяхъ). Таковыя идеи проходятъ красною нитью въ романтической философіи и въ романтической литературѣ.

Таковыми проводниками въ область абсолютнаго является либо непосредственное чувство (у Якоби), либо чувство благочестія, которымъ человѣкъ объединяется съ Божествомъ (у Шлейермахера). Фихте и Шеллингъ учили о способности умственнаго созерцанія (также въ видѣ непосредственнаго чувства) такихъ областей, какія непостижимы для обычнаго человѣческаго мышленія, созерцанія безгранично дѣйствующей силы, изъ коей возникаетъ наше я, напр. о способности созерцанія „чистой“ вѣчности. Въ ироніи романтики (Фридрихъ Шлегель) видѣли настроеніе, въ которомъ человѣческая душа паритъ надъ конечнымъ міромъ и созерцаетъ безконечное. Съ моральной точки зрѣнія нравственное сознание и вмѣненіе есть указанія на принадлежность человѣка міру свободы. Это Кантовское ученіе было принято у Шопенгауера, въ немъ нашли примиреніе и ученіе о свободѣ и ученіе о несвободѣ воли. Поскольку человѣкъ принадлежитъ къ тому міру, въ которомъ царствуетъ законъ причинности, поскольку его дѣйствія обусловлены рядомъ фактовъ, постольку воля его несвободна. Но поскольку дѣло идетъ о характерѣ, о нравственной личности человѣка, тутъ уже наше нравственное я отвѣтственно за направленіе нашего поведенія (или за характеръ), оно свободно избрало ту или другую дорогу для поведенія (ученіе о такъ называемомъ умопостигаемомъ характерѣ).

Всѣ эти данныя указываютъ на то, какъ вѣрзли романтики въ возможность отрѣшиться отъ господства управляющихъ жизнью законовъ и перенестись въ надзвѣздный міръ единенія съ Божествомъ. Позитивное знаніе разрушило эту вѣру.

Въ философіи послѣ Канта міровая воля или безконечная сила были Божествомъ, творившимъ міръ. Изъ свободы этой силы Шопенгауеръ сдѣлалъ тотъ выводъ, что при извѣстномъ положеніи вещей эта же сила или воля могла и отрицать результаты своего творчества, могла и опять возвратиться въ свое первоначальное существованіе. Если воля свободна въ направленіи своего проявленія, если она стоитъ внѣ господства какой-либо закономѣримости, отчего за ней не признатъ способности и возвратиться къ небытію—вмѣстѣ съ способностью произвести бытіе?

Если воля прошла черезъ свое проявленіе въ видѣ идей,

если она даже погрузилась въ міръ индивидуальныхъ существъ, такъ сказать разсѣялась въ видѣ множества индивидуальныхъ отчего же ей и не сдѣлать шага назадъ изъ сферы несвободы въ область чистыхъ идей и въ созерцаніи ихъ не отдохнуть отъ горя жизни. И практически воля дѣлаетъ этотъ шагъ назадъ, это въ тотъ моментъ, когда мы отъ злобы дня отдыхаемъ въ созерцаніи прекраснаго.

Здѣсь опять надо сказать о томъ освѣщеніи, которое Шопенгауеръ даетъ основнымъ идеямъ романтической философіи о происхожденіи вселенной. И въ философіи Шеллинга и Гегеля міровой духъ проходитъ черезъ рядъ превращеній, начиная отъ органической матеріи и кончая человѣкомъ, чтобы въ человѣческой душѣ, въ человѣческомъ самосознаніи познать свое тождество съ природой (которая вѣдь есть его же воплощеніе); цѣль развивающейся природы это достигнуть — въ человѣческомъ существѣ — состояніи личности. И личность и сознание являюся послѣдними цѣлями бытія: въ нихъ міровой духъ примиряется съ природой, видитъ въ ней себя, выходитъ изъ состоянія раздвоенія. Человѣкъ въ философіи Шеллинга это начало новаго завѣта, искупитель природы, посредникъ между ней и Божествомъ. Такія ученія, какъ и философія Фихте о творческомъ характерѣ „я“ (произведшаго міра), давала толчекъ къ культу человѣческой личности въ философіи Шлейермахера, въ сочиненіяхъ Новалиса. Этотъ культъ личности, индивидуальнаго, характерный для романтизма, въ особенности замѣтенъ на отношеніи романтиковъ къ геніальности.

По ученію Шопенгауера воля проходитъ, правда, цѣлый рядъ ступеней органической и неорганической природы, но не для того, чтобы созерцать свое единство съ послѣдней, а для того, чтобы въ конечномъ своемъ проявленіи въ человѣческомъ сознаніи постичь свое горе, несчастіе, на которое обреченъ міръ, и отъ него отъ своихъ результатовъ. Такимъ образомъ человѣкъ является у философа искупителемъ природы, но уже не въ томъ смыслѣ, какъ у Шеллинга. Актъ искупленія заключается въ томъ, что одержимыя сознаніемъ существа познаютъ міровое горе и ищутъ изъ него выходовъ. И идея искупленія Божества, томящагося въ оковахъ міра, играетъ большую роль у учениковъ Шопенгауера.

Такимъ образомъ сознание играетъ роль добраго генія въ философіи Шопенгауера, обнаруживая передъ людьми всю призрачность бытія. Но слѣпая воля не дремлетъ, ей надо проявляться. Какъ легендарный злой духъ, она обольщаетъ человѣка прелестями жизни, внушаетъ ему иллюзіи. Для молодости жизнь представляется интереснымъ романомъ. Радости удовлетвореннаго честолюбія и счастье любви къ женщинѣ заставляють человѣка цѣпляться за жизнь, несмотря на отрезвляющія указанія сознанія. Все это ковы злого

духа. Въ любви человекъ стремится къ размноженію, продолженію рода. Любовь соединяетъ такихъ индивидуумовъ, отъ коихъ можетъ произойти наилучшее въ жизненномъ отношеніи потомство. И все это для того, чтобы удовлетворить слѣдующему стремленію міровой воли къ проявленію подъ тѣмъ или другимъ видомъ бытія. Такимъ образомъ борьба существъ въ мірѣ переносится и на арену человѣческаго сознанія, въ которомъ борется воля къ жизни съ ея иллюзіями и сознаніе, указывающее на небытіе.

Въ противоположность романтическому культу индивидуальности послѣдняя въ философіи Шопенгауера имѣетъ, какъ мы видимъ, отрицательное значеніе, и отрѣшеніе отъ нея является условіемъ искупленія, освобожденіемъ отъ страданія.

Временное освобожденіе отъ страданія доставляетъ созерцаніе въ искусствѣ и нравственное поведеніе.

Такое отрѣшеніе личности и отдохновеніе отъ тягости жизни, доставляетъ созерцаніе прекраснаго. Предметомъ созерцанія является міръ идей — первая ступень объективации воли, еще не находящаяся подъ властью закона причинности. Выше мы говорили объ этомъ блаженномъ мірѣ идей въ философіи Шопенгауера. У философовъ-романтиковъ начала XIX вѣка идея играетъ роль посредствующаго звена между абсолютнымъ существомъ и индивидуальными твореніями — безъ этого посредства былъ бы слишкомъ великъ контрастъ между тѣмъ и другимъ, было бы непонятно проявленіе высшаго начала въ конечныхъ существахъ. Такое именно переходное состояніе между шеллинговскимъ Божествомъ и шопенгауеровской волей и конечными вещами занимаютъ идеи, напоминающая собою зоновъ гностической философіи и ангеловъ Филона. У Шеллинга и у современнаго ему Бо-стрема, главы шведской философіи, также философа романтика, идеи являются мыслями Божества.

Симптомомъ освобожденія отъ личности въ созерцаніи прекраснаго является отрѣшеніе отъ системы причинныхъ отношеній. Созерцая человекъ не спрашиваетъ о причинѣ, о цѣли, о мѣстѣ и о времени того, что онъ созерцаетъ. Онъ погружается въ созерцаемый предметъ, „теряется“ въ немъ, забываетъ свою индивидуальность. Онъ зреть идею и самъ онъ отрѣшенъ отъ индивидуальности. Созерцающій субъектъ уравнивается съ созерцаемымъ объектомъ: тотъ и другой индивидуальны.

Кто не узнаетъ въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Шопенгауера отзвуковъ стараго неоплатонизма, съ его погруженіемъ въ Божество, съ единеніемъ человѣческаго и Божественнаго въ экстазѣ и въ непосредственномъ откровеніи Божества человеку, съ потерей человекомъ индивидуальности въ моментъ такого единенія?

Мистика неоплатониковъ (Платона и его послѣдователей), не чуждая романтической философіи, была лишь въ данномъ случаѣ перенесена на эстетическую почву, гдѣ прекрасное и идеи играли роль Божества, а эстетическое созерцаніе имѣло характеръ экстаза.

Шопенгауеръ переносилъ эту точку зрѣнія утраты личности и вообще на отношеніе къ философскому умозрѣнію. Философъ болѣе чѣмъ кто-либо стремится охватить идеи міра и проникнуть въ суть послѣдняго, въ источникъ бытія, въ первоначальную волю. Въ философѣ болѣе чѣмъ въ комъ-либо происходитъ отрѣшеніе отъ индивидуальнаго и подготовка къ искупленію воли отъ оковъ бытія и индивидуальности.

Любопытенъ и контрастъ между романтизмомъ и смѣнившимъ его позитивизмомъ въ истолкованіи прекраснаго. Эстетика позитивизма придавала (напримѣръ Тэнъ) огромное значеніе типическому въ природѣ и въ исторіи, но не требовала отрѣшенія отъ личности, чтобы понять типическое, такъ какъ послѣднее не было для нея Божествомъ, а человѣческимъ продуктомъ отвлеченія. Происхожденіе же самаго чувства прекраснаго, связаннаго съ типическимъ, объяснялось позитивистами психологически или физиологически. Типическое для нихъ было общимъ представленіемъ, рождающимся въ человѣческой душѣ (результатомъ срашенія отдѣльных впечатлѣній), и послѣдней не надо было переродиться, чтобы понять типическое и его красоту. Для романтиковъ идеальное было Божествомъ и, чтобы понять это Божество, надо было и человѣку сдѣлаться Богомъ.

Такимъ образомъ предметъ прекрасенъ, поскольку въ немъ проявляется идея, идеальное. Но для приближенія къ міру идей нужны посредники, такъ же какъ между Богомъ и людьми посредниками являются жрецы. Такими жрецами искусства являются гениальныя природы. Основной чертой генія является созерцаніе идей и передача его другимъ обыкновеннымъ людямъ. Онъ—искупитель другихъ людей. Генію особенно свойствененъ экстазъ, сопровождающій созерцаніе идей. Творчество генія Шопенгауеръ сравниваетъ съ половымъ инстинктомъ. Геній это есть высшая норма человѣческаго подъема, когда человѣкъ становится полубогомъ. И обыкновенный человѣкъ въ минуты эстетическаго просвѣтленія доходитъ до такого состоянія.

Идеи проявляются въ природѣ въ видѣ восходящаго ряда отъ наиболѣе элементарныхъ силъ до высшихъ психическихъ единицъ съ увеличивающейся индивидуальностью. Высшую идею въ этомъ ряду представляетъ человѣческая индивидуальность.

И разныя искусства, въ коихъ осуществляется созерцаніе этихъ идей, располагаются въ такомъ же восходящемъ рядѣ.

начиная отъ архитектуры, воплощающей въ своихъ продуктахъ идеи низшаго вида: сцѣпленіе частицъ, давленіе, оказываемое однѣми массами на другія, и кончая поэзіей, изображающей типическое въ человѣческой душѣ либо во внѣшнихъ проявленіяхъ человѣка.

Музыка есть искусство изъ искусствъ. Если другія искусства отражаютъ первую степень эманации воли, идеи, то музыка есть непосредственное отраженіе самой единой воли. Въ музыкѣ мы входимъ въ общеніе непосредственно съ источникомъ жизни, съ единой волей. Въ музыкѣ непосредственное единеніе человѣка съ Богомъ.

Отражая единую волю, музыка въ то же время въ тонахъ отражаетъ и проявленія воли—идеи. Восходящій рядъ тоновъ отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высокихъ соотвѣтствуетъ восходящему ряду идей. Въ низкихъ, басовыхъ тонахъ воплощены силы неорганической природы, движеніе планетъ. Высокіе тоны изображаютъ жизнь растений и животныхъ. Пѣніе и мелодія высокихъ тоновъ символизируетъ внутреннюю природу человѣчества.

Метафизическій и въ то же время полной поэзіи взглядъ Шопенгауера на музыку, напоминающій Пифагоровское объясненіе ея, какъ отраженіе мірового ритма, оказало огромное вліяніе на современную музыку.

Чрезвычайно близко къ эстетикѣ Шопенгауера стоитъ эстетика его противника Гегеля; въ томъ и другомъ ученіи объ искусствѣ обнаруживаются общія основанія, изъ коихъ вышли оба міровоззрѣнія. И у Гегеля прекрасное есть проявленіе идеи въ предметѣ. Идея въ эстетикѣ Гегеля все болѣе и болѣе овладѣваетъ предметами, форма матеріей, начиная съ восточнаго или символическаго искусства, въ которомъ еще преобладаетъ матерія надъ формой, и кончая романтическимъ искусствомъ, гдѣ торжествуетъ одухотворенное начало, т. е. высшая идея или форма, надъ внѣшними рамками искусства, отступающими на задній планъ. Классическое искусство—равновѣсіе формы и содержанія. Кто не узнаетъ здѣсь въ своеобразномъ изложеніи повторенія Шопенгауеровскихъ идей (этимъ мы не говоримъ о заимствованіи), о борьбѣ идей между собой за обладаніе матеріей, восходящій рядъ идей въ искусствѣ. И у Гегеля архитектура—воплощеніе низшаго вида идей, поэзія же и музыка высшія искусства, воспринимающія въ себѣ начало другихъ искусствъ и ихъ примиряющія.

Другой современный философъ-романтикъ, Краузе, говоритъ, что въ искусствѣ индивидуальное творится согласно идеямъ. Высшимъ идеаломъ является сила Божества, и основное требованіе отъ произведеній искусства—это ихъ Богоподобіе.

Другой областью искупленія человѣка, гдѣ человѣкъ

поднимается надъ своею индивидуальностью—это область этики, нравственныхъ дѣйствій. Въ основѣ нравственности у Шопенгауера лежитъ не симпатическое чувство, не любовь, а состраданіе. Въ философіи, гдѣ вся жизнь представляется страданіемъ, и солидарность людей представляется состраданіемъ. На чувствѣ состраданія зиждутся два основныя чувства добродѣтели: справедливость, во имя которой я, ограничиваю свой эгоизмъ и любовь къ ближнему, во имя которой я, движимый состраданіемъ, спѣшу облегчить страданія другихъ, и не только людей, но и животныхъ.

Людей въ обыкновенномъ ихъ состояніи Шопенгауеръ рисуетъ настолько эгоистичными, что самое происхожденіе государства видитъ въ сознаваемой людьми необходимости обуздать крайнія губящія самихъ же людей проявленія эгоизма. Прозрачный покровъ Майи уединяетъ людей другъ отъ друга, каждый видитъ только себя и любить только себя.

Но и здѣсь наступаютъ минуты просвѣтленія и здѣсь сказывается необходимость отрѣшиться отъ индивидуальности. Въ эти минуты человѣкъ созерцаетъ себя и ближнихъ не какъ различныя существа, а какъ одно и то же бытіе, одну и ту же волю. Боль и несчастье другихъ онъ чувствуетъ, какъ свою боль и несчастье. И облегченіе страданій собрата получаетъ одинъ смыслъ съ облегченіемъ собственнаго страданія. Шопенгауеръ не разъ при этомъ цитируетъ изреченіе Ведъ (собраніе древнѣйшихъ индійскихъ священныхъ гимновъ): *tat twam* (вѣдь это ты), т. е. по толкованію Шопенгауера: ты солидаренъ со всѣмъ тѣмъ, что тебѣ кажется различнымъ отъ твоего я. На эту тему написанъ рассказъ Л. Толстого „Это ты“.

Такое воззрѣніе на существо нравственныхъ поступковъ родственно Кантовской философіи въ томъ отношеніи, что у Канта человѣкъ, творя себѣ нравственный законъ, являясь, такъ сказать, источникомъ послѣдняго, выступаетъ, какъ существо, принадлежащее не міру опыта, гдѣ все подчинено закону причинности, а міру свободы, умопостижаемому (такъ-называемому нуменальному). Иначе бы это творчество не было свободно, но было бы однимъ изъ звеньевъ безконечнаго ряда причинъ и слѣдствій.

Мотивъ состраданія, сближающій мораль Шопенгауера съ христіанствомъ, былъ причиной того, что въ глазахъ своихъ послѣдователей (Дейссенъ) онъ сталъ *philosophus christianissimus*.

Цѣннымъ моментомъ въ морали философа то, что онъ особенно выдвинулъ идею, что нравственное чувство есть вѣчно лежащее въ глубинахъ человѣческой природы. Моралисты утилитаріанскаго типа и до и послѣ Шопенгауера любили (начиная съ Гоббса и Бентама) изображать нрав-

ственность, какъ результатъ личнаго или коллективнаго расчета въ направленіи достиженія наибольшаго благополучія для людей.

Въ этомъ отношеніи полезно напомнить, что этими факторами еще объясняется далеко не все въ исторіи нравственности, что симпатическіе инстинкты шире сферы личнаго или коллективнаго расчета. И такое напоминаніе несомнѣнно заключается въ нравственномъ міровоззрѣніи философа.

Временныя освобожденія воли отъ тягости бытія, даваемые намъ созерцаніемъ искусства и совершеніемъ нравственныхъ дѣйствій, имѣютъ все-таки случайный характеръ: послѣ этихъ *lucida intervalla* воля продолжаетъ проявлять себя въ мірѣ явленій и страдать.

Но для человѣка не закрыть путь и къ уничтоженію воли, въ смыслѣ прекращенія ея объективации, ея проявленія въ призрачномъ мірѣ бытія. Выше мы уже говорили о томъ, что возможность прекращенія такого проявленія воли гармонируетъ съ началомъ ея объективации. Если она могла захотѣть бытія, отчего ей и не расхотѣть бытія. Эта возможность прекращенія воли къ жизни (*Wille zum Leben*) достигнута прежде всего для философовъ, постигшихъ суть воли, ея неразумный шагъ къ существованію и цѣлесообразность возвращенія въ первобытное состояніе. Доступно это прекращеніе воли къ жизни и для простака, инстинктивно понявшаго безсмысленность бытія.

Симптомомъ прекращенія воли Шопенгауеръ видитъ въ томъ, что у человѣка теряются мотивы къ жизни и къ пользованію жизнью и ея благами. Философу-пессимисту и всякому человѣку, раздѣляющему такое міровоззрѣніе, естественно терять вкусъ къ бытію и порывать нити, связывающія его съ міромъ Майи. Но Шопенгауеръ указываетъ цѣлый рядъ особенныхъ средствъ и путей къ достиженію этой конечной цѣли.

Интересно, что онъ такимъ путемъ считаетъ страданіе. Страданіе же у него являются и путемъ къ геніальности. Страданіе, какъ путь къ усовершенствованію, сдѣлалось и у Ницше исходнымъ пунктомъ и краеугольнымъ камнемъ его философіи.

Но и возможны добровольныя средства, которыя ведутъ человѣка къ той же цѣли. Это аскетическія упражненія, которыя были испробованы послѣдователями буддизма и аскетическихъ тенденцій христіанства. Шопенгауеръ преклоняется передъ буддійскимъ и христіанскимъ аскетизмомъ. Вѣдь аскетическіе подвиги: посты, бичеванія и др., умерщвляютъ тѣло, а оно-то и есть главное орудіе воли, оно-то и вмѣщаетъ въ себѣ наиболѣе интенсивные мотивы наслажденій жизнью. Но кромѣ того аскетизмъ рекомендуетъ и

одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для прекращенія жизни, т. е. проявленія воли, — это цѣломудріе и безбрачіе. Источникъ жизни, т. е. половое общеніе, долженъ изсякнуть.

Шопенгауеръ совершенно справедливо протестовалъ противъ взгляда, что самоубійство должно съ его точки зрѣнія быть однимъ изъ такихъ же средствъ къ прекращенію проявленія воли. Онъ указывалъ на то, что самоубійца желаетъ избавиться не отъ воли въ жизни, а отъ извѣстныхъ тягостныхъ для него условій; этимъ онъ только показываетъ вкусъ къ жизни, а не отрицаніе ея.

Ненавистна была съ точки зрѣнія философа и исторія человѣчества, которая en masse есть разсказъ о проявленіяхъ воли въ жизни и о стремленіяхъ людей жить и наслаждаться жизнью. Исторія человѣчества есть не исторія отрицанія, а исторія утвержденія жизни. Прогресса нѣтъ, и эпиграфомъ къ философи исторіи Шопенгауера могли бы служить слова Фауста:

Soll ich vielleicht in Tausend Büchern lesen,
Dass überall die Menschen sich gequält
Dass sie und da ein Glücklicher gewesen? *)

Но аскетизмъ имѣлъ для Шопенгауера значеніе и потому, что онъ опять-таки приводилъ къ излюбленному имъ экстазу, какъ состоянію, разрѣшающему жизненныя противорѣчія.

Повидимому, въ этихъ состояніяхъ экстаза Шопенгауеръ и искалъ объясненія той высшей жизни, которая наступить за прекращеніемъ призрачной. Онъ цитируетъ при этомъ слова подвижницы Mad. de Guion: мнѣ все безразлично; я не могу ничего желать: часто я не бываю увѣрена, живу ли я или нѣтъ: „зенитъ славы, жизнь, гдѣ нѣтъ ночи, жизнь, которая, даже умирая, не боится смерти, потому что смерть побѣждаетъ смерть, и тотъ, кто разъ умеръ, не умретъ вторично“.

Не подъ формой небытія рисуется Шопенгауеру та высшая жизнь, которую онъ назвалъ Нирваною и которую первые ученики Будды представляли, какъ угашеніе жизни. Эта жизнь ему представляется то въ видѣ экстатическаго состоянія, то въ формѣ уничтоженія противорѣчій жизни и возвращенія къ тому бытію, о которомъ мечтали и Шеллингъ и Гегель, изображая единство творческаго духа и творимой имъ природы.

Нирвана, по мысли Шопенгауера, ничто для тѣхъ, которые погрязли въ проявленіяхъ воли. „Но для тѣхъ, въ которыхъ осуществилось отрицаніе воли, весь нашъ реальный

*) Неужто долженъ я читать во многихъ книгахъ,
Что человѣкъ вездѣ страдалъ
здѣсь и тамъ счастливый попадался.

міръ съ его солнечными системами ничто“. Этими словами кончается главное сочиненіе Шопенгауера.

Чтобы оцѣнить значеніе философіи Шопенгауера, надо остановиться на слѣдующихъ ея сторонахъ:

Эта философія стоитъ въ ряду романтическихъ системъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ: 1) Объясненіе сущности міра изъ природы человѣческаго я, какъ у Фихте, у Шеллинга и Гегеля. Только взяты инстинктивные элементы этого я: воля и инстинктъ. 2) Подчеркиваніе индивидуальности,—съ одной стороны, въ отрицательной оцѣнкѣ послѣдней: въ ученіи объ освобожденіи воли, и, съ другой стороны, въ положительной: въ ученіи о гениі. 3) Подчеркиваніе инстинктивнаго, безсознательнаго. 4) Идеализація востока, главнымъ образомъ древне-индійскихъ религіозныхъ системъ и въ особенности буддизма, съ которыми Шопенгауеръ былъ знакомъ по работамъ Кольбрука и по переводамъ Анкетиль де Перрона. 5) Идеализація христіанства и среднихъ вѣковъ со стороны аскетическихъ тенденцій. 6) Культъ искусства, имѣвшаго особенное значеніе въ романтическихъ философскихъ системахъ.

По своему характеру Шопенгауеровская философія не принадлежитъ къ прогрессивной, революціонной вполнѣ романтической философіи съ Фихте во главѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она сродни съ романтизмомъ, ищущимъ примиренія съ современными религіозными воззрѣніями, идеализирующимъ востокъ и средніе вѣка — таковыми были воззрѣнія Новалиса, мысли Шеллинга и Фридриха Шлегеля въ ихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Но было бы несправедливо назвать Шопенгауеровскую философію оппортунистической; нѣтъ, она не стремилась къ компромиссамъ. Она грѣшила скорѣе другимъ, это былъ радикализмъ отрицанія жизни. Вслѣдствіе этого Шопенгауеровская философія подкупаетъ насъ искренностью и не грѣшитъ половинчатостью оппортунистическихъ міровоззрѣній.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это уже падающая волна настроенія, создавшаго культуру первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Шопенгауеровская философія есть кладбище романтической философіи, усѣянное прекрасными цвѣтами. Творческіе порывы духа, характеризующіе системы Фихте и Шеллинга въ первыхъ періодахъ ихъ творчества, здѣсь какъ бы застываютъ, витаютъ какъ метафизическія сущности; въ системѣ нѣтъ движенія, скорѣе застой. Нерѣдко основные принципы этой философіи раскрываются лишь по сравненіи ея съ философскими системами Фихте и Шеллинга. И самъ Шопенгауеръ не проходилъ тѣхъ колебаній въ своемъ міровоззрѣніи, какъ Фихте и Шеллингъ. Оно у него сразу вылилось въ опредѣленную форму, такъ сказать, съ старческимъ характеромъ. Болѣе того

въ его философіи виденъ уже переломъ, новая эпоха вторгается въ романтическую систему.

Въ системѣ нашего философа отразилась и другая особенность современныхъ ему романтическихъ міровоззрѣній. Въ романтической философіи повторяется старый процессъ античной философіи, процессъ возникновенія религиозныхъ системъ изъ системъ Платона и Аристотеля. Религиозная потребность въ первые вѣка нашей эры создавала Божественныя существа изъ философскихъ понятій и метафизическихъ сущностей. Въмѣстѣ съ религиозными ученіями неопифагорейцевъ и стоиковъ I вѣка до Рождества Христова возникаютъ системы, стремящіяся оправдать и освѣтить философскими началами современныя іудейскія и христіанскія ученія. На этой почвѣ появляются грандіозныя системы Филона и Плотина, на этой же почвѣ во II вѣкѣ развиваются гностическія секты. Это та же потребность, которая приводитъ низшіе слои народа къ развитію сектанства, въ то время когда еще существуетъ религиозный подъемъ и исканіе независимаго отъ господствующей церкви религиознаго міровоззрѣнія.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что изъ чисто абстрактныхъ началъ кантовской философіи, какъ вещь въ себѣ (Ding an sich), или разумъ, какъ система понятій, съ помощью коихъ мы толкуемъ явленія опыта, образуются Божества Фихте и Шеллинга. Рѣдкій изъ философовъ той эпохи, начиная съ Канта, одной ногой уже стоящаго въ романтизмъ, и кончая Гегелемъ, не толкуетъ въ своемъ смыслѣ основные догматы христіанской вѣры: троичность Божества, первородный грѣхъ, идею искупленія.

Такой же попыткой, религиозной системы, системы пессимизма и искупленія, является и ученіе Шопенгауера. Она начинается съ чуда: шагомъ воли къ бытію и кончается чудомъ—отрицаніемъ и уничтоженіемъ бытія. Эти основные факты стоятъ по ту сторону закона достаточнаго основанія и законовъ доступнаго намъ объясненія явленій.

Въ догматѣ христіанства о первородномъ грѣхѣ Шопенгауеръ видитъ религиозное признаніе ученія о паденіи воли, когда она перешла въ міръ представленій. Надо замѣтить, что съ точки зрѣнія Шопенгауера шагъ воли къ бытію, ея объективация, были ея первичной виной, первороднымъ грѣхомъ.

Природа, какъ объективация воли, нашла себѣ символъ въ ветхомъ Адамѣ. Въ догматахъ спасенія благодатью и искупленія Шопенгауеръ видитъ отраженіе ученія объ отрицаніи воли въ жизни. Это отрицаніе есть такое же дѣло свободы воли, какъ ея объективация. Христось олицетворяетъ отрицаніе воли въ жизни, какъ Адамъ утверженіе ея. Освобожденіе воли отъ первороднаго грѣха, отъ ея про-

явленій въ жизни—такова, по мнѣнію философа, идея христіанскаго искупленія. Религіозное освѣщеніе дѣлается еще интенсивнѣе въ системахъ учениковъ Шопенгауера. И самъ философъ смотритъ на себя, какъ на создателя новой религіи пессимизма и искупленія.

Конечно, религіозныя попытки романтиковъ, возникавшія на философской почвѣ, достаточно абстрактной и кромѣ того проникнутой критическими элементами, возникавшія кромѣ того для круговъ обществъ, не обладающихъ достаточно интенсивными религіозными потребностями, не могли, естественно, образовать что-либо сходнаго съ сектантскими общинами, но, конечно, посильно удовлетворяли и давали форму религіознымъ потребностямъ пессимистически настроенныхъ интеллигентныхъ слоевъ общества.

Рядомъ съ отрицательной стороной шопенгауеровскаго міровоззрѣнія, парализующаго желаніе работать для интересовъ и прогресса жизни, не надо забывать и положительной стороны шопенгауеровскаго ученія, заключающагося въ томъ, что онъ выдвигаетъ идеальные элементы: отреченіе отъ воли къ жизни, чувство состраданія, воспитываетъ вкусъ къ искусству.

Для развитія позднѣйшаго научнаго міровоззрѣнія Шопенгауеръ имѣетъ значеніе и въ слѣдующихъ направленіяхъ.

Во-первыхъ, онъ подчеркнул и выдвинулъ значеніе полусознательныхъ и безсознательныхъ явленій, чѣмъ, какъ было сказано выше, онъ далъ толчекъ къ развитію такъ называемыхъ волюнтаристическихъ доктринъ. Современная философія и наука въ психологіи, психіатріи, въ области социальныхъ знаній съ особеннымъ вниманіемъ относятся къ изученію полусознательныхъ и инстинктивныхъ явленій.

Во-вторыхъ, Шопенгауеръ больше, чѣмъ кто либо изъ другихъ романтиковъ, подчеркнул, хотя и по метафизическимъ основаніямъ, значеніе такъ-называемаго ирраціональнаго элемента, не поддающагося усиліямъ нашего разума (*ratio*) объяснить этотъ противящійся логикѣ элементъ. Мы говоримъ о волѣ Шопенгауера, надъ которой законъ достаточнаго основанія не имѣетъ власти. Романтики вѣрили въ возможность объяснить весь міръ и всѣ явленія изъ основныхъ понятій и аксіомъ, присущихъ нашему разуму, въ родѣ закона тождества и противорѣчія. Эта вѣра идетъ еще со временъ раціонализма. На этой почвѣ возникла система Гегеля, пытавшаяся уловить вселенную въ сѣть логическихъ аксіомъ. Подчеркивая значеніе неподдающагося этимъ логическимъ выкладкамъ элемента, Шопенгауеръ подготавливаетъ путь для позитивистическаго міровоззрѣнія, ищущаго законовъ, объясняющихъ явленія нашего опыта въ немъ самомъ, а не въ воспринимающемъ этотъ опытъ духѣ.

Вѣяніе позитивизма со стороны матеріалистическихъ и эволюціонныхъ доктринъ сказывается во взглядахъ Шопенгауера на борьбу типовъ изъ-за обладанія матеріей, на отношеніе сознанія къ мозгу, о чемъ было сказано выше.

Тѣмъ не менѣе по существу философія Шопенгауера остается романтической. Пессимистическій характеръ этой философіи, конечно, выходитъ изъ предѣловъ научной оцѣнки. Какъ оптимизмъ Лейбница, такъ и пессимизмъ Шопенгауера—это дѣло настроенія философовъ и раздѣляющихъ ихъ воззрѣнія эпохъ.

П. Бѣляевъ.

* * *

Бдетъ по полю коляска.
 Вечерѣтъ. Сыро, вязко;
 Запахъ травяной;
 Коростель бѣжитъ по лугу,
 Клича дальнюю подругу —
 Въ тишинѣ ночной.

Я люблю въ дали туманной
 Этотъ крикъ скрипучій, странный
 Въ сумракѣ ночномъ;
 Такъ и мы по свѣту рыщемъ,
 И душой чего-то ищемъ
 И зовемъ, зовемъ!

Б. Каховскій.



СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ КОВАЛЕНСКІЙ.

(Изъ воспоминаній).



сенью минувшаго года застрѣлился тайный совѣтникъ сенаторъ С. Г. Коваленскій!..

Его предсмертныя слова, его краткое духовное завѣщаніе гласятъ, что онъ былъ всегда вѣрнымъ подданнымъ Государя и всей душой преданъ Россіи. И эти завѣтныя мысли и слова трактованы какъ „посмертная реабилитация“.

Такъ недавно, всего четыре — пять лѣтъ тому назадъ, С. Г. Коваленскій былъ такой свѣжій, бодрый, энергичный, красивый... И вдругъ сорокадевятилѣтній сенаторъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, какъ лишній пасынокъ Россіи... Просто невѣроятно!.. Ужасно!..

Я видѣла Коваленскаго всего три раза въ своей жизни: два раза мелькомъ и одинъ разъ провела съ нимъ цѣлый день при исключительной обстановкѣ.

Первый разъ я услышала это имя въ Петербургѣ въ 1900 г. по поводу доставки двухъ экземпляровъ прелестныхъ бѣлыхъ самоѣдскихъ ласкъ изъ Обдорска для Н. В. Муравь-



Скопецъ самоучка - механикъ и фотографъ изъ кр. Харьковской г.

ева, тогда министра юстиціи. Проживя недолго, эти собаки погибли, и я замѣнила ихъ бѣлыми изъ своего питомника и лично сдала ихъ Н. В. „для Вали“, какъ сказалъ онъ, показывая мнѣ послѣднюю фотографію сына,—мальчика въ курточкѣ. Не прошло десяти лѣтъ, а „Валя“ уже дипломатъ при французскомъ посольствѣ въ Парижѣ, Н. В. Муравьева нѣтъ въ живыхъ, не стало такъ трагически и С. Г. Коваленскаго.

Имя Коваленскаго ровно ничего мнѣ не говорило, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Иркутскѣ мнѣ показали двухъ джентльменовъ въ штатскомъ и сказали:—это председатель судебной палаты Кастриото - Скандербекъ - Дрекаловичъ, а это прокуроръ палаты Коваленскій. Оба были высокіе и красивые брюнеты.



Домъ, въ которомъ авторъ принималъ Коваленскаго.

Коваленскій считался строгимъ и требовательнымъ. Онъ имѣлъ свои особые вкусы, которыхъ придерживался, за что его не всѣ любили.

Но онъ не давалъ въ обиду чиновъ судебного вѣдомства, и престижъ его въ то время стоялъ высоко.

Самъ С. Г. для Сибири былъ *persona grata*. Обвиняли его къ приверженности къ дисциплинѣ и въ томъ, что С. Г. придавалъ значеніе и внѣшности: воспитанности, манерамъ, представительности, хотя впоследствии мои личныя наблюденія этого не оправдали. Относительно дисциплины тогда произошелъ такой случай. Приѣхалъ въ Сибирь по вызову старшій кандидатъ на судебныя должности молодой челоувѣкъ П. съ юга. Коваленскій былъ въ отпускѣ. П. представился тому, кто въ тотъ моментъ олицетворялъ прокурора палаты. И на этомъ успокоился: прокурору палаты представился! Коваленскаго онъ не видалъ въ глаза, какъ говорится. И не интересовался—приѣхалъ ли тотъ изъ отпуска. Прошло порядочно времени, какъ злополучный кандидатъ все замѣчаетъ, что его все внимательно разсматриваетъ какой-то судейскій генераль. „Мѣряетъ глазами съ ногъ до головы“....—Ну, думаю, мало ли ихъ въ палатѣ? Какой-нибудь изъ членовъ палаты. Прошло еще нѣкоторое время, какъ злополучному кандидату сообщаютъ:—Васъ требуетъ прокуроръ Палаты къ себѣ. Надѣлъ мундиръ и отправился въ кабинетъ къ генералу и не успѣлъ войти, какъ Коваленскій встаетъ, раскланивается и говоритъ:—Позвольте представиться: прокуроръ Иркутской Судебной Палаты!

— Извините, ваше пр-во, я представлялся прокурору Палаты....

— Но я счелъ нужнымъ вамъ представиться: меня интересуетъ, кто служитъ у меня въ палатѣ.... Не хотите ли сигару?..

Кандидатъ былъ совершенно сконфуженъ этой смѣсью изысканной вѣжливости съ злой ироніей.

И въ послѣдствіи ему Коваленскій далеко не покровительствовалъ.

Въ скоромъ времени мнѣ пришлось непосредственно слѣдить за развитіемъ одного событія, когда личность С. Г.



Окрестности г. Олекминска.

Коваленскаго освѣтилась съ иной стороны. Это происходило въ Якутской области, въ Олекминскомъ округѣ. Извѣстно, что испоконъ вѣка туда ссылались сектанты и преимущественно скопцы.

Это была вполнѣ безправная и беззащитная часть населенія. Это были овцы, которыхъ стригли, когда хотѣли.

Десять лѣтъ тому назадъ въ г. Олекминскѣ прикатилъ нѣкій совѣтникъ губернскаго (областнаго) присутствія для ревизіи, но велъ себя въ всѣхъ отношеніяхъ предосудительно въ высшей степени.

Разъ ночью во второмъ часу въ камеру слѣдственно-мирового судьи постучали, слезно умоляя отворить. Но очень важному дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

Отворили.

Это была группа скопцовъ.

Съ дрожью въ голосѣ, со слезами на глазахъ скопцы пали на колѣни и стали молить о заступничествѣ и защитѣ.
— Намъ больше некуда обращаться! Мы погибли. Все добро наше погибло.

Всѣ скопцы трудолюбивы и зажиточны.

Они рассказали, какъ ихъ уже нѣсколько дней притѣсняютъ. Съ нихъ требуютъ разныхъ крупныхъ пожертвованій на разныя дѣла. Сейчасъ съ одного скопца взяли 200 рублей на благотворительныя дѣла, какъ выкупъ за какія-то провинности, а теперь въ продолженіе трехъ часовъ требуютъ доставить пять тысячъ, иначе сошлютъ на Колыму.

— Лошади запряжены, а мы отпущены за деньгами.

Совѣтъ могъ быть одинъ: не жалѣя платы за слова, послать подробныя срочныя телеграммы генераль-губернатору и прокурору палаты, не медля ни минуты и заплативъ за отвѣты.

Скопцы такъ и поступили. Въ городѣ не было прокурорскаго надзора, а потому въ тотъ же день слѣдственно-мировой судья получилъ отъ прокурора палаты телеграмму, въ которой Коваленскій просилъ „возможно подробно, не стѣсняясь, телеграфировать, что происходитъ съ скопцами въ Олекминскѣ“.

Отвѣтъ былъ въ 600 словъ. Въ продолженіе сутокъ былъ вызванъ генераль-губернаторомъ въ Иркутскъ ревизоръ, а скопцы свободно вздохнули.

Этотъ членъ областного присутствія вскорѣ былъ отстраненъ отъ должности и преданъ суду.

Тогда въ „Недѣлѣ“ Гайдебурова была помѣщена корреспонденція: „Продажа индульгенцій въ г. Олекминскѣ“.

У „ревизора“ были защитники въ Якутскѣ, и не возмись за это дѣло Коваленскій, оно бы было замято. Зато благодаря вмѣшательству Коваленскаго безправное положеніе скопческаго населенія было парализовано, и нравы мѣстной администраціи волей-неволей улучшились.

Любимецъ губернатора, исправникъ Олекминскій, былъ также убранъ.

Заслуги С. Г. Коваленскаго въ этомъ дѣлѣ были весьма важны и поступки его были первыми лучами законности и правосудія въ безпросвѣтной жизни этой далекой окраины.

Онъ могъ передать жалобу скопцовъ на административное усмотрѣніе и умыть руки. Это для него было бы много покойнѣе.



Пристань г. Олекминска.

С. Г. Коваленскій былъ убѣжденный и дѣйствительный блюститель закона, какъ я его себѣ представляю и понимаю.

Лѣтомъ въ 1901 г. въ Якутскѣ ждали генераль-губернатора и прокурора судебной палаты. Путь пароходный въ Якутскѣ лежитъ мимо г. Олекминска на р. Ленѣ, гдѣ расположена была остановка на нѣсколько часовъ.

Губернаторъ В. Н. Скр—нъ проѣхалъ навстрѣчу генераль-губернатора до границы области, а прокуроръ якутскаго окружного суда прѣхалъ встрѣчать С. Г. Коваленскаго

къ намъ „въ Олекму“. И мы очень хорошо провели эти два-три дня. А. А. Шульцъ былъ веселый и живой человекъ, не лишенный юмора.

Олекминскъ и на городъ-то непохожъ: двѣ улицы, изъ нихъ одна береговая. И ни одного каменнаго зданія. Параллельно р. Ленѣ позади города тянется высокая уваль, точно остатки древняго



Встрѣча въ г. Олекминскѣ Пантелѣва и Коваленскаго.

крѣпостнаго вала, поросшаго отъ времени лѣскомъ и кустарникомъ. Къ югу уваль возвышался, превращался въ горы и на концѣ города въ самомъ высокомъ мѣстѣ стояла древняя казачья церковь съ краснымъ крыльцомъ и слюдяными окнами. Этой церкви было двѣсти лѣтъ. Мѣстность, украшенная этой церковью, была очень живописна, открывая чудный видъ на просторъ величественной Лены.

Сюда мы любили ходить гулять.

Хотя г. Олекминскъ и резиденція сокращеннаго штата администраціи, но носить характеръ города якутовъ, скопцовъ и политическихъ ссыльныхъ.

На сей разъ въ обыкновенно сонномъ городкѣ царило особаго рода оживленіе уже нѣсколько дней. Улицы чистились и подметались. Казаки повытащили изъ кладовой запасную одежду, папахи и шапки и каждый день маршировали, не смущаясь разнообразіемъ своей формы. Обучались

они военному искусству впервые въ жизни. „Забытое войско“—якутскій казачій полкъ былъ пѣшій и несъ только полицейскія обязанности, такъ какъ полиціи тогда не было въ Олекминскѣ.

Въ камерѣ слѣдственно-мирового участка тоже подготовлялись: занимались дольше обыкновеннаго, исправляли „недочеты“ въ „настольномъ“ и т. под.

Прокуроръ „перечиталъ“ всѣ слѣдственныя дѣла, чтобы быть въ курсѣ... И даже написалъ какое-то „предложеніе“.

Не мало волненія и заботы внесли поиски цирюльника. Машинки ни у кого не было, а казакъ, умѣющій стричь, отсутствовалъ. Бладобреевъ-профессионаловъ въ Олекмѣ не водилось.



Окрестности г. Олекминска.

Что тутъ дѣлать?! Возможное ли дѣло встрѣчать Коваленскаго небритымъ, нестриженнымъ! Чортъ знаетъ, что такое!

Наступилъ канунъ прибытія.. Олекминская администрація нарубила молоденькихъ березокъ и какъ въ Троицу украсила городъ, особенно пристань, т. е. берегъ, гдѣ полагалось пристать пароходу... „Конторки“ не имѣлось.

„Наши“, т. е. судейскіе, такъ и не могли найти бладобрея, даже импровизованнаго не было. Ни даже портного... Прокуроръ долженъ былъ воспользоваться моими услугами перешить галстукъ. Наконецъ побрились кое-какъ сами и довольно благополучно. Но стричься!..

— Нельзя же діаконами встрѣчать прокурора палаты... Да еще Коваленскаго, который не терпѣлъ неряшливой внѣшности.

— Господа! Давайте я васъ остригу.

- Благодаримъ покорно!
- Воображаю...
- Но вы напоминаете нигилистовъ старыхъ времянь.
- Ну, положимъ, не совсѣмъ...
- А все-таки...

У меня были тоже приготовленія. Готовили моихъ лошадей къ прокурорскому выѣзду. Чистили и мазали сбрую.. Лошади паслись въ саду, на нихъ ѣздить было некуда. Оттого и экипажа не заводили. Для прокурора палаты разыскали приличную телѣжку у кого-то изъ скопцовъ.

Все нужно было наладить, примѣрить и сдѣлать пробу.

Въ день пріѣзда встали раньше обыкновеннаго. По расписанію пароходъ долженъ былъ придти рано утромъ, но пришелъ къ десяти часамъ.



Набережная г. Олекминска.

— Такъ приказано было!—разсказывалъ намъ послѣ капитанъ,—въ пяти верстахъ отъ Олекминска сколько круговъ на одномъ мѣстѣ даль! Полнымъ ходомъ:—кругомъ да кругомъ!..

Пріѣхали честь-честью... На берегу толпа, власти, казаки!. То озабоченныя лица, то торжественныя, то любопытныя... Послѣ любезнаго пріема встрѣчавшихъ—въ церковь отправились, потомъ въ арестантскую, въ казачью, въ присутственныя мѣста и на пароходъ, который въ срокъ отошелъ отъ пристани.

Коваленскій сказалъ, что остановится на обратномъ пути.

Скопческое дѣло было не по вкусу губернатору, и онъ противъ судейскихъ „имѣлъ зубъ“. Въ общемъ В. Н. С.—нѣ

производилъ пріятное впечатлѣніе: онъ былъ простъ и привѣтливъ. Но сязвить при случаѣ онъ умѣлъ. И такой случай представился на пароходѣ.

В. Н. С.—нъ при генераль-губернаторѣ говорить между прочимъ Коваленскому:

— А знаете, ваше п—во, у вашихъ судей письмоводители изъ поднадзорныхъ. Это какъ-то не совсѣмъ удобно...

— Да-а?! Такая сторона, что замѣнить некъмъ... А вотъ у васъ, ваше п—во, поднадзорные дѣтокъ обучаютъ, несмотря на то, что въ Якутскѣ есть и учебныя заведенія и учителя вполне легальные.

Своихъ судейскихъ Коваленскій никогда не давалъ въ обиду умѣлъ защитить.

Изъ Якутска С. Г. Коваленскаго провожалъ председатель суда, уѣзжавшій совсѣмъ.

Пароходъ пришелъ въ 8 ч. утра, а въ 10 ч. С. Г. Коваленскій былъ уже въ камерѣ и смотрѣлъ дѣла. Председатель зашелъ ко мнѣ. Въ двѣнадцатомъ часу я ему говорю:—Какъ быть?.. А у меня вѣдь пирогъ въ печкѣ... Съ налимьими печенками...

— Прекрасно...

Я вопросительно смотрю на двери камеры.

— И его приобщимъ.

— Я незнакома.

— Пустяки.

Немного погодя председатель пошелъ и пригласилъ С. Г. на пирогъ.

Къ пирогу уха изъ стерлядей... еще что-то, а на выручку всегда имѣется сингапурскій ананасъ. Ну, и конечно „вдова клико“ или въ этомъ родѣ.

Накрыли завтракъ въ бесѣдкѣ, въ саду.

И вотъ теперь я могла оцѣнить недюжинный умъ, юморъ, находчивость С. Г. Онъ былъ пріятный собесѣдникъ и очень интересная личность. При томъ онъ былъ очень наблюдателенъ...

Въ третьемъ часу полагалось подать чай... Въ четыре—ничто не показывало, чтобы гости хотѣли собираться... Нужно было поторопиться съ улучшеніемъ обѣда...



Къ пріѣзду Пантелѣва
и Коваленскаго.

Послѣ обѣда мы снимались, и разговоръ былъ неизсякаемъ, несмотря на *четвертый* свистокъ на пароходѣ. Къ счастью пароходы останавливались у дома черезъ дорогу.

Съ большимъ интересомъ С. Г. разспрашивалъ о нашемъ путешествіи, которое было описано въ „Живописной Россіи“, о жизни въ Якутскѣ, въ Олекмѣ.

Вообще онъ былъ очень простъ и очень милъ. Пароходъ ушелъ въ 8 ч. вечера.

Когда В. Р. Завадскій смѣнилъ сенатора Кастріото, я поняла, что они съ С. Г. не сойдутся, и сказала это.

Спустя нѣкоторое время, въ Петербургѣ неосторожное слово, необдуманый шагъ предъ министромъ Н. В. Муравьевымъ многое испортилъ. Шагъ этотъ былъ невѣрный по отношенію сенатора Завадскаго; и С. Г. былъ переведенъ въ Тифлисъ на таковую должность, а говорили, онъ мечталъ получить предсѣдателя палаты.

Потомъ Варшава, Мин. Вн. дѣлъ, Сенатъ...

С. Г. Коваленскій былъ блюститель закона до мозга костей, убѣжденный, и только отсюда могло исходить, какъ выяснилось, его нежеланіе парализовать, кастрировать законы сенатскими рѣшеніями. Въ этомъ онъ былъ постояненъ всю свою жизнь.

Добрые люди, какъ оказывается, сумѣли придать окраску... Или С. Г. Коваленскаго просто не поняли! Онъ палъ жертвой недоразумѣній, а какъ еще могъ бы быть много-полезенъ! Былъ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ!..

„Я былъ вѣрнымъ подданнымъ моего Государя и всей душой преданъ Россіи“. Эти послѣднія слова выдають самое больное. Напрасныя подозрѣнія безвременно свели въ могилу полнаго силъ дѣятеля!

Вѣчный ему покой!

М. Сулима.





ГРАНИЦЫ МІРА.

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочестъ пески, лучи планетъ.—
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ...

Державинъ.



еще въ глубокой древности многими филосогами высказывалась мысль о невозможности для человѣка постигнуть окружающій его міръ, проникнуть въ тайны бытія и установить предѣлы вселенной. Позднѣйшіе успѣхи знанія, постепенно расширяя область доступнаго человѣку міра, открывали ему все новыя и новыя явленія природы и все болѣе раздвигали эти предѣлы. Но все еще многое оставалось въ мірѣ таинственнымъ, неразгаданнымъ и неизслѣдованнымъ. Такимъ путемъ создавалось представленіе о безконечномъ разнообразіи вселенной и о безграничномъ ея протяженіи.

И таковъ дѣйствительно міръ—„въ себѣ“,—въ его абсолютномъ значеніи. Онъ такъ же великъ и такъ же непостижимъ, какъ великъ и непостижимъ создавшій его Творецъ.

И никогда, не взирая на всѣ сдѣланныя уже и возможныя въ будущемъ завоеванія въ области знаній, не суждено человѣку познать міръ въ его безконечномъ пространствѣ и разнообразіи. Многое откроется еще человѣку. Онъ проникнетъ въ глубины морей, вознесется въ заоблачныя выси, онъ установитъ сношенія съ обитателями иныхъ планетъ, одержитъ побѣду надъ временемъ и пространствомъ и, быть можетъ, измѣнитъ свою собственную природу,—но никогда не будетъ онъ въ состояніи сказать, что онъ постигъ великую загадку всего существующаго, что для него открыты

всѣ тайны вселенной. Этого не дано человѣку волею Творца. Создавъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, Творецъ вселенной воздвигнулъ предѣлы для человѣческаго познанія,— Онъ опредѣлилъ границы доступнаго человѣку міра, поставивъ ихъ въ зависимость отъ самой природы человѣка. То же сдѣлалъ онъ и по отношенію всѣхъ прочихъ живыхъ существъ.

Человѣкъ получаетъ представленіе обо всемъ окружающемъ его, а слѣдовательно, и о всемъ мірѣ, на основаніи тѣхъ впечатлѣній, какія онъ воспринимаетъ при помощи тѣхъ немногихъ органовъ чувствъ, которыми онъ надѣленъ отъ природы. Поэтому, міръ для человѣка является такимъ, какимъ онъ ему *кажется*, и, быть можетъ, вовсе не такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Несомнѣнно, что всякое вообще знаніе, имѣющее своимъ источникомъ чувство,— въ значительной степени обманчиво. Наша человѣческая картина міра есть, по всей вѣроятности, только одна изъ множества разнообразныхъ картинъ, въ какихъ тотъ же самый міръ рисуется другимъ живымъ существамъ, обладающимъ иными органами чувствъ и иными средствами воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній.

Весьма вѣроятно, что всѣ прочія живыя существа, населяющія нашъ міръ, представляютъ его себѣ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ кажется человѣку, и притомъ каждое изъ нихъ создаетъ себѣ особое представленіе объ окружающемъ его мірѣ, отличное отъ прочихъ. Все зависитъ отъ разнообразія, количества и степени доступныхъ каждому изъ нихъ воспріятій.

Развѣ могутъ быть одинаковы, напримѣръ, міръ земляного червя, получающаго внѣшнія впечатлѣнія лишь путемъ непосредственнаго осязанія, и міръ человѣка, одареннаго пятью развитыми органами чувствъ, посредствомъ которыхъ онъ воспринимаетъ самыя разностороннія ощущенія, создающія ему представленіе объ окружающемъ его мірѣ.

Утрата одного какого-либо изъ органовъ чувствъ уже лишаетъ человѣка цѣлаго ряда связанныхъ съ этимъ органомъ ощущеній и соотвѣтственно суживаетъ границы доступнаго ему міра. Для человѣка, отъ природы лишеннаго зрѣнія, міръ представляется, несомнѣнно, инымъ, нежели для человѣка, обладающаго этимъ органомъ чувствъ. О многомъ, что его окружаетъ, онъ не имѣетъ совершенно никакого понятія. Его міръ лишень красокъ, блеска и яркости, въ немъ нѣтъ ни свѣта ни тѣней, придающихъ ему жизнь.

Отсутствие слуха создаетъ опять совсѣмъ иное представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Для человѣка, лишеннаго слуха, нашъ обычный, полный жизни и звуковъ міръ кажется абсолютно тихимъ и безмолвнымъ какъ могила.

Еще болѣе ограниченнымъ, разумѣется, будетъ міръ лю-

дей, которыхъ природа не надѣлила ни слухомъ ни зрѣніемъ. Но этотъ міръ не только болѣе ограниченъ, но онъ, несомнѣнно, вовсе не тотъ, каковъ онъ для людей, обладающихъ всѣми органами чувствъ,—и намъ даже трудно представить себѣ, какимъ онъ можетъ быть.

Даже степень развитія того или другого изъ органовъ чувствъ, несомнѣнно, имѣетъ громадное вліяніе на характеръ и объемъ воспринимаемаго, а слѣдовательно, и на тѣ представленія, какія создаются у человѣка объ окружающемъ его мірѣ.

Человѣкъ близорукій, плохо и мало видящій, воспринимаетъ только часть того, что доступно для воспріятія человѣка съ нормальнымъ зрѣніемъ. Слѣдовательно, и его міръ является уже болѣе или менѣе ограниченнымъ. Слабость слуха тоже ограничиваетъ доступный человѣку міръ, равно какъ и недостаточное развитіе прочихъ органовъ чувствъ.

Но даже обладая и вполнѣ нормально развитыми органами чувствъ, человѣкъ все-таки не въ состояніи воспринять весьма многое изъ окружающаго его міра, а слѣдовательно, и составить себѣ объ этомъ какое-либо представленіе. Несовершенство этихъ органовъ опредѣляетъ границы доступнаго ему міра. Существуетъ множество звуковъ, которыхъ наше ухо не въ состояніи слышать, а также цвѣтныхъ оттѣнковъ, которыхъ не въ состояніи различить наше зрѣніе.

Дѣйствительно, если бы явилась возможность увеличить степень воспримчивости органовъ чувствъ человѣка, эти границы значительно бы раздвинулись,—и для него открылся бы, быть можетъ, совершенно новый міръ.

Телескопъ и микроскопъ, расширивъ предѣлы зрѣнія человѣка, открыли ему многое, о чемъ онъ доселѣ и не подозревалъ. Одинъ—приблизилъ къ человѣку отдаленныя свѣтила и планеты; другой—раскрылъ ему тайны строенія организмовъ и цѣлыя міры невидимыхъ до сего времени живыхъ существъ.

Микрофонъ, усиливая звуки и давая возможность человѣку слышать то, что до сихъ поръ ускользало отъ его слуха, обогатилъ его новыми, совершенно еще неизвѣданными имъ впечатлѣніями.

А сколько еще недоступнаго для нашего зрѣнія, слуха и другихъ органовъ чувствъ существуетъ въ окружающемъ насъ мірѣ и ждетъ своей очереди. Сколько существуетъ зрительныхъ, слуховыхъ и иныхъ впечатлѣній совершенно неизвѣстныхъ еще въ настоящее время для человѣка. По всей вѣроятности, цѣлый міръ, и міръ, быть можетъ, еще болѣе обширный, нежели тотъ, что мы знаемъ, скрывается за предѣлами нашихъ чувствъ. Наука, въ своемъ стремленіи впередъ, непрестанно раздвигаетъ эти предѣлы, увеличивая объемъ воспринимаемаго нами. Тѣмъ не менѣе тотъ міръ,

который доступенъ познанію человѣка, безусловно весьма ограниченъ,—и границы эти обусловливаются самою природою человѣка и недостаточностью его органовъ чувствъ. Для воспріятія многихъ впечатлѣній у насъ даже вовсе нѣтъ соотвѣтственныхъ органовъ.

Между тѣмъ такіе органы могутъ быть и, дѣйствительно, есть у нѣкоторыхъ животныхъ. Многія животныя способны слышать звуки, недоступные нашему слуху, и воспринимать лучи, не производящіе на насъ никакого впечатлѣнія, какъ на примѣръ химическіе, ультра-фіолетовые. Нѣкоторые животныя обладаютъ такими органами чувствъ, какихъ нѣтъ у человѣка,—на примѣръ термоптический глазъ у амфибій, органъ, воспринимаящій какъ свѣтотыя, такъ и теплотыя ощущенія,—помѣщающійся на темени животнаго.

Помимо степени воспримчивости органовъ чувствъ, самый характеръ человѣка имѣетъ вліяніе на тѣ представленія, какія онъ создаетъ себѣ объ окружающемъ его мірѣ.

Несомнѣнно, что для сангвиника, на примѣръ, міръ кажется совсѣмъ инымъ, нежели для флегматика, меланхолика или холерика. Все зависитъ отъ точки зрѣнія,—и вообще природа имѣетъ столько обликовъ, сколько существуетъ на нее различныхъ точекъ зрѣнія.

Это каждый, вѣроятно, не разъ испытывалъ на себѣ самомъ. Одно и то же явленіе зачастую кажется намъ совершенно различнымъ въ зависимости отъ того, наблюдаемъ ли мы его въ спокойномъ, уравновѣшенномъ состояніи духа, или же, наоборотъ, въ состояніи возбужденія.— и опять различно, если это возбужденіе вызвано радостью, восторгомъ или же гнѣвомъ и раздраженіемъ. Все равно, какъ одинъ и тотъ же предметъ покажется намъ совершенно различнымъ, если мы будемъ его разсматривать съ различныхъ сторонъ, снизу или же сверху, съ высоты птичьяго полета.

Разница въ степени умственнаго развитія человѣка также имѣетъ вліяніе на характеръ картины рисующагося ему міра. Человѣкъ мало развитой, ограниченный, умственно-близорукій, поверхностно наблюдающій, имѣетъ, очевидно, совершенно иное представленіе о мірѣ, нежели человѣкъ съ чуткою, воспримчивою душой, обладающій высокимъ умственнымъ развитіемъ, вдумчиво относящійся ко всему наблюдаемому имъ и создающій на основаніи того, что было непосредственно воспринято его органами чувствъ,—новые образы и представленія.

Вообще, все приводитъ къ заключенію, что тѣ представленія, какія имѣетъ каждый объ окружающемъ его мірѣ,—въ значительной степени условны и субъективны, т. е. каждый представляетъ себѣ міръ по-своему въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей своего характера, степени

умственного развитія, воспріимчивости и многих иныхъ условій.

Иначе сказать, каждый носить въ себѣ свой міръ, и этотъ міръ заключенъ въ извѣстныхъ границахъ, предѣлы которыхъ различны для каждаго человѣка. Самъ же по себѣ міръ—безграниченъ и безпредѣленъ, непостижимъ и полонъ неразгаданныхъ еще тайнъ, къ разрѣшенію которыхъ человѣкъ можетъ приблизиться, но никогда не будетъ въ состояніи постичь ихъ въ полной мѣрѣ.

Міръ, во всей его безграничности, во всемъ его разнообразіи, — міръ, какъ цѣлое и законченное созданіе, — міръ, какъ обитель Вездѣсущаго и Всенаполняющаго Творца, — недоступенъ для изслѣдованія человѣческаго. Гордому и пытливому уму человѣка волею Творца открыта лишь небольшая часть этого міра, настолько малая въ сравненіи со всѣмъ міромъ, насколько ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи съ Великимъ Создателемъ этого міра.

И человѣкъ, не взирая на всѣ успѣхи своихъ знаній, генія и таланта, долженъ непрестанно помнить объ этой „безмѣрной разности“ и, смиряя пробуждающіяся въ немъ гордость и самомнѣніе, преисполняться чувствомъ искренней благодарности и благоговѣнія къ Творцу этого міра.

М. Лысковскій.





МЫСЛИ.



Халатное отношеніе ко всему, что лично не принадлежитъ намъ, доказываетъ, кромѣ крайней недобросовѣстности, еще и некультурность.

„Пропадай, гори, сгнивай, вѣдь это не наше добро, а общественное или казенное“, — таковъ лозунгъ почти всѣхъ россіянь. За границей дѣло обстоитъ совершенно иначе: тамъ на общественную собственность смотрятъ какъ на нѣчто священное и неприкосновенное. Парки, сады, лѣса, скверы, монументы, — все тамъ строго оберегается отъ порчи и всякихъ случайностей. тогда какъ у насъ даже памятники великихъ людей находятся, большею частію, въ невозможномъ жалкомъ состояніи, а жилища нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей и поэтовъ горятъ какъ дрова! Сгорѣлъ Пушкинскій домъ въ селѣ Михайловскомъ, сгорѣлъ домъ Тургенева въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, а во время погромовъ была сожжена усадьба, принадлежащая поэту, графу А. К. Толстому.

За границей, въ особенности у англичанъ, за этими жилищами смотрѣли бы во сто глазъ, учредивъ за ними неустанный надзоръ, а у насъ наймутъ одного сторожа, да еще и ключи отъ дверей потеряютъ; загорѣлся домъ, а внутрь его и попасть-то даже нельзя, чтобы спасти хотя что-нибудь изъ вещей или обстановки, принадлежащихъ великому человѣку. Въ подтвержденіе своихъ словъ относительно умѣлаго и заботливаго обращенія англичанъ съ об-

щественной и частной собственностью приводимъ фактъ, заимствованный нами изъ „Голоса Москвы“: „Одинъ разбогачившій американецъ захотѣлъ въ своемъ имѣннн устроить англійскій „лоунъ“. Онъ пригласилъ англійскаго садовника и попросилъ его сдѣлать это на слѣдующій же годъ. Садовникъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Невозможно, сэръ,—сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, устройте въ два года.

— Невозможно, сэръ.

— Но почему же у васъ въ Англии лоунъ имѣется при каждомъ почти коттеджѣ?

— Потому что мы ихъ сѣмъ, мы ихъ подемъ, мы ихъ поливаемъ, мы ихъ катаемъ и снова сѣмъ, подемъ, поливаемъ, катаемъ, и такъ тысячу лѣтъ, сэръ.“

Вотъ почему при многихъ зданіяхъ въ Англии находятся прелестные зеленые бархатные луга, о которыхъ у насъ въ Россіи и понятія даже не имѣютъ. Въ заключеніе скажемъ, что культурность всякой націи узнается, между прочимъ, еще и потому, какъ она относится къ своимъ роднымъ талантамъ. Если знаменитый человѣкъ у себя на родинѣ пользуется извѣстнымъ достаткомъ и комфортомъ, если его жизнь обезпечена, то это значить, что та нація, къ которой онъ принадлежитъ,—культурная нація, но если же талантливый человѣкъ чуть не умираетъ съ голоду у себя дома или чахнетъ въ своей подвальной квартирѣ, въ родѣ нашего великаго критика Бѣлинскаго, то тогда безошибочно можно сказать, что его современники стоятъ еще, сравнительно, на низшей ступени умственнаго развитія. Знаменитый Менделѣевъ былъ оцѣненъ и прославился своими учеными трудами прежде всего въ Англии, а не въ Россіи. Мечниковъ уже столько лѣтъ живетъ за границей и только какъ гость пріѣзжаетъ изъ Парижа на родину. Все это—многоговорящіе факты изъ безконечнаго ряда подобныхъ же фактовъ!

Н. Ивинская.





КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. **Русскій ежегодникъ 1910.** 2-й годъ изданія. Изд. М. Б. Москва 1910 г. Цѣна 65 к.

Календарямъ у насъ мало придается значенія. Но это совершенно неосновательно. Календари часто имѣютъ пространство болѣе широкое, нежели любая книга. Они проникаютъ во всѣ слои общества отъ пышныхъ хоромъ богачей до жалкихъ лачугъ бѣдняковъ. Вотъ почему относиться къ нимъ слѣдуетъ серьезнѣе. Они могутъ явиться проводниками какъ доброй, такъ и злой мысли, внѣдрять въ сознаніе населенія какъ благія воспитательныя начала, такъ равно и возвращать народную душу порнографіей и вольнодумствомъ. Издатели-предприниматели учитываютъ ихъ исключительно съ коммерческой точки зрѣнія. Недаромъ же при календаряхъ прикладывается обыкновенно такая масса всякихъ рекламъ и объявленій. Для приманки сухіе календарные отдѣлы сдабриваются иногда интереснымъ матеріаломъ, ибо цѣль у издателя одна—нажива. Въ лучшемъ случаѣ такія изданія не принесутъ никакой пользы; въ худшемъ—онѣ будутъ тѣми отравленными стрѣлами, которыя разнесутъ повсюду свой губительный ядъ, учестъ вредъ котораго на духовный народный организмъ не представляется никакой возможности. А между тѣмъ календари могли бы приносить положительную пользу и быть важнымъ факторомъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія.

Именно таковымъ и является календарь, изданный М. Б. Составитель этого превосходнаго ежегодника, изъ скромности, не выставилъ даже своего имени. Но это не умаляетъ зна-

ченія его благороднаго труда. Солидной книгѣ въ 35 печатныхъ листовъ съ богатымъ матеріаломъ для чтенія и со спец. справочн. свѣдѣніями авторъ сумѣлъ придать вполне русскій характеръ. Въ хрестоматичной формѣ тутъ можно найти все, что дорого русскому сердцу и народному духу: благоговѣйное отношеніе къ отечественнымъ святынямъ и религіознымъ реликвіямъ, уваженіе къ ея вѣковѣчнымъ устоямъ и принципамъ, преклоненіе предъ родными талантами и героями. Выборъ статей сдѣланъ тщательно, а компонована книга съ тою любовью къ дѣлу, которая показываетъ явно, что изданіе принадлежитъ не коммерсанту-предпринимателю, а человѣку идеи. Предприниматель не далъ бы такого обилія и разнообразія рисунковъ и иллюстрацій, которыми такъ щедро украшенъ ежегодникъ. Притомъ многіе рисунки на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги. Это большая роскошь для столь дешеваго изданія: за книгу въ 35 печатн. лист. назначено лишь 65 коп. Очевидно, коммерческіе расчеты тутъ не имѣли мѣста.

Въ литературн. отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе статьи объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, о Гоголѣ и многія др.; а изъ рисунковъ—превосходные портреты царствующей фамилии, о. Іоаннъ Кронштадтскаго, снимки съ различныхъ картинъ русскихъ художниковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее: не мѣшало бы автору издать календарь хотя меньшій по объему, но по цѣнѣ еще болѣе дешевый, для того, чтобы его распространить среди самыхъ недостаточныхъ слоевъ населенія и тѣмъ принести еще большую услугу родинѣ, для которой идейный авторъ, видимо, не пожалѣлъ ни матеріальныхъ затратъ ни усиленнаго труда. Отъ души привѣтствуемъ это благое начинаніе и желаемъ ему успѣха. Въ наше время, при пониженіи національнаго самосознанія и господства эгоизма, особенно пріятно отмѣтить такое проявленіе патріотизма и такое безкорыстное идейное служеніе родинѣ.

А. К—ва.

2. Софья Дьяченко.—О пчелахъ и продуктахъ, доставляемыхъ ими. (Чтеніе для школъ и народа.) Съ 25 рис. Тип. Т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1909 г. Ц. 30 к.

Въ этой небольшой, опрятно изданной книжкѣ воспроизведена, главнымъ образомъ, анатомія пчелъ. Простымъ и живымъ языкомъ подробно рассказано о строеніи тѣла пчелъ, что еще пояснено и многими соотвѣтствующими иллюстраціями. Затѣмъ охарактеризована жизнь этихъ насѣкомыхъ и отмѣчена приносимая ими польза. Вотъ та небольшая прс-

грамма, которая выполнена хорошо. Книжка вполне отвѣчаетъ той цѣли, которой предназначена, какъ—чтеніе для школы и народа.

Къ тому же и цѣна ея—30 к.—общедоступна. Въ ней нѣтъ только описанія разныхъ системъ ульевъ, безъ чего книжка не можетъ служить пособіемъ при разведеніи ульевъ. А крестьянинъ любитъ всякое приобретаемое свѣдѣніе тотчасъ примѣнять на практикѣ. Книжка ограничивается сообщеніемъ научныхъ данныхъ и можетъ служить пособіемъ при урокахъ естествознанія. Но она выиграла бы, если бы могла служить и элементарнымъ практическимъ руководствомъ для начинающаго пчеловода.

А. Н.

З. А. И. Эртель. Собраніе сочиненій. — *Московское книгоиздательство. Т. I—VI. Москва 1909 г.*



А. И. Эртель.

А. И. Эртель принадлежит къ плеядѣ тѣхъ писателей, которые тщательно изучали бытъ, внимательно слѣдили за всѣми перипетіями русской жизни, вдумчиво относясь къ ея разнообразнымъ проявленіямъ и воспроизводя живыя фигуры на страницахъ своихъ сочиненій

Мало кто такъ пишетъ теперь; наблюденіе быта — это тяжелый трудъ, который далеко не всѣмъ по силамъ. Гораздо легче пробавляться собственными измышленіями и подъ тѣмъ или другимъ моднымъ соусомъ преподносить ихъ читателю. Насколько это полезно, никто не заботится. Такое чисто кабинетное пи-

санье изъ головы, не дающее знакомства съ дѣйствительностью, вредно тѣмъ, что удаляетъ читателя отъ жизни, разъединяетъ съ нею и даетъ о ней невѣрное представленіе. Обыватель, занятый своими повседневными дѣлами, не можетъ самъ заниматься наблюденіями. Это дѣлали для него писатели и тѣмъ обслуживали его, давая готовый матеріалъ для обогащенія здоровой любознательности. Такъ именно смотрѣлъ на свою писательскую службу Эртель. Недаромъ же изъ его произведеній бьетъ ключомъ сама жизнь, не выдуманная, не прикрашенная, а такая, какая она есть на самомъ дѣлѣ, съ ея заурядными трудовыми буднями и рѣдкими полосками просвѣта—праздниками. Таковы и его герои, часто герои толпы, заурядные и сѣренькіе, но вылъпленные

съ такую тщательностью и любовью, что они получили необыкновенную рельефность и реальность.

Въ первомъ томѣ собранія сочиненій Эртеля помѣщены его „Записки степняка“, съ которыхъ собственно и началась его писательская извѣстность, но наибольшей пластичности скульптура Эртеля достигла, по нашему мнѣнію, въ „Гардениныхъ“. Здѣсь каждое лицо облечено живою плотью и кровью. Возьмите хоть Николая Рахманнаго, сына управляющаго имѣніемъ Гардениныхъ, деревенскаго дичка, стремящагося къ образованію, что ему до нѣкоторой степени и удастся при помощи другого такого же бывшего дичка—сына конюшаго—Ефрема Капитоновича, но уже сдѣлавшагося студентомъ-медикомъ. Далѣе не менѣе ярко охарактеризована трагическая личность Аггея Данилыча, сбитаго съ толку чтеніемъ Вольтера и потому ставшаго атеистомъ. Противовѣсомъ ему служить религіозный мыслитель однодворецъ Арефій Сукновалъ, ведущій *прю о вѣръ* со столяромъ Иваномъ Ѳедотычемъ, по типу нѣсколько приближающимся къ Акимѣ Толстому.

Весь этотъ романъ состоитъ изъ ряда эпизодовъ. Эпизодомъ представляется и любовь барышни Гардениной къ Ефрему Капитонову, за котораго она вышла замужъ, за что старика конюшаго прогнали съ мѣста. Съ горя Капитонъ покончилъ жизнь самоубійствомъ! Эпизодическій характеръ носятъ и романическія приключенія Николая Рахманнаго, отбившаго жену у Ивана Ѳедотыча, который ушелъ странствовать. Въ общемъ на этомъ романѣ замѣтно отразилось вліяніе Толстого, что не отрицалъ и самъ Эртель. Романъ представляется широко задуманной эпической картиной, охватившей цѣлую полосу жизни переходнаго времени въ степномъ хозяйствѣ, въ отношеніяхъ владѣльцевъ имѣнія и администраціи къ крестьянству, въ чередованіи пережитковъ крѣпостническаго быта съ новыми нарождающимися условіями. Замыселъ романа именно въ томъ и состоялъ, чтобы показать теченіе новыхъ мыслей и понятій, воспрянувшихъ и забродившихъ въ нашей глуши сразу послѣ великой реформы—освобожденія крестьянъ.

Въ другомъ романѣ Эртеля—„Смѣна“—описывается та культурно-общественная метаморфоза, силою которой сходить со сцены интеллигентные люди барскихъ привычекъ, люди тонкаго воспитанія, уступая свое мѣсто людямъ болѣе грубымъ, но зато болѣе приспособленнымъ къ суровой житейской борьбѣ. Герой романа, Андрей Мансуровъ, обаятельный интеллигентъ съ „поэтическимъ гвоздемъ“, нелѣпо погибаетъ отъ случайнаго выстрѣла, не въ него и направленнаго, очутившись среди игроковъ, у женщины легкаго поведенія, бывшей мансуровской крѣпостной. Сестра Андрея Мансурова, Елизавета Петровна — убѣжденная народница.

Она уходитъ съ Алешей въ паломничество, но возвращается потомъ домой разочарованная. Въ этомъ романѣ, какъ и вообще у Эртеля въ произведеніяхъ, выведено множество разныхъ лицъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Отличительная черта его—это склонность къ хоровымъ исполненіямъ.

Переходя отъ жанра къ пейзажу, слѣдуетъ отмѣтить, что Эртель любилъ природу и живо ее чувствовалъ. Стоитъ только припомнить глубоко правдивую картину ранней весною въ лѣсу въ разсказѣ „Жолтиковъ“, которая такъ и просится на полотно. Въ общемъ талантъ Эртеля очень симпатичный и глубокий.

Можно только порадоваться выходу въ свѣтъ собранія его сочиненій въ столь прекрасномъ изданіи, украшенномъ превосходнымъ портретомъ. Назначенная цѣна относительно невысока. Этому изящному изданію слѣдуетъ пожелать добраго успѣха.

А. Д.





Письма изъ Петербурга.

VII *).

Красный туманъ.—Садъ пытокъ.—У кормила правленія.—„Мелочи“ дня.—
Вѣсковые и полувѣсковые.

„Тайна Лештукова переулка“ разрѣшилась скорѣе, чѣмъ предполагали, въ Парижѣ въ зданіи Международнаго банка по всѣмъ правиламъ финальныхъ сценъ переводныхъ романовъ, рисующихъ торжество добродѣтели и наказаніе порока.

Представитель правосудія, схвативъ молодого человѣка за руки, на французскомъ языкѣ торжественно изрекъ:

— Именемъ закова я васъ арестую!

А по-русски добавилъ:

— Инженеръ Андрей Гилевичъ, вы арестованы!

Вотъ обычный финаль этого далеко необычнаго дѣла, которое заставило встrepенуться всѣхъ отъ мала до велика.

Напомню слегка характерныя детали страшнаго преступленія, страшнаго по тому хладнокровію и обдуманности, съ какими оно было совершено.

Уголь Фонтанки и Лештукова переулка, въ квартирѣ г-жи Котовичъ былъ найденъ въ постели трупъ обезглавленнаго мужчины. Голова была оскальпирована. Лицо — безъ губъ, вѣкъ, носа — настолько обезображено, что невозможно было составить даже отдаленное представленіе объ убитомъ. Орудіе преступленія — кинжалъ и бритва — лежали въ комнатѣ, тутъ же было оставлено платье съ мѣтками магазина Жака въ Москвѣ.

Вотъ и всѣ нити, которыя получила слѣдственная власть. Комната принадлежала жильцу, снявшему ее за нѣсколько дней до преступленія и назвавшагося фамиліей Федорова.

Сразу же стали возникать предположенія, одно другаго фантастичнѣе.

*) Письма I—VI напеч. въ журналѣ въ 1909 г.

Не обошлось, конечно, и безъ пресловутаго Азефа: долго и упорно увѣряли, что убитый — онъ.

Затѣмъ газеты съ необычайной ясностью установили какъ фактъ: убійство это — политическое, и уже приняты мѣры наблюденія за нашими границами. Убійца — революціонеръ, новидимому изъ партіи максималистовъ.

Наконецъ на сцену появляется студентъ, который проситъ показать ему трупъ, такъ какъ у него есть основанія предполагать, что убитъ его братъ.

Въ неузнаваемо-искромсанномъ трупѣ студентъ быстро узналъ своего брата инженера Андрея Гилевича.

Это была первая нить, если не для поимки убійцы, то хоть для опознанія убитаго.

Прижатый къ стѣнѣ различными вопросами, студентъ Константинъ Гилевичъ повелъ себя странно. То торопился съ похоронами брата, то увѣрялъ, что это вовсе не его братъ, и снова затѣмъ категорически утверждалъ:

— Убить мой братъ!

Попутно выяснилось, что инженеръ Гилевичъ былъ застрахованъ въ 100 тысячъ рублей въ одномъ изъ московскихъ обществъ.

И мало-по-малу, шагъ за шагомъ ясно вырисовывается картина — совершенно убійство подставнаго лица съ цѣлью получить крупную страховую премію.

Оставалось, слѣдовательно, найти какъ самого Гилевича, такъ и опознать убитаго.

Перваго долго не могли найти, но на роль второго сразу явилось много претендентовъ и притомъ весьма правдоподобныхъ.

Вначалѣ предположили, что убійства, собственно, не было, а искромсали уже трупъ, купленный у сторожа какой-нибудь больницы.

Но это предположеніе пришлось откинуть за слишкомъ ясными признаками, извѣстными даже первокурснику-студенту: до или послѣ смерти произведены порѣзы.

Затѣмъ, по заявленію матери союзника Баркова, убитый — несомнѣнно, ея пропавшій сынъ. Дней десять царилъ у всѣхъ эта увѣренность по многимъ случайнымъ мелкимъ совпаденіямъ, какъ вдругъ истощенный, оборванный явился домой „мертвецъ“, и дѣло разрѣшилось очень просто.

— Загулялъ, значить, закуралесилъ... Изъ Москвы въ Питеръ пѣшкомъ шелъ.

Затѣмъ всиолошился кучеръ барскаго дома. Да и не одинъ онъ — многие всиолошились. Но каждый разъ „кандидаты“ или находились благополучно здравствующими, или... никогда не существовали вовсе.

Однако за это время къ трупу неизвѣстнаго, найденнаго въ Лешгуковомъ переулкѣ, присоединился еще одинъ трупъ: братъ Гилевича, студентъ Константинъ, арестованный въ виду сбывчивости своихъ показаній, покончилъ расчеты съ жизнью, повѣсившись въ одиночномъ заключеніи на полотеницѣ.

На столѣ осталась лаконическая записка:

— Я въ дѣлѣ брата невиновень...

Время шло. Газеты уже искусственно поддерживали шумъ около этого естественно потухающаго дѣла.

И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, парижская телеграмма:

„Въ отдѣленіи Международнаго банка арестованъ убійца, инженеръ Андрей Гилевичъ, долгое время скрывавшійся подъ именемъ Подлукцаго“.

Итакъ, нашли въ Парижѣ, безуспѣшно ѣздивши даже въ Константинополь.

Въ настоящее время, за исключеніемъ мелкой подробности — были ли сообщники, дѣло выяснено до точки.

Подлуккій, студентъ Петербургскаго Технологическаго Института, сирота, получившій послѣ смерти родныхъ 10 тысячъ въ наслѣдство, познакомился съ Гилевичемъ путемъ объявленія въ Москвѣ:

„Инженеръ предлагаетъ за хорошее вознагражденіе занятіе интеллигентному молодому человѣку“.

Инженеръ, оказавшійся А. Гилевичемъ, представился, какъ довѣренный титулованной особы и предложилъ Подлуккому мѣсто за границу на самыхъ соблазнительныхъ условіяхъ.

Сговорились. Нѣсколько разъ встрѣчались. Сходили даже вмѣстѣ въ баню (Гилевичу нужно было посмотреть, подойдетъ ли подъ него тѣлосложеніе Подлукцаго). Потомъ пріѣзжали въ Петербургъ, гдѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ Подлуккій получилъ заграничный паспортъ. Затѣмъ... затѣмъ въ Лештуковомъ переулкѣ найденъ трупъ.

Удалось установить, что 4 октября черезъ границу переѣхалъ студентъ Подлуккій. Вскорѣ братъ и тетка Подлукцаго получили 4 открытки изъ-за границы, за подписью „Подлуккій“. Какъ самая подпись, не обычная для студента, подписывавшагося въ письмахъ къ роднымъ только именемъ, такъ и по черкѣ, правда — поддѣланный искусно, возбудилъ у родныхъ сомнѣніе, которымъ они поддѣлились съ начальникомъ сыскной полиціи.

Это-го и было руководящей нитью, приведшей агента Кунцевича въ Международный банкъ въ Парижѣ.

Гилевичъ, обдумавшій все чрезвычайно тонко, въ остроумныхъ деталяхъ, съ необычайнымъ хладнокровіемъ совершившій одно изъ рѣдчайшихъ по жестокости преступленій, попался наивно, по-дѣтски, изъ-за той же ненасытной жажды денегъ, которая толкнула его на самое преступленіе.

Двѣ ренты, хранившіяся на имя Подлукцаго (остальные деньги Гилевичъ раньше уже выбралъ), были вытребованы Гилевичемъ въ Парижѣ, и, когда онъ ихъ получалъ, его схватили французскіе и русскіе агенты.

Привезенный въ Surète (департаментъ полиціи), Гилевичъ подъ предлогомъ вымыть руки ушелъ въ уборную, гдѣ и отравился кристаллизированнымъ пиянственнымъ каліемъ.

Итакъ третья жертва — жертва золота. А впереди и четвертая — это несчастная мать, пережившая въ короткій срокъ столько нравственныхъ потрясеній и сразу потерявшая двухъ сыновей.

Въ промежутокъ между эпилогомъ и прологомъ Лештуковской драмы разыгралась другая, но уже политическая драма, въ которой содержаніе

и до сихъ поръ, несмотря на многочисленные комментаріи, не очень ясно и гдѣ не всѣ дѣйствующіе „герои“ находятся налицо.

Лаконически повѣствуетъ официальное сообщеніе.

8-го декабря въ 11 ч. 4 м. вечера начальникъ С.-Петербургскаго отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка, отдѣльнаго корпуса жандармовъ, полковникъ Карповъ злодѣйски убить въ домѣ № 25, по Астраханской улицѣ, на Выборгской сторонѣ, въ квартирѣ, снятой неизвѣстнымъ лицомъ, проживающимъ подъ именемъ Михаила Воскресенскаго и предложившимъ незадолго передъ тѣмъ свои услуги по раскрытію преступной дѣятельности революціонныхъ организацій. Убійца привелъ въ исполненіе свой преступный замыселъ при помощи скрытой въ мебели адской машины, соединенной проводами электрическихъ звонковъ.

Такова официальная сторона дѣла, вызвавшая „бурное“ засѣданіе Государственной Думы, внесшей правительству спѣшный запросъ, въ которомъ дѣло поворачивалось не въ пользу... покойнаго Карпова.

Переданный въ комиссію, запросъ былъ признанъ не имѣющимъ реальныхъ основаній — никакихъ провокаціонныхъ и незаконныхъ дѣйствій со стороны полковника Карпова не обнаружилось, а, наоборотъ, съ несомнѣнной ясностью установлено, что начальникъ охраны палъ жертвою своей смѣлости, свято исполняя служебный долгъ.

Въ рѣчахъ оппозиціи проводилась, и очень энергично, мысль, что на Астраханской улицѣ была фабрика бомбъ, устроенная чинами охраннаго отдѣленія, и что случающіеся къ концу каждаго года взрывы... необходимы самой охранной власти для продолженія срока чрезвычайной охраны.

Милюковъ въ своей рѣчи, возражая гр. Бобринскому, пылко отставившему абсурдность запроса, съ обычной, плохо скрываемой иезуитической манерой всѣми силами старался сгруппировать даже намеки, неблагоприятно рисующіе охранную дѣятельность правительства.

Освѣдомленные же источники такъ излагаютъ это дѣло, ярко показывающее, насколько опасна вѣра „секретнымъ сотрудникамъ“, т. е. лицамъ, съ революціоннымъ прошлымъ, но перешедшимъ на службу правительству.

Воскресенскій, онъ же по сообщенію „разоблачителя въ разсрочку“ Бурцева—Петровъ, былъ такимъ секретнымъ сотрудникомъ у Карпова.

Воскресенскій-Петровъ, давно уже работавшій въ области политическаго розыска, приобрѣлъ полное довѣріе Карпова доставляемыми цѣнными свѣдѣніями. И вѣра въ В.-Петрова была настолько сильна, что еще наканунѣ катастрофы покойный Карповъ говорилъ, что у него въ рукахъ всѣ нити важнаго террористическаго заговора, который онъ сумѣетъ раскрыть и во-время арестовать всѣхъ членовъ организаціи.

И какъ въ свое время Судейкинъ палъ жертвою своего довѣрія Дегаеву, такъ и Карповъ погибъ за излишнее довѣріе къ Воскресенскому-Петрову.

Дико-безсмысленно разыгралось звѣрское тройное убійство въ Старой Деревнѣ.

— Сидѣли мы въ чайной и говорили о кражахъ. Латышевъ и говорить: хорошо бы обокрасть. — Мы такъ и порѣшили. Вначалѣ думали

обокрасть хозяина безъ убійства, а потомъ рѣшили, что надо убить. Кто попадется—того, значить, и убить.

Такъ давалъ показаніе одинъ изъ убійць, молодой, псинтой петербургскій рабочій.

Неправда ли, какая простота причины и дѣйствія. Сидѣли, болтали, рѣшили, ну, и привели въ исполненіе.

А обвинительный актъ говоритъ слѣдующее:

Крестьяне Мишутинъ и Бѣляшевъ, работавшіе въ качествѣ маляровъ въ домѣ Михайлова, убили плотника Фролова, служившаго въ этомъ домѣ, затѣмъ подстерегли прислугу и приемную дочь Михайловыхъ, зарубили ихъ тѣмъ же топоромъ, что и Фролова. Искальченыхъ, изрубленныхъ дѣвушекъ Мишутинъ кромѣ того изнасиловалъ. Совершивъ преступленіе, Мишутинъ и Бѣляшевъ подождали своего товарища Латышева, съ которымъ заранѣе сговорились, поднялись въ квартиру Михайлова и ограбили ее. Затѣмъ всѣ вещи были переданы Латышеву для продажи, а убійцы пошли спать.

За награбленное было выручено 31 рубль, изъ которыхъ одинъ рубль убійцы пропили, а съ остальными Латышевъ убѣжалъ.

Десять минутъ совѣщался судъ и вынесъ всѣмъ тронмъ смертный приговоръ, тутъ же конфирмованный.

Естественнымъ переходомъ отъ пытокъ и смерти людей будетъ описаніе порядковъ нашего Зоологическаго сада—этого, въ своемъ родѣ, „Сада пытокъ“, какъ озаглавилъ свой большой романъ Октавъ Мирбо.

Въ Петербургѣ есть комичныя несообразности. Напримѣръ, существуетъ „Аквариумъ“, въ которомъ рыбу можно видѣть только... подъ соусомъ. Есть Зоологическій садъ, который многихъ заставляетъ призадуматься надъ вопросомъ—что къ чему приложено: буфетъ къ звѣрямъ или звѣри къ буфету?

Садъ—излюбленное мѣсто обширной нѣмецкой колоніи и любителей пива подъ музыку. Открытіе и закрытіе сада сопровождалось традиціонными „гроссъ-скандалами“, со стеклобитіемъ, рукоприкладствомъ, подъ лихіе звуки нрусскаго оркестра Франка.

Садъ, тоже по традиціямъ, переходилъ изъ однихъ нѣмецкихъ рукъ въ другія. Когда-то, во времена пышнаго расцвѣта, онъ принадлежалъ Росту, сдѣлавшаго на немъ „хорошее“ дѣло; послѣднія 12 лѣтъ имъ владѣли „сіамскіе близнецы“—гг. Баумвальдъ и Гольцъ.

Нынѣ городъ не захотѣлъ возобновить контракта съ этими владѣльцами, такъ оригинально понимающими назначеніе Зоологическаго сада, и тутъ-то началась исторія, которую можно было бы озаглавить „садъ пытокъ“, или „зоологическій застѣнокъ“.

Добровольно сдать имущество городу владѣльцы не захотѣли. Опираясь на какой-то туманный пунктъ договора, нѣмецкая парочка оттягивала день сдачи, а тѣмъ временемъ подъ шумокъ, да втихомолку повывезла рѣдкіе экземпляры животныхъ.

И новый арендаторъ сада баронъ Винклеръ оказался въ затруднитель-

номъ положеніи. Сданный ему почему-то лишь на 1 годъ садъ былъ безъ звѣрей, безъ помѣщеній для нихъ. Для приведенія всего въ порядокъ надо было затратить десятки тысячъ,—а стоило ли, если неизвѣстно, что черезъ годъ будетъ?!

И все-таки, несмотря на тяжелыя условія, новый владѣлецъ задался цѣлью создать въ столицѣ настоящей Зоологической садъ, въ которомъ звѣри будутъ размѣщены на свободѣ, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ жизни, въ которыхъ они дѣйствительно жили, дабы этимъ создать имъ иллюзію, а зрителя не пугать изнуреннымъ, истощеннымъ, измученнымъ видомъ звѣрей.

А пока бар. Винклеръ мечталъ о раѣ на землѣ для животныхъ, дѣйствительность поднесла ему слѣдующій „фондъ“, изъ котораго должно было быть положено начало будущему звѣриному саду.

При пріемѣ живого инвентаря животныхъ почти не оказалось, а оставшіяся налицо были до того изнурены голодовкой и отсутствіемъ ухода, что дни ихъ были сочтены.

Подаренные Государемъ львы и львицы были наканунѣ смерти. Изъ тигровъ оказался одинъ, остальные... сдохли. Птицъ совсѣмъ не нашли. 2 слона, сильно похудѣвшіе, еле держались на ногахъ. Налицо оказался десятокъ обезьянъ, полуживыхъ. Лучшіе ихъ представители, бывшіе за день въ саду—исчезли безслѣдно...

Ветеринарная коммиссія пришла къ заключенію о необходимости умертвить многихъ животныхъ, дабы прекратить ихъ мученія.

При описи оказалось, что много экземпляровъ утаено. Въ подпольѣ обнаружили 2-хъ верблюдовъ, до того исхудавшихъ, что у нихъ пропали горбы. Нашли забитыми въ тѣсныя ящики—розоваго пеликана и красавца чернаго лебедя, у котораго за время утайки... крысы отѣли голову.

На глухой улицѣ найдена была сарай съ запрятанными животными, заключенными въ ящики, въ которыхъ можно было лишь стоять, упираясь всѣми сторонами въ стѣнки. Сгибали головы, чтобы прикрыть крышкой!..

Въ настоящее время всѣ звѣри у новаго владѣльца, и ласковый умѣлый уходъ сразу отразился на животныхъ.

Попутно, какъ и всегда впрочемъ, открылась маленькая городская паннама, дающая легкое объясненіе, почему до сихъ поръ у всѣхъ на глазахъ безнаказанно могло происходить такое безобразіе.

Въ торговыхъ книгахъ ресторана при Зоологическомъ садѣ имѣются свѣдѣнія, показывающія, что городскіе заправилы съѣли и выпили „на зарисѣ“ на... 11 слишкомъ тысячъ!

Ну-ну!

Вообще, къ концу 1909 года открылось не мало панамъ. Тогда же ладежало обновить составъ Городской Думы. И противники прежняго режима спѣшно вылавливали всякую накипь и грязь, всплывшую на поверхность „стародумской“ дѣятельности, и недаромъ передъ выборомъ новаго состава забили тревогу о необходимости полнаго обновленія Городской Думы, полнаго очищенія ея отъ стародумской „скверны“, предводительствуемой вліятельнымъ и могущественнымъ Глазуновымъ, надъ которымъ измывается вся желтая пресса, окрестивъ его въ „севрюгу“...

Старой Думѣ поставили, и не безъ основанія, въ упрѣкъ ея малодѣя-

гельность, ея пристрастіе раздавать своимъ любимцамъ жирные куски отъ общественнаго пирога, ставили въ упрекъ совмѣстительство въ платныхъ должностяхъ... Этимъ и объясняется успѣхъ партіи обновленія, выступившей передъ выборами агитаціонный „манифестъ“, съ перечисленіемъ грѣховъ и прегрѣшеній передъ обывателемъ старыхъ отцовъ города.

Отсутствіе канализаціи въ столицѣ обновленцы приписываютъ не всецѣло винѣ стародумцевъ, такъ какъ сознаютъ, что безъ помощи правительства трудно ее осуществить. Но не видятъ никакого оправданія разорительному хозяйничанью стародумцевъ, благодаря чему это дѣло затянuloсь на неопредѣленное время.

Холера—бѣдствіе, конечно, стихійное, зависящее большей частью отъ некультурности населенія, но нельзя же не признать, что полная изношенность водопровода, принятаго городомъ болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, способствовала длительности холеры, а также тифа и другихъ заразныхъ болѣзней. Капиталь, предназначенный спеціально на улучшеніе водоснабженія, тратился на другія дѣла.

Выборы велись съ необыкновенной страстностью, и никогда еще на страницахъ русскихъ газетъ не велась такая откровенная, чисто американская агитація, при которой вспоминались грѣшки не только самихъ гласныхъ, но ихъ отцовъ до седьмого колѣна включительно.

По первому разряду, въ которомъ кругъ избирателей ограниченъ, а, главное, имѣеть слишкомъ много приверженцевъ старой системы хозяйничанья,—обновленцы провалились. Изъ 27 мѣстъ имъ досталось только 2. Зато по второму разряду стародумцы понесли жестокое пораженіе, такъ какъ выбрано было 43 прогрессивныхъ гласныхъ и всего 11 стародумцевъ. При чемъ, въ числѣ послѣднихъ, есть весьма сомнительные „глазуновцы“, что даетъ солидное основаніе предполагать объ общей картинѣ Думы — большинство будетъ несомнѣнно прогрессивное.

Бездѣятельностью Городской Думы, ея неспособностью стать на надлежащую высоту охраны интересовъ столицы Россіи, резиденціи Государя Императора объясняется законопроектъ о принудительномъ оздоровленіи Петербурга.

Среди городовъ Европы Петербургъ по смертности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ 1908 году рождаемость была 44133, а смертность 44311, то-есть превышала рождаемость.

Въ 5-лѣтнемъ возрастѣ въ СПб. умерло 19487 дѣтей, то-есть 44⁰/₁₀₀ всего числа. Отъ тифа умираетъ ежегодно 111 человекъ на 100 тысячъ, благодаря условіямъ города, въ которомъ любая инфекціонная болѣзнь, разъ появившаяся, надолго остается.

Помимо скученности бѣднѣйшаго населенія, плохого его питанія, неудовлетворительности организаціи врачебной помощи, слѣдуетъ признать главнѣйшей причиной — чрезмѣрное загрязненіе (болѣе 200 лѣтъ) почвы города и его водоемовъ.

Въ результатѣ создается совершенно недопустимое съ гигиенической и санитарной стороны положеніе, при которомъ населеніе лишено такого предмета первой необходимости, какъ натуральная питьевая вода, и вынуждено потреблять ее подъ страхомъ болѣзни и смерти, не иначе, какъ въ кипяченомъ видѣ.

Разработка о канализации длится чуть ли не 40 лѣтъ, а только возъ и нынѣ тамъ. И министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ докладѣ указываетъ, что въ отношеніи водоснабженія дѣятельность городского Управленія также крайне безуспѣшна. Все, что было сдѣлано въ этой области существеннаго, выполнено помимо городского Управленія. Какъ расширение фильтровъ, такъ и установка водомѣровъ состоялась вопреки желанію Городской Думы, по Высочайшему повелѣнію.

Равнымъ образомъ правительство вынуждено было въ 1909 году приступить къ сооруженію коллектора для отвода нечистотъ.

Расходъ по сооруженію канализации и переустройству водоснабженія исчисленъ примѣрно въ 100 милліоновъ рублей.

Многія характерныя „мелочи“, скользящія по „невпечатлительному“ петербуржцу, заслуживаютъ, однако, вниманія читателя.

Изъ участвовавшихъ случаевъ самоубійствъ учащейся молодежи рѣзко выдѣляется не совсемъ обычная исторія съ курсисткой Медицинскаго Института Табаковой, болгарки по происхожденію.

Невесело складывалась ее жизнь, полная лишеній, да и будущее, даже въ грезахъ, не рисовалось розовыми красками. И мало-по-малу пришла къ рѣшенію.

Покончить съ собою.

Осуществила, и стоны привлекли вниманіе ея сожительницы, тоже медичекъ. Отвезли отравившуюся стрихниномъ въ Петропавловскую больницу, рассчитывая на помощь. Дежурный врачъ, д-ръ Розенталь, сдѣлавъ поверхностный осмотръ, заявилъ, что... отравленія нѣтъ, а это просто истерія.

Никакія увѣренія больной и подругѣ дѣлу не помогли, причемъ Табакова умоляла дать ей противоядіе — хлороформъ или хлораль-гидратъ. Но Розенталь стоялъ на своемъ и далъ для успокоенія нервовъ валеріановыя капли. Мало того. Съ самаго начала д-ръ Розенталь обращался къ больной съ требованіемъ не играть комедіи, а отправляться домой, причемъ все это говорилось такимъ тономъ, что присутствовавшіе дворникъ, извозчикъ и сторожа „за животныи“ отъ смѣха хватались.

Табакова умерла.

И правы курсистки, говоря въ письмѣ въ редакцію: „Пока покойная была жива, что она должна была почувствовать, ясно сознавая все время, что, повѣрь ей врачъ, она могла бы быть спасена, что она должна погибнуть жертвой непонятнаго упрямства врача, имѣвшаго... смѣлость шутить еще!! „Вы должно быть вмѣсто стрихнина взяли антипиринъ... Сначала бы поучились теоріи, а потомъ и говорили бы, что это отравленіе стрихниномъ“. И наконецъ, произнесъ фразу, въ существованіе которой какъ-то не хочется вѣрить: „Клянитесь отъ насъ на томъ свѣтѣ.“

И насколько ясны побужденія подругъ, настолько... удивительно, чтобы не сказать сильнѣе, выступленіе въ печати 29 врачей, взявшихъ на себя защиту своего коллеги.

Между прочимъ они пишутъ:

„Шутливое отношеніе дежурнаго врача къ больнымъ, конечно, не-

умѣстно, но въ данномъ случаѣ оно находить извиненіе въ убѣжденіи (!) д-ра Розенталя, что онъ имѣлъ дѣло съ истеріей, въ отношеніи которой тонъ врача принимается иногда шуточный характеръ“.

А потому врачи вынесли резолюцію:

„Оцѣнивъ всю больничную дѣятельность д-ра Розенталя, собраніе считаетъ долгомъ выразить сочувствіе своему товарищу, переживающему тяжелые дни въ положеніи, въ которомъ можетъ оказаться каждый врачъ“...

Сочувствіе не по адресу!

Торжественно учрежденъ Всероссійскій національный клубъ. — Событіе безусловно большой исторической важности.

Инициаторами клуба являются членъ Госуд. Думы П. Н. Крупенскій и М. О. Меньшиковъ. Первый при открытіи сказалъ красивую рѣчь, опредѣляющую задачи клуба.

„Мы создаемъ русскую идею, а не только русскій клубъ. Это будетъ Главный Штабъ развитія русской Идеи“...

Изъ юбилеевъ отмѣтимъ пышно отпразднованное столѣтіе Спб. Духовной Академіи.

50-тилѣтній юбилей отпраздновалъ Литературный Фондъ (1859—1909 г.), основанный Дружининымъ. Составъ перваго Комитета по своему облику нѣсколько разнится отъ нынѣшняго: Н. Г. Чернышевскій, А. А. Краевскій, А. В. Дружининъ, И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. В. Никитенко, К. Д. Кавелинъ и др.

Денежные средства Литературнаго Фонда образуются изъ пожалованій Высочайшихъ Особъ, изъ ежегодной (правда, незначительной) субсидіи Мин. Народнаго Просвѣщенія, членскихъ взносов, пожертвованій и доходовъ съ разныхъ вечеровъ и изданій.

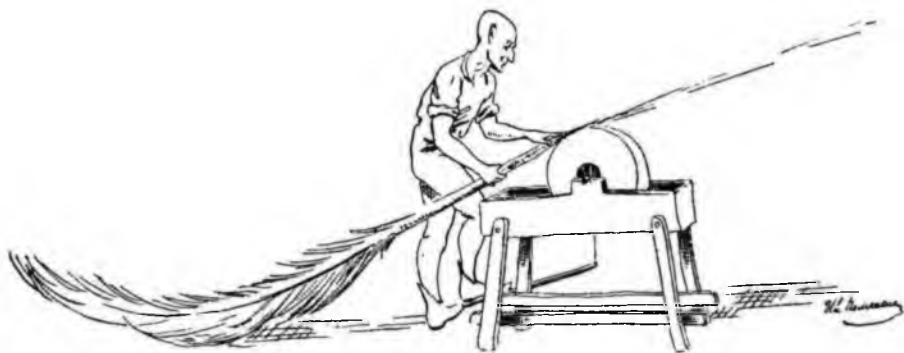
Въ настоящее время капиталъ Лит. Фонда достигъ 610.458 рублей, не считая 150 тысячъ, пожертвованныхъ Голубевымъ на постройку общежитія для писателей, и мн. др.

Полувѣковой юбилей Русскаго Музыкальнаго Общества, основаннаго А. Г. Рубинштейномъ, прошелъ помпезно.

За 50 лѣтъ Р. М. О. много сдѣлало для распространенія музыкальнаго образованія по всей Россіи, и теперь изученіе музыки стало общедоступнымъ. Благодаря этому обнаружилось много высоко одаренныхъ музыкальных дѣятелей, педагоговъ, пѣвцовъ и музыкантовъ и не будетъ чрезмѣрной смѣлостью утвержденіе, что если Россія въ короткій промежутокъ времени удалось занять въ средѣ музыкальныхъ культурныхъ государствъ такое высокое положеніе, то этимъ она во многомъ обязана Императорскому Русскому Музыкальному Обществу.

Н. Гребецкой.





И С К Р Ы.



НА СВАТКАХЪ *).



Въ одномъ очень большомъ и очень уютномъ домѣ среди полей и лѣсовъ моей родной Баваріи, — началъ Карлъ Карловичъ, — шель рождественскій пиръ на славу по всеѣмъ традиціямъ: все самые отдаленные члены семейства съѣхались на рождественскій отдыхъ, и фамильный замокъ, приспособленный къ новѣйшимъ требованіямъ комфорта, былъ переполненъ дядюшками, тетушками, дѣдушками, ба-

бушками, кузенами и кузинами и молодежью въ самомъ сложномъ и затѣйливомъ родствѣ. Только прабабушка была въ единственномъ числѣ и составляла, по милому обычаю, центръ торжества, вниманія и шутокъ, воссѣдая на специальномъ столѣтнемъ креслѣ и сіяя изъ его глубины серебряными буклями и счастливой улыбкой на кругленькихъ розовыхъ щекахъ съ ямочками...

— Ого, какъ вы описываете прабабушку! — со смѣхомъ перебили рассказчика дамы. — А сколько ей было лѣтъ? Столько, сколько вамъ, Карлъ Карловичъ?

Но Карлъ Карловичъ только отстранилъ шутки рукой и продолжалъ:

— Все представители четырехъ поколѣній, окончивъ поздній обѣдъ, продолжали угощеніе вокругъ четырехъ слокъ различной величины, эмбле-

*) Беремъ изъ „Гол. Москвы“ этотъ безобидный, но полный жизненнаго юмора рассказъ.

матически украшавшихъ огромный Speise-Saal. Шумъ, тѣснаго и жара только увеличивали веселье.

Только одинъ человѣкъ чувствовалъ себя во всемъ этомъ не какъ рыба въ водѣ, а какъ новорожденный щенокъ, извините за сравненіе; это былъ только-что поступившій въ домъ слуга, лакей. Онъ пріѣхалъ изъ далекой Помераніи, гдѣ о такой господской жизни и слухомъ не слышать,—и попалъ сюда, „въ ученье“ для карьеры лакея, какъ велѣли ему старики-родители, словно въ водоворотъ. Ужъ сколько онъ блюлъ перетаскалъ сюда сегодня изъ большой кухни внизу! И горячихъ, и холодныхъ, и тѣстомъ отъ нихъ нахло, и грибами, и птицей, и рыбой, и яблоками, и картофелемъ и капустой,—онъ и не думалъ, что паръ отъ ѣды бываетъ тридцати сорговъ!.. И какъ это господа все это съѣдятъ?.. Сначала, правда, онъ думалъ, что самъ помогъ бы на-половину; но къ концу барскаго обѣда такъ уморился со всеми этими полными блюдами и пустыми тарелками, что теперь даже аппетитъ пропалъ, присѣсть бы только гдѣ, да отдышаться. Даже вздремнуть готовъ!..

И вотъ онъ, думая, что наконецъ настала передышка, присѣлъ въ красивой кухнѣ въ сторонѣ отъ жаркаго огня. Съ него и такъ потъ капался въ три ручья.

Кухня въ это время опустѣла: всѣ шестеро человѣкъ женской прислуги, покончивъ со стиркой и накрывъ столъ передъ плитой для собственной компаніи, отправились переодѣться по-праздничному. А Гансу велѣли помнить, что если зайдетъ кто съ дороги, какой бы ни былъ бѣдный человѣкъ, а пуще всего если кочующій монахъ, то непременно, по обычаю этого вечера, принять радушно, согрѣть, усадить и накормить — напоить, даже не ожидая ихъ прихода.

Приходъ женскаго сословія затянулся; что-то особенно много хохоту доносилось сверху изъ ихъ комнаты; и Гансъ, чувствуя себя и тутъ не совсѣмъ у мѣста, былъ только доволенъ, что можно спокойно вытянуть длинныя ноги и закрыть глаза.

Но у двери раздался слабый стукъ, и, вскочивъ, добрый дѣтина механически исполнилъ приказаніе, пропуская въ кухню какое-то человѣческое существо и едва удерживая отъ вѣтра огромную дубовую дверь. Существо и инстинктивно, и сознательно постѣшило юркнуть мимо этой секундной, но серьезной дубовой опасности изъ морозной тьмы въ міръ свѣта и тепла.

Опустившись на ближайшій стулъ, существо сначала только дрожало, оттаивало и жалостно стучало зубами, не произнося ни слова.

Гансъ стоялъ надъ нимъ, постепенно соображая.

Когда главная масса снѣга стаяла и образовала на выскребленномъ

до-бѣла полу порядочныя луки, на пришелицѣ оказался костюмъ монаха въ невѣроятно ионошенномъ видѣ.

— А!.. это вотъ кого сегодня велѣно кормить, — сообразилъ уже дисциплинированный до нѣкоторой степени Гансъ и почтительно подвинулъ другой стулъ, приглашая монаха къ столу.

Тотъ страхнулъ съ себя остатки снѣга и радостно, хотя робко, пересялъ на мѣсто, которое въ его почти замершемъ мозгу рисовалось за пять минутъ передъ тѣмъ, окруженное райскими облаками.

Но теперь онъ уже могъ разобрать, что облака—это были пары надъ поддюжиной огромныхъ блюдъ, свѣтъ лился изъ жаркой печи, а не отъ солнца, и его отмерзшимъ челюстямъ предстояло настоящее земное блаженство.

И старичекъ принялся за дѣло.

Не только исполняя приказаніе, но и самъ заинтересованный необыкновеннымъ ашиетитомъ гостя,—аппетитомъ, который самъ онъ уже потерялъ отъ суеты, усталости и безконечной возни съ тарелками, — Гансъ все подкладывалъ и подливалъ ему угощенія.

Сморщенное лицо стараго монаха постепенно разгорѣлось, маленькіе глаза заблестѣли, аппетитъ все увеличивался, пока не наступила реакція: не успѣвъ, или боясь, или, можетъ быть, не удостоивая начать разговора, онъ такъ же постепенно посоловѣлъ, размякъ, осовѣлъ и готовъ былъ за-снуть на мѣстѣ.

Не имѣя дальнѣйшихъ инструкцій, какъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ дальше, Гансъ предложилъ было гостю удалиться. Но это нисколько не подѣйствовало. Испуганное состояніе прошло вмѣстѣ съ голодомъ, и сморщенное существо, рѣшительно покачавъ головой, отказалось вновь промѣнять тепло на безпросвѣтную стужу.

Гансъ попытался кликнуть женщинъ,—но тщетно. Веселье словно обуяло всѣхъ въ этомъ домѣ сегодня, и визгливые переливы молодого хохота смѣнялись лишь басовыми залпами представительной, но вполне подходящей къ компаніи, кухарки.

Онѣ тоже не торопились ѣсть послѣ дневной стирки и предпочитали веселья рождественскія исторіи. Какое имъ было дѣло до новаго, смуглаго и долговязаго парня, а о молчаливомъ гостѣ внизу онѣ даже и не подозрѣвали.

Потерявъ надежду выставить монаха за дверь, Гансъ рѣшилъ пойти за инструкціями къ барину.

Столовая попрежнему была переполнена движеніемъ, лицами, голосами, угощеніями и разговорами, когда хозяинъ замѣтилъ наконецъ въ дверяхъ глуповатую фізіономію новаго лакея.

На-скоро остановившись около него, онъ спросилъ, что нужно.

— Что мнѣ дѣлать съ монахомъ, баринъ?—спросилъ Гансъ.

— Ахъ, да, правда: сегодня холодный вечеръ,—отвѣчалъ хозяинъ.— Тамъ только одинъ въ кухнѣ?—спросилъ онъ.

— Одинъ,—отвѣчалъ новый лакей, смутно удивляясь, что на такой сортъ гостей существовать спосебъ.

— Такъ поддержи его поочередно во всѣхъ кроватяхъ. Онъ у насъ хорошій.—И баринъ уже хотѣлъ итти.

— Во всѣхъ кроватяхъ?.. Поочередно?..

— Ну, да! Ахъ какой ты, право, непонятливый, всему учить надо; сначала у всѣхъ молодыхъ господъ, потомъ у прабабушки, а подь конецъ въ барыниной кровати. Тамъ его и оставишь. Ну, иди, иди. Сдѣлай это и потомъ можешь итти спать. Ты ужъ совѣмъ осовѣлъ.

И, снисходительно улыбувшись, баринъ отошелъ къ ожидавшей его группѣ.

Гансъ едва нашелъ дверь отъ удивленія: онъ не зналъ, что въ Баваріи называютъ „монахомъ“ большую металлическую грѣлку, которой дѣйствительно согрѣваютъ зимой всѣ постели поочередно. Это такая темная, солидная съ виду штука, нѣсколько напоминающая фигуру въ монашескомъ платьѣ, откуда и пошло названіе.

Добравшись до кухни, въ которой одиноко, но сладко спать въ кухаркиномъ креслѣ сморщенный старичекъ, Гансъ на минуту остановился, почесалъ затылокъ, но затѣмъ рѣшительно встряхнулся, расправилъ мускулы и, схвативъ сонное существо въ охапку, живо поволокъ его въ боковой корридоръ дома, гдѣ находились всѣ спальни.

Что думалъ бродячій монахъ, неизвѣстно. Надо полагать, что сначала впросонкахъ онъ очень одобрилъ такое гостепрѣимство; потомъ удивился, но рѣшилъ, что выгоднѣе не спорить съ обычаями богатаго дома, и не сопротивлялся. Но, послѣ нѣсколькихъ энергичныхъ перемѣщеній и окончательно очнувшись, онъ почувствовалъ приливъ человѣческаго достоинства и съ помощью физическаго подбѣрѣвленія отъ принятой пищи выразилъ протестъ. Постепенно оба дошли до азарта.

Гансъ былъ высокъ, довольно силенъ и полонъ готовности тренировать себя для карьеры лакея въ хорошемъ барскомъ домѣ, какъ желали его родители. Удивляться онъ уже пересталъ и просто смущался. Но дѣло въ томъ, что къ вечеру онъ сильно утомился физически, а гостей въ домѣ было много...

Прошелъ почти часъ, когда онъ, весь красный, потный, растрепанный, въ разорванномъ воротничкѣ и тяжело дыша, вновь явился въ столовую. Онъ скоро привлечь общее вниманіе своимъ появленіемъ.

— Извините, баринъ, но сегодня кончить невозможно.

— Что кончить?

— Съ монахомъ.

— Да что невозможно?

— Добраться до барыниной постели.

— Чортъ знаетъ, до чего ты глупъ! Почему невозможно?

— Не идегъ дальше. Я совсѣмъ измучился.

— Не и-деть??..

— Брыкается. Теперь у прабабушки лежитъ и клянется, что я его оттуда живымъ не вытащу. Мягко, говоритъ, очень: самыя лучшія перья!

*

— Что именно произошло послѣ этого, неизвѣстно, — заключилъ Карлъ Карловичъ среди общаго хохота.

Н. Жаринцова.

